

Красота спасающая

Мать
Мария

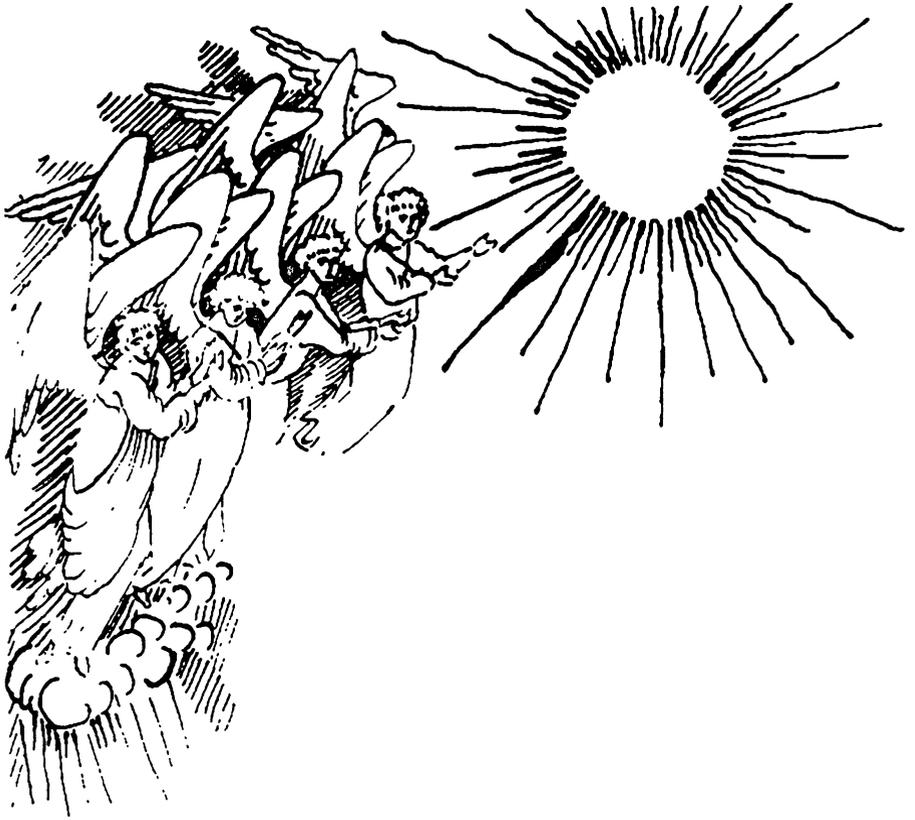
Мать
Мария
(Скобцова)

Живопись
Графика
Вышивка

Красота спасающая

Издательство «Искусство—СПБ»

Красота спасающая

Мать Мария
(Скобцова)

Живопись
Графика
Вышивка

Автор-составитель
К. И. Кривошеина

Санкт-Петербург
«Искусство—СПБ»
2004

УДК 75/76
ББК 85.1
М25

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и связям с общественностью Санкт-Петербурга.

Напутственное слово митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла
Вступительная заметка *Жоржа Нива*

Очерк жизни и творчества *К. И. Кривошеиной, А. Н. Шустова*

Примечания *А. Н. Шустова*

Летопись жизни и творчества *А. Н. Шустова*

Подбор иллюстраций для текста *А. Н. Шустова*

Оформление *Ю. А. Хайретдинова*

Макет альбомной части *Л. А. Батищевой*

На фронтиспise изображение м. Марии работы *К. И. Кривошеиной*

На форзацах: *Е. Ю. Кузьмина-Караваева*. «Притча о десяти девах». Силуэтная вырезка. 1917

В оформлении использованы рисунки матери Марии (Скобцовой), выполненные ею на полях издания: *Монахиня Мария*. Стихи. Берлин, Петрополис, 1937

Компьютерная обработка изобразительного материала *А. Гринбаума, Н. И. Кривошеина и Ю. А. Хайретдинова*

В издании использованы фотографии *Тьерри Праг*

Сайт, посвященный матери Марии: www.mere-marie.com

- © Издательство «Искусство—СПБ», 2004 г.
- © Жорж Нива, вступительная заметка, 2004 г.
- © К. И. Кривошеина, вступительная статья, составление, комментарии к иллюстрациям, 2004 г.
- © А. Н. Шустов, вступительная статья, примечания, летопись жизни и творчества, 2004 г.
- © Ю. А. Хайретдинов, оформление, 2004 г.

ISBN 5-210-01573-4

Выражаем благодарность:

Его Высокопреосвященству архиепископу Евкарпийскому Сергию (Коновалову); 2003, Париж

Его Высокопреосвященству Архиепископу Корсунскому Иннокентию, Париж

Игуменье матушке Анастасии (монастырь Знамения Божией Матери), Франция

Отцу Николаю Чернокраку (протоиререю и настоятелю храма пр. Серафима Саровского), Париж

Отцу Николаю Ребингеру (протоиререю и настоятелю храма Введения во Храм Пр. Богородицы), Париж

Отцу Кириллу (православный монастырь Иоанна Крестителя в Молдоне), Англия

Протоиререю Николаю Балашову (и. о. секретаря ОВЦС Московского Патриархата)

а также

Госпоже Е. Д. Аржаковской-Клепининой (Париж)

Госпоже Л. А. Богдановой (главный хранитель Тверского гос. музея им. Салтыкова-Щегрина)

Госпоже А. С. Сытовой (искусствовед и коллекционер), Санкт-Петербург

Председателю ЗЕМГОРА господину Ю. А. Трубникову (Комитет помощи русским беженцам, Франция)

Коллекционеру Г. И. Лещенко (Франция)

Лидии Исидоровне Бондаренко (Париж), за поддержку в подготовке издания

Семье Кривошеиных за предоставление слайдов с художественных работ м. Мариц, из личного архива Игоря Александровича Кривошеина

Подвиг матери Марии

*...настанет день: на широту миров —
Во всем преодолев стихию разрушенья —
Творца мы прославлять восстанем из гробов,
Исполнив заповедь любви и воскрешенья.*

Так писала незадолго до своей трагической гибели в концентрационном лагере Равенсбрюк монахиня Мария (Скобцова). Она приняла смерть 31 марта 1945 года, в дни Святой Четырдесятницы, когда в надежде Воскресения Христова обновляется и оживотворяется весь прекрасный Божий мир.

На первый взгляд может показаться, что путь, избранный матерью Марией, — не тот, которым восходили «от силы в силу» великие учителя иночества. Но истинное монашество состоит в отвержении себя: Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною (Мф 16:24). Так и жизнь, и смерть матери Марии — это путь отказа от себя, путь служения гальним и близким (Еф 2:17), путь деятельной, страдающей и милующей любви.

Люди, окружавшие монахиню Марию, переживали катастрофу старой России прежде всего как личную трагедию. Мать Мария принадлежала к тем, кто распознал в обстоятельствах времени и нечто большее: призывание к христианскому творчеству. Она была в потоке, уносившем от избыточной усложненности «последних римлян» «серебряного века» предреволюционной

петербургской культуры к апостольской простоте первых христиан, к золотому веку Церкви. Она писала:

«Мы безбытны. Что это — случай? Что это — наша житейская неудача? В такую, мол, несчастную эпоху родились? В области жизни гуховной нет случая и нет удачных и неудачных эпох, а есть знаки, которые надо понимать, и пути, по которым надо идти. И мы призваны к великому, потому что мы призваны к свободе...» В этом — смысл жизни и трудов матери Марии. Свобода рассматривалась ею как бесценный дар Божий, и она шла на видимые и невидимые миру жертвы, чтобы сохранить его для тех, кто был рядом. При этом она и сама оставалась по-настоящему свободным человеком.

Ее свобода была в неустроенности земного бытия: в храмах, спешно переоборудованных из гаражей и конюшен, в «стульях» из пачек телефонных справочников, в незапиравшейся двери в каморку под черной лестницей. Ее свобода была в безвозмездном служении нищим, убогим, отчаявшимся. Именно здесь обреталось высшее призвание служения матери Марии.

Я знаю только радости отдачи,
Чтобы собой тушить мирскую скорбь,
Чтобы огонь и вопль кровавых зорь
Потоплен в сострадательном был плаче.

«Если мы принесем в Россию новый дух — свободный, творческий, дерзновенный — наша миссия будет исполнена», — говорила своим соратникам мать Мария. Всю жизнь ей сопутствовал этот дивный дар Божий: даже находясь в лагере смерти, на краю своего жизненного пути, она не оставляла своего творчества. Как бесценное сокровище хранится ныне ее равенсбрюкская вышивка с изображением Богородицы, держащей на руках Спасителя мира.

Ныне подвиг любви матери Марии, ее творческое наследие все более становятся известны нашим соотечественникам. Верим, что ее вдохновенный пример укрепит наши силы в служении Воскресшему из мертвых Христу Спасителю.

Мать Мария приняла мученическую кончину в день, когда Православная Церковь совершает поминовение усопших, в субботу второй седмицы Великого поста. Закрыв страницы временной жизни, она перешла в вечные обители. Действующая земная любовь соединилась с торжествующей небесной.

Вечная твоя память, гостоблаженная сестра наша, приснопоминаемая...

+ *Кирилл*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОТДЕЛА
ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ
МССКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА
МИТРОПОЛИТ СМОЛЕНСКИЙ
И КАЛИНИНГРАДСКИЙ КИРИЛЛ

«И до конца надо мне обнищать»

Лиза Пиленко, Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, Е. Скобцова, Юрий Данилов, «Ю. Д.» и «Д. Юрьев», потом «ММ» и, наконец, мать Мария — за этим перечнем имен стоит одна жизнь, одна личность.

Личность парадоксальная, многосложная, вызвавшая острые споры, но и цельная, дошедшая до конца, осуществившая себя в мере, редко кому дарованной...

Она полностью принадлежит двадцатому веку. Как поэт, как художник, сопричастный миру искусств предреволюционной эпохи, как матрос на борту «корабля сумасшедшего», как эмигрант, как страстный искатель правды, как пепел в трубе крематория Равенсбрюка.

Ее гордая и смиренная, вечно алчущая душа искала свет в той «европейской ночи», о которой пел скептик и трагик Владислав Ходасевич. Она добровольно погрузилась в эту ночь тоталитаризма, пыток, холокоста, в ее неминуемую тьму. Судьба матери Марии присоединилась к судьбам миллионов жертв. Она вписывается в мартиролог века и в мартиролог поэзии рядом с Целаном, Мандельштамом, Цветаевой и многими другими.

Затмился ли Бог в Освенциме, в Равенсбрюке, на Колыме, как утверждают многие богословы вслед за немецким философом Йонасом? Или, напротив, Он сиял в последних взглядах и последних вздохах мучеников? Этот вопрос трагически разделил мир, и на него нет ответа. Ибо истина — не то, что ты знаешь, а то, что ты есть. Истину нельзя знать, в ней можно только быть или не быть. Нет свидетелей последних слов матери Марии, но ее пророческое:

И мгла — не мертва, не пуста,
И в ней — начертанье креста —
Конец мой, конец огнепальный —

свидетельствует: Бог для нее сверкал в умирающих душах.

Она принадлежит безумному, страстному и блестящему «серебряному веку». Она чаяла взрыва и катастрофы, «невиданных мятежей», и она воистину была дитя «страшных лет России». Ее «Скифские черепки» (1912) написаны в год «Зарева зорь» Бальмонта, «Волшебного фонаря» Цветаевой, «Зеркала теней» Брюсова, «Вечера» Ахматовой, «Дикой порфиры» Зенкевича, «*Cor ardens*» Вячеслава Иванова и «Чужого неба» Гумилева.

Он в рабство продал меня чужому тирану...¹

Ее героем был «трагический тенор эпохи» Александр Блок, который и сам вглядывался в душу этой еще очень молоденькой, но уже столь волевой женщины. Жизнь ее уже тогда сложилась бурно и хаотично — она влюбилась в пророка «страшного мира», может быть, потому, что сама чувствовала всю безысходность «страшного мира». Блоку она писала: «Не надо чуда, потому что тогда конец мира придет. Исцелить людей нельзя». Она умоляла:

Убери меня с Твоей земли,
С этой пьяной, нищей и бездарной...²

Но Он, знающий времена и сроки, не даровал ей скорого ухода.

Как многие ее современники, Кузьмина-Караваяева, пользуясь выражением Розанова, «ходила вокруг церковных стен». И как у многих ее сверстников, религиозность в какой-то момент перешла в веру, веру настоящую, испепеляющую. Сыграла роль встреча с отцом Сергием Булгаковым, утвердившим свою богословскую мысль на «реализме» Софии, то есть на совершенно новом понимании Бога и Его вечного самооткрывания в Софии и в Творении. А может быть, именно этот парадоксальный средневековый «реализм» Софии помог ей принять крестный путь. Принять «чудо», про которое она в 1913 году писала Блоку, что оно нас всех уничтожит и «тогда мы будем мертвые». Испепеляющее чудо помогло ей создать приют на рю-де-Лурмель и пройти через жестокости века со спокойствием, даже вызовом. Вплоть до конца. Предчувствие слышно во многих строчках.

Я верю, Господи, что если Ты зажег
Огонь в душе моей, то не погаснет пламя³.

Как Шарль Пегги, католический французский поэт, погибший на первой мировой войне, она была социалистом и стала христианкой. Социализм или же коммунизм виделся многим пламенным душам как

первоапостольская община, как обетованный «Новый Град». Подобно Пегги, она в своей поэзии близка к мистериям, в ней литургическая сила и красота. Но эта литургичность никоим образом не слащавая, не сусальная красота; это христианство крепкое, острое, колючее.

Не хотят колючие слова
В эти мерные вмещаться строки⁴.

Слова в ее мистериях и стихах колют. Они втискиваются в классические формы и даже в дантовские терцины, как, например, в ее замечательной поэме «Духов день». Втискиваются, но с трудом, набожность ее не мещанская, скорее, военная, солдатская... Сном морозным спит Россия, но:

Солдат, чтобы проснулась, острием
Штыка зашпавшуюся пощекочет.

«Европейская ночь» — это были и муки Избранного Народа, это была христианская Европа, превращающаяся в коллективного палача.

В апокалипсической мистерии Кузьминой-Караваевой «Семь чаш» народ израильский уже предчувствует страшные пытки, что всех будут отсылать в «солеварни» и настанет «бессмыслица, страшнейшая из пыток».

Всех в солеварни будут отсылать
И газами травить, коль не способны
К тяжелому труду. Всех уничтожат⁵.

Посетительница безумных ночей на «Ивановской Башне», которая писала: «И еще мне жалко — не Бога, нет! Мне жалко Христа!» — она кончила жизнь не как старый поэт-мудрец на холме Авентино, а в аду нацистских лагерей. Признала лик Христа, которого она так славилась в своем искусстве. Пророчествовал ведь в свое время Эрнест Ренан: когда человечество перестанет верить в Ад на том свете, то Ад переселится к нему на землю не в виде религиозного мифа, а самодовлеющей реальности.

Женщина эта, поэт этот, монахиня эта была больна безумием века и безумием России. Звериное чутье очень близко к дару пророчества. Ее поэзия, ее творчество и ее жизнь преисполнены и тем и другим.

В поэме «Мельмот-Скиталец» Агасфер возвращается измученным на землю и ищет себе освобождения. «Неужели никто не согласится быть искушенным?» — восклицает Елизавета Кузьмина-Караваева

в эпиграфе к своей поэме. Агасфер сулит славу, богатство, счастье, но ценой отказа от Бога. Труба ангела Апокалипсиса уже поднесена к губам...

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева была и богословом, и поэтом, и художником. Жила она на стыке Востока и Запада. В своей книге о Хомякове она винит его в том, что он «рассматривает Запад с точки зрения его эмпирического несовершенства, а к Востоку подходит с точки зрения никогда не воплощенного им идеала»⁶. Ошибку Хомякова повторяют многие и по сей день. Путь и творчество матери Марии свидетельствуют о другом: Восток и Запад неразделимы у нее, «неведомую святыню» она нашла на Западе с помощью не совсем ортодоксального православия. Нашла в людях, в действенной любви. Не в храме или в монастыре, а в окончательном обнищании.

В России была она еще Елизаветой Кузьминой-Караваевой, на Западе восстала матерью Марией... И поэтому принадлежит «обоим легким» Европы.

Благодаря таким самоотверженным исследователям, как А. Н. Шустов, собравший ее тексты, или Ксения Кривошеина, собравшая ее художественное наследие, мы только начинаем понимать размах этой личности и ее место в прошлом страшном столетии. Настоящая книга «Красота спасающая» поможет многим, как мне кажется, лучше познаться с этой пылкой, страстной, порой колючей, личностью.

*Жорж Нива,
профессор*

Женевского университета.

Женева — Санкт-Петербург, 2003

¹ Кузьмина-Караваева Е. Ю. Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма / Сост. А. Н. Шустов. СПб., 2001. С. 29.

² Там же. С. 132.

³ Там же. С. 165.

⁴ Там же. С. 191.

⁵ Там же. С. 319.

⁶ Скобцова Е. Ю. Хомяков. Париж, 1929. С. 60.

ГОРНИЙ ПУТЬ

(Очерк жизни и творчества
матери Марии)

Горний путь

...иконописцы видели эту красоту, которую спасается мир, и увековечили ее в красках. И сама мысль о целящей силе красоты давно уже живет в идее явленной и чудотворной иконы! Среди той многотрудной борьбы, которую мы ведем, среди бесконечной скорби, которую мы испытываем, да послужит нам эта сила источником утешения и бодрости. Будем же утверждать и любить эту красоту! В ней воплотится тот смысл жизни, который не погибнет. Не погибнет и тот народ, который с этим смыслом свяжет свои судьбы.

Е. Трубецкой. «Умозрение в красках»

«Красота спасет мир», — произносит один из героев Достоевского. Истина это или умозрительная идея, которую отторгает реальная жизнь, как отторгла она князя Мышкина, — об этом спорят и по сей день. Конечно, если рассматривать красоту лишь как эстетическую категорию, то говорить о спасении бессмысленно. Но если вспомнить, что в святоотеческой литературе красота — это одно из именовании Иисуса Христа — Спасителя мира, то слова Достоевского приобретают глубочайший смысл... Этот смысл и жизнь, и творчеством утверждала мать Мария. В 1937 году она писала, что Иисус — это вечная Истина и Красота, перед которой наша красота — «уродство»; спасая мир, Христос «заново и заново полагает душу за други своя»...¹

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (Скобцова; в монашестве мать Мария) известна прежде всего как автор лирических стихов, зазвучавших в эпоху Александра Блока. Сегодня, когда значительная часть литературного наследия матери Марии возвращена читателю, ее имя прочно связыва-

ют с поэзией «серебряного века». Однако мало кто знает, что природа и Бог одарили эту замечательную женщину еще и подлинным талантом художника. Иные исследователи ставят художественное творчество матери Марии даже выше поэтического. Сразу необходимо сделать оговорку: никакого специального художественного образования Елизавета Юрьевна, как и многие ее современники, не получила. Персонального учителя, «маэстро живописи», у нее также не было. Развитию природного таланта более всего способствовало окружение, «среда». До 1920 года это был преимущественно петербургский круг — Александр Блок, Вячеслав Иванов, Николай Гумилев, Наталия Гончарова, Максимилиан Волошин. В эмиграции — парижский: о. Сергей Булгаков, Николай Бердяев.

В России сохранилась очень небольшая часть живописных вещей матери Марии, да и во Франции, где прошла ее «вторая» жизнь, произведения рассеяны по храмам, частным собраниям или потеряны, а некоторые просто уничтожены. Неудивительно, что настоящего исследования и анализа изобразительного творчества матери Марии не было ни в России, ни на Западе*. За последние годы во Франции, Англии и США обнаружилась серия рисунков, вышитых икон, облачений, плащаниц, которые мать Мария создавала для своих храмов и приютов. Стены и окна в этих храмах она расписывала сама. К сожалению, время и обстоятельства сохранили для нас только фотографии парижских церквей. Многие же детали убранства утрачены безвозвратно.

Надо сказать, что свои литературные и художественные работы Елизавета Юрьевна ни в России, ни позже (уже в монашестве) во Франции никогда не подписывала. Поэтому можно надеяться, что со временем в запасниках музеев, фондах, частных собраниях, храмах обнаружатся ее работы, авторство которых пока принадлежит «неизвестному художнику».

Мы хотим в этой книге, не притязая на искусствоведческие глубины, рассказать о матери Марии как о художнике, представить ее работы как часть неустанного «делания», которым преизобилует и ее жизнь, и ее трагическая смерть.

Впервые соположенные в тесном пространстве книги, ее произведения свидетельствуют: не было ни петербургского периода, ни

* В бывшем СССР об этой стороне многогранных талантов матери Марии писала лишь искусствовед А. С. Сытова; первая из ее статей была опубликована вскоре после приобретения Русским музеем серии акварелей, относящихся к 1911—1917 гг.

Е. Ю. Скобцова. 1930

парижского периода в ее творчестве, а был единый путь Богопознания. Вся тематика ее произведений, в какой бы технике они ни были выполнены — акварель, темпера, вышивка, — связана с евангельскими и ветхозаветными текстами. Удивляет и поражает своеобычное, всегда символическое, иногда загадочное для зрителя прочтение ею этих текстов. Библейские образы находят разнообразное пластическое выражение, но трактовка их всегда искренняя, безыскусная и, если допустимо такое определение, — кроткая.

В феврале 1943 года в Париже мать Мария была арестована и отправлена в концлагерь Равенсбрюк. Даже в лагере она продолжала творить: вышивала косынку (которая чудом сохранилась до наших дней) и икону. «Вот успею закончить вышивку [иконы] — выживу», — часто говорила она соседкам по нарам. Мать Мария не боялась смерти, потому что для нее смерть означала встречу с Богом, к которому она стремилась всей душой и шла всю жизнь. В одном из писем к А. Блоку она писала: «Я ищущая тяжестей!» По свидетельству родных, она с детства пророчествовала о том, что ей предстоит быть сожженной и погребенной в «общих гробах»!

Мать Мария была поэтом, художником, философом, но, приняв монашеский постриг, она весь талант своей души, все свои силы, любовь и время посвятила помощи ближним: обездоленным, «униженным и оскорбленным». В личности монахини Марии, по словам Николая Бердяева, «были черты, которые так пленяют в русских святых женщинах: обращенных к миру: жажда облегчить страдания, жертвенность, бесстрашие».

Наш рассказ — о том, как Красота — Искусство — поднимала (спасала!) дух и самой матери Марии, и тех, кто общался с ней, кто имел счастье видеть воочию ее художественные произведения.

Предки

По материнской линии Елизавета Юрьевна Пиленко происходила из знаменитого рода Дмитриевых-Мамоновых, оставивших заметный след в русской истории. Здесь мы вспомним тех из них, кто имел непосредственное отношение к искусству.

А. И. Дмитриев-Мамонов.
Акварельный портрет работы
К. И. Брюллова. 1822

Прадед Елизаветы, Александр Иванович Дмитриев-Мамонов (1787—1836), был известным художником-дилетантом. Нескольким его этюдам, посвященных эпизодам войны 1812 года, в свое время украшали залы Царскоевского дворца, а у матери Лизы, С. Б. Пиленко, хранилась акварель, изображающая взятие Парижа союзными войсками в 1814 году. Однако любовь Александра Ивановича к живописи не замыкалась собственным творчеством. Он являлся одним из основателей Общества поощрения художников (1821), благодаря которому десять крепостных художников получили вольную. По инициативе Общества в 1825 году в Петербурге

была открыта первая постоянно действующая публичная выставка русских художественных произведений, а несколько позже организована художественная лотерея по распространению предметов культуры во всех слоях русского общества.

Организуя Общество, меценаты возложили на себя обязанность «всеми возможными средствами помогать художникам, оказывающим дарование». Одними из первых стипендиатов стали братья Карл и Александр Брюлловы. Дмитриев-Мамонов лично участвовал в материальном обеспечении их стажировки за границей. В Русском музее хранится портрет Александра Ивановича, написанный Карлом Брюлловым (1822)².

Супруга А. И. Дмитриева-Мамонова была фрейлиной императрицы Марии Федоровны (жены Павла I). Она обладала разносторонними талантами: прекрасно рисовала, играла на рояле и арфе. Дети этой четы стали художниками-профессионалами. Эммануил Дмитриев-Мамонов (1824—1880), по оценке современников, был «художник и мыслитель замечательный». Он портретировал Н. В. Гоголя, Н. Ф. Павлова, К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, П. В. Нащокина,

П. В. Киреевского, Н. М. Языкова и многих других³. Брат Эммануила, Ипполит (1825—1884), был художником по росписи фарфора и мастером карикатуры, героями которой нередко становились представители власти, чиновничество⁴.

Племянник Эммануила и Ипполита — А. Н. Волков, сын их сестры, профессор Петербургского университета, некоторое время работал вместе с И. И. Мечниковым. Выйдя в отставку, он решил целиком посвятить себя искусству, уехал в Англию, где написал множество акварелей. Свои работы он подписывал и продавал под именем «Русов».

С. Б. Пиленко. 1950-е гг.

Все сведения о знаменитых и талантливых предках с большим почтением сохранялись в семье С. Б. Пиленко, передавались из поколения в поколение, благодаря чему многое дошло до наших дней.

Внутренняя культура и художественная одаренность достались по наследству и самой Софии Борисовне. В ее петербургских квартирах (она их снимала в разные годы в разных частях города) имелись произведения ее родственников Дмитриевых-Мамоновых, иконы старинного письма, портреты-миниатюры и отличная коллекция старинных кружев ручной работы. Ими в начале 1910-х годов восхищалась Л. Д. Блок, которая отлично разбиралась в этом виде прикладного искусства.

Многое из «домашнего музея» С. Б. Пиленко после революции осталось в Петрограде и в Анапе и, вероятно, пропало бесследно. То, что удалось спасти, было продано в тяжелые и голодные времена эмигрантских странствий, в трудные 1920-е годы в Париже...

Отец

Лиза Пиленко, будущая поэтесса и художница, родилась 8 (20) декабря 1891 года в Риге, где ее отец, Юрий Дмитриевич Пиленко, служил

товарищем (заместителем) прокурора. При рождении девочка едва не умерла, а через несколько дней, во время крещения, захлебнулась в купели, и ее второй раз вернули к жизни.

В 1895 году, выйдя в отставку, Юрий Дмитриевич с семьей переехал в Анапу. В шести верстах от Анапы, в имении Джемете, находились до- ставшиеся ему в наследство виноградники его отца, отставного генерала

Ю. Д. Пиленко. Начало 1900-х гг.

и винодела Д. В. Пиленко. Весной 1905 года Ю. Д. Пиленко назначают директором Никитского ботанического сада, и семья переезжает в Крым. В 1905/06 учебном году Лиза обучалась в ялтинской женской гимназии, где в числе прочих обязательных предметов ученицам преподавали и рисование.

Атмосфера открытости, доброжелательства и доверия между членами семьи оставила глубокий след в характере, душевном складе Лизы. Общественные и служебные «действия» Юрия Дмитриевича были в центре семейных интересов — все обсуждалось, и эта несокрытость

и доступность взрослого мира производила глубокое впечатление на Лизу. Юрий Дмитриевич отдавал много времени воспитанию и обучению молодежи. Так, он принял живое участие в судьбе сына анапского плотника П. Я. Крутько. Молодой человек был самородком и стал рано проявлять способности к живописи. Пиленко не только «просвещал» юношу, но и содействовал его поступлению в Московское художественное училище графа С. Г. Строганова⁵.

Лиза Пиленко с братом Дмитрием. Конец 1890-х гг.

После годичного пребывания на посту директора Никитского ботанического сада Ю. Д. Пиленко был переведен на службу в Петербург, в департамент земледелия. Это был «стартовый» год столыпинских реформ, которые импонировали либеральным устремлениям самого Пиленко. В мае 1906 года он побывал в Петербурге по служебным делам и одновременно хлопотал об устройстве своих детей⁶. Но вскоре после возвращения в Анапу, 17 июля, он скоропостижно умирает.

Лиза не просто любила своего отца, она боготворила его! Примириться с его уходом было невозможно. Смерть казалась мировой несправедливостью. Тогда, девочкой, она стала задумываться над вопросом: в чем правда и существует ли Бог — Бог любви и справедливости. Можно только догадываться, какой душевный переворот произошел в Лизе, — это была первая потеря близкого человека. Знала бы она тогда, сколько их еще придется ей принять и пережить.

Похоронив мужа, Софья Борисовна Пиленко переезжает с детьми в Петербург, где Лиза поступает учиться в 5-й класс частной гимназии Л. С. Таганцевой.

Петербург, с его промозглым климатом и темными, длинными зимними днями, раздражал девушку. Многие и многие в северной столице были ей чужды. Справляться со своим «пессимизмом» Лизе помогли подруги по классу, да и возраст брал свое — по натуре она была человеком энергичным и жизнелюбивым.

Гимназия

Уроки рисования в гимназии Таганцевой вела художница-акварелистка В. П. Шнайдер⁷. Для обучения использовались классические гипсовые слепки античных богов и героев. Гера, висевшая на стене среди них, видимо, порядком намозолила глаза ученицам. Пятиклассница Лиза Пиленко, побывавшая как-то на публичной лекции об энергии, на другой день горячо рассуждала в кругу подруг: «Нет, вы подумайте — материи, этой тяжелой, косной материи нет, есть одна энергия! И эта стена — энергия, и эта голова Геры — энергия?!..»⁸

Одноклассница Лизы Ю. Я. Эйгер (в замужестве Мошковская) вспоминала позже, что девушки-гимназистки были «в курсе литературных, театральных и музыкальных событий в Петербурге... посещали выставки „Мира искусства“»⁹. Полотна Бенуа, Лансере, Сомова, Кустодиева, Альтмана открывали ждущей перемены молодежи новое пространство живописи.

В своей же однокласснице Эйгер видела «настоящую художницу»: «Она рисовала охотно и много, рисовала она не просто хорошо; на каждом рисунке лежала печать ее неповторимого своеобразия и таланта. Рисовали мы в гимназии на уроках банальные гипсовые орнаменты, и некоторые из нас научились их рисовать правильно и точно, может быть даже изящно. А вот в рисунке Лизы, резком и подчеркнутым,

Лиза Пиленко (вторая слева) в кругу одноклассниц
Таганцевской гимназии. 1908

всегда была выделена какая-то идея, остальное было сделано небрежно, как бы едва намечено. Я до сих пор помню ее рисунки, поразившие Лиза Пиленко с братом Дмитрием. Конец 1890-х гг.меня тогда, и несомненно, что не наш учитель рисования, а она научила меня понимать живопись как искусство, проникать в самую сущность людей и вещей, созданных гением человека»¹⁰. И как ни странно, в то время «рисованию Лиза не придавала особого значения!» — добавляет Эйгер. Действительно, на первом плане оказались иные интересы.

Осенью 1908 года группа учениц 6-го класса Таганцевской гимназии объединилась в кружок по изучению марксизма, к которому примкнула и Лиза Пиленко.

Девушки взялись проводить уроки с рабочими Путиловского и Франко-Русского заводов по арифметике, географии, русскому и немецкому языкам. Лиза и здесь не отставала от своих подруг. Ее мать вспоминала:

«Однажды она пришла ко мне и объявила, что ее пригласили по вечерам давать уроки рабочим на Путиловском заводе. Я пришла в ужас. Это был 1906 год (ошибка памяти мемуаристки. — А. Ш., К. К.), всюду аресты, и вдруг 15-летняя девочка будет давать уроки рабочим, да еще вечером! Говорю ей: „У тебя у самой много уроков, тебе самой еще учиться нужно, да и в беду попадешь“. Она бросилась меня целовать и говорит, смеясь: „Не бойся, мать, и уроки выучу, и ничто со мной не случится... А вечером оттуда меня старики рабочие до трамвая обещали проводить“. Я, скрепя сердце, позволила, думая, что она этим от душевной тяжести избавится. Несколько раз в неделю ей приходилось туда ездить...»¹¹ Помимо «уроков» Лиза читала своим ученикам «лекции» в музее Александра III (ныне Русский музей в Петербурге)¹².

Что же стояло за этим «хождением в народ»? Юношеский порыв? Увлеченность революционными настроениями?..

То было время борьбы с «несправедливостью» и «самодержавием» за «освобождение» народа... К каким последствиям это привело в 1917 году, хорошо известно. Уже в эмиграции, пройдя через гражданскую войну, через идеологию социализма и построения «рая на земле», мать Мария обратилась к глубоким евангельским истинам. Но путь к ним начинался в этом «раннем народничестве». В беседе с К. В. Мочульским она призналась: «Путь к Богу лежит через любовь к человеку, и другого пути нет <...> О каждом нищем, голодном, заключенном Спаситель говорит: „Я“ — „Я алкал и жаждал, Я был болен и томился в темнице“. Подумайте только, между каждым несчастным и Собой Он ставит знак равенства. *Я всегда это знала*, но вот теперь это меня как-то пронзило...»¹³

В ту пору, как свидетельствует Ю. Эйгер, Лиза «удивляла не только свою мать. Она была чрезвычайно, можно даже сказать, гениально одарена. Мозг ее работал непрестанно, она всегда напряженно думала об отвлеченных проблемах, жизненно важных для нее в эту минуту. Целиком захваченная какой-нибудь идеей, Лиза настойчиво внедряла ее в сознание близких ей людей и требовала от них такого же понимания, такого же увлечения. <...>

Она всегда была в приподнятом творческом состоянии и потому по сути своей глубоко оптимистична. У близких своих людей Лиза не допускала никакого упадка настроения, даже грусти...»¹⁴ И это в то время, когда у нее самой было очень смутно на душе!

Седьмой, выпускной класс (1908/09 учебный год) Лиза заканчивала в гимназии М. Н. Стоюниной. В гимназии наряду с рисованием девушки

«проходили» рукоделие, шитье и вышивание у преподавателя И. А. Малевиной. Давая характеристику класса, та отметила у Е. Пиленко «небрежное отношение к делу и непривычку заниматься рукоделием». Вердикт был суров: «нет никаких успехов»¹⁵.

А в 1912 году Елизавета Юрьевна опубликует стихотворение:

О другой тишине буду Бога молить,
Вышивать бесконечный узор,
Поведет меня медленно алая нить
Средь пустынь и синеющих гор.

Вышью я над водою оливковый лес,
Темных снастей кресты, рыбарей,
Бесконечную синь распростертых небес,
Красных рыб средь прозрачных морей.

И средь синего полога голубь взлетит
С ореолом прозрачных лучей;
И средь звездных полей будет дьявол разбит,
Вышью золотом взмахи мечей¹⁶.

Пройдет почти двадцать лет, и пророческие слова стихотворения будут воплощены (уже матерью Марией) в вышивке на евангельский сюжет¹⁷.

Подводя итог гимназическому периоду жизни Лизы Пиленко, можно сказать, что в ту пору ее тяга к искусству носила стихийный и эмоциональный характер, художественное мышление было наивным, а специальных технических знаний и профессиональных навыков она еще не приобрела. (Это касается не только живописного искусства, но и ее поэзии тех лет.) Однако природный талант, интуиция были так сильны, что извергались на поверхность бумаги бесстрашно, искренне, вне канонов и правил.

Практически до самого конца 1907 года она не знала современных поэтов и впервые (случайно!) услышала их «живое» чтение на одном из входящих тогда в моду вечеров поэзии. Но зато этим первым услышанным был Александр Блок! Имя поэта тогда еще ничего не говорило молодой гимназистке, но после этого поистине *исторического случая* она не только нашла и прочла стихи Блока, — она решила доверить ему свою душу и сердце, ждала от него ответов на мучившие ее «философские» вопросы. В феврале 1908 года Лиза посетила Блока в его квартире на Галерной улице, 41. Об этой встрече, которая произвела поворот

не только во всей ее последующей жизни, но и в ее творчестве, в духовном становлении, она сама позже рассказала в своих воспоминаниях. Мироощущения обоих — осознание катастрофичности эпохи, и острое переживание «страшного мира», и предчувствие революции были в тот исторический период очень близкими, родственными.

Елизавета Юрьевна писала: «...Мы пережили японскую войну и революцию [1905 года], мы были поставлены перед необходимостью спешно разобраться в наших детских представлениях о мире и дать себе отчет, где мы и с кем мы. Впервые в сознание входило понятие о новом герое, имя которому „Народ“»¹⁸.

В мире искусства

В 1909 году Лиза Пиленко окончила гимназию, получила аттестат с серебряной медалью и летом уехала в свое имение под Анапу. По возвращении в Петербург, с 1 сентября 1909 года, она становится слушательницей философского отделения историко-филологического факультета Бестужевских курсов.

Д. В. Кузьмин-Караваев. 1904

Через несколько месяцев, 19 февраля 1910 года, восемнадцатилетняя Елизавета Пиленко неожиданно для окружающих выходит замуж за Д. В. Кузьмина-Караваева (1886—1959), и жизнь ее резко меняется.

Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев блестяще закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, обладал многими талантами и большой художественной отзывчивостью. Он был своим человеком в мире искусства, дружил с литераторами, художниками и актерами, примыкал к кругу эстетствующих модернистов. Благодаря ему

Лиза с головой окунулась в водоворот петербургской художественной жизни. Революционный настрой того времени, бунтарство и брожение в сердцах и умах интеллигенции, поиск неведомого «нового героя» (о котором писала Елизавета Юрьевна) целиком отразились в идеях

и художественных приемах модернизма. Появляются новые способы пластического выражения в живописи, поэзии, театре. Возникают течения с неожиданными порой названиями: акмеизм, неопримитивизм, лучизм, футуризм, поздний символизм, дадаизм, давшие немало блестящих имен в «русском авангарде». «Русский авангард» 1910-х годов тяготел к лубку, иконе, фольклору. В этом стиле работали тогда практически все авангардисты, включая Н. Гончарову, М. Ларионову, А. Экстер, О. Розанову и др.

Е. Ю. Пиленко. 1909

Впрочем, мир, в который ввел Лизу муж, не оказался для нее совсем чужим. Еще до замужества ее связывала дружба с художницей Н. Войтинской (1888—1965), которая в 1907 году вернулась из-за границы и в 1908 году начала контакты с редакцией известного журнала «Аполлон»¹⁹. Но чем глубже Лиза проникает в этот мир, тем труднее

Книга стихов «Скифские черепки». Обложка работы С. Городецкого. Санкт-Петербург, 1912

становится ей найти в нем свое душевное место. Ее отталкивает «нелепый ритм жизни» нового окружения, намеренно не совпадающий с ритмами реальности. Уже тогда ее первой и вполне естественной реакцией было желание уйти от «словесности» к деланию.

И все же, несмотря ни на что, десять годы оказались очень плодотворными для Кузьминой-Караваевой. Выходят из печати: ее первая книга «Скифские черепки», философская повесть «Юрали», вторая книга стихотворений «Руфь». Это были первые попытки поэтическим словом выразить свое понимание пути, «стеzi», в ее христианском понимании.

Поэтесса увлекалась не только литературой и общалась не только с литераторами, собиравшимися на «башне» Вячеслава Иванова и в «Бродячей собаке».

На редкость бурная в те годы художественно-выставочная жизнь Петербурга влекла Кузьмину-Караваеву ничуть не меньше, чем лите-

ратурная. «Наиболее культурные» живописцы, как писал С. Маковский, — художники старшего поколения — объединились в группе «Мир искусства», а молодежь, тянувшаяся к более авангардным, формалистическим направлениям, создавала свои объединения и писала свои программные «манифесты». Молодые художники столицы, противопоставлявшие себя «Миру искусства», основали в феврале 1910 года свое общество «Союз молодежи». «Новое искусство» они намеревались отстаивать громогласно — через выставки, аукционы, встречи. Это было, пожалуй, самое левое из всех формалистических направлений и союзов того времени.

Художники «Союза» были во многом солидарны с футуристами, даже выпускали совместный журнал, признавали кубизм и лучизм. Для определения своего стиля и направления они предложили новый термин — «пуризм», подчеркивая тем самым, что их цель — чистота линий и форм, полнота и яркость цветовой гаммы.

Пуристы считали своим долгом создать музей «новейшей русской живописи, где находились бы картины переживания наших дней», а не полотна, ласкающие взор обывателя²⁰.

Работы художников «Союза» вызывали много незаслуженной брани и насмешек, их искусство считали «недожитым декадентством», а их самих — «бездарными пошляками». Миriskусники во главе с А. Бенуа возмущались «вандализмом „союзной“ молодежи»²¹. Эстетическое кредо нового искусства всех видов сформулировал поэт С. Городецкий: «Красота наконец-то демократизируется, и красивым становится некрасивое, иногда даже уродливое, что вполне возможно только при полном обновлении дряблой, пошлой современной души <...> Никогда форма не стояла так далеко от содержания, как в наши дни <...> Итак, смотрите пристальнее на „Ослиный хвост“, обоготворите новаторов в поэзии и музыке, и тогда вам будет еще возможно жить»²².

Ему вторила и активный член «Союза молодежи» художница О. В. Розанова: «Представление о красоте большей части публики, воспитанной лжехудожниками на копиях природы, покоится на понятиях „знакомое“ и „понятное“. И вот когда искусство, на новых началах созданное, вышибает ее [публику] из косного, дремотного состояния раз навсегда установившихся взглядов, этот переход в иное состояние в ней, не подготовившей себя к нему развитием, — рождает протест и вражду. Только этим можно объяснить чудовищность упреков, возводимых на все Молодое Искусство и его представителей»²³.

Выставки «Союза» проходили ежегодно. В них участвовали не только петербургские живописцы, но и москвичи: Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов, Д. Д. Бурлюк, К. С. Малевич, В. Е. Татлин... На этих выставках преобладали натюрморты, сказочная символика; находилось место и религиозным сюжетам.

По-видимому, не без влияния Н. С. Войтинской Кузьмина-Караваева примкнула к «Союзу молодежи», идеи которого очень импонировали ее собственным.

В формировании эстетического и художественного вкуса Елизаветы Юрьевны в тот же период времени сыграла заметную роль Софья Ивановна Бодуэн де Куртене (дочь известного лингвиста). Она была

Слева направо стоят
Е. Ю. Кузьмина-Караваева,
А. А. Ахматова,
М. А. Кузьмина-Караваева, сидит
Д. Д. Бушен. Слепнево. 1911

дружна с Войтинской, входила в «Союз» и сама принимала участие в выставках.

Летом 1911 года Елизавета Юрьевна отдыхала с мужем в его родовом имении Борисково в Тверской губернии. По соседству, в имении Слепнево, жили Анна Ахматова и Николай Гумилев. Они часто общались, и даже сложился своего рода «летний поэтический кружок». Елизавета Юрьевна много и увлеченно рисовала.

Двоюродный брат ее мужа, в будущем известный театральный художник Д. Д. Бушен (1893—1993), на закате своих дней вспоминал, как они вместе «живописали» в одной мастерской. В «Скифских черепках» есть стихотворение, посвященное поэтессой «ДДБ» — Бушену, своему младшему собрату по живописи, в котором звучат характерные для нее «рисковые» ноты:

Как радостно, как радостно над бездной голубеющей
Идти по перекладинам, бояться вниз взглянуть...²⁴

Скорее всего, именно тогда, в Борискове, Елизавета Юрьевна создала картину «Змей Горыныч», с которой она дебютировала на 3-й выставке «Союза» в конце декабря 1911 года²⁵. Надо сказать, что эта выставка открылась одновременно и в одном здании с экспозицией «Петербургского Общества Художников». И это совмещение несовместимого, естественно, было немедленно обыграно в прессе: «Весьма пикантно будет сопоставление этих выставок — крайняя левая и крайняя правая!»²⁶ После открытия выставки «Союза» обозреватель отметил, что она «отпугивает кажущимися крайностями... каким-то преднамеренным варварством»²⁷.

Брошенное автором обидное для молодежи «Союза» прозвище «варвары» было подхвачено Кузьминой-Караваевой, которая придала ему

иной смысл: варвары — это не только разрушители старой, но и носители новой культуры. В очерке «Последние римляне» она сочувствует «варварам», причисляя к ним себя.

Интересно, что и жена М. Волошина вспоминала позже, что они с мужем «рядом с этими утонченными людьми... чувствовали себя варварами. Они смотрели назад, мы же искали будущее»²⁸.

Восточная фантазия, акварель Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. 1910—1917

Поглощенная литературной работой, Елизавета Юрьевна вскоре отошла от «Союза молодежи» и в других выставках участия не принимала. Но ее общение с талантливыми и самобытными художниками, в частности с Наталией Гончаровой, не прошло бесследно. Такие работы Гончаровой, как триптих «Спас» (1910—1911), «Четыре евангелиста» (1911), композиция «Жатва» (1911), «Распятие с предстоящими» (1912) и другие, безусловно нашли свое отражение в акварелях

Кузьминой-Караваевой 1910-х годов. Влияние стиля Гончаровой явно можно проследить и в поздних произведениях французского периода матери Марии. Особенно это чувствуется в ярких растительных орнаментах, которыми расписаны были стены и окна («витражи») парижских храмов матери Марии.

Московская группа художников, примыкавшая к «Союзу», — Н. Гончарова, М. Ларионов, А. Шевченко — выступала с «пропагандой» новой

Бад-Наугейм, акварель
Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. 1912

Вавилонская башня, рисунок
Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. 1912

живописи и нового вида беспредметного и абстрактного искусства (тот же лучизм Ларионова), а также «примитива». Причем «примитив» заявлялся не только как стиль, но и как своеобразная религия художника.

А. Шевченко, идеолог этой группы художников, в 1913 году издал брошюру под названием «Неопримитивизм».

В ней он провозглашал: «Простая, бесхитростная красота лубка, строгость примитива, механическая точность построения, благородство стиля и хороший цвет, собранные воедино творческой рукой художника-властелина — вот наш пароль и наш лозунг. <...> Мы берем за точку отправления нашего Искусства лубок, примитив, икону, т. к. находим в них наиболее острое, наиболее непосредственное восприятие жизни,

притом чисто живописное»²⁹. Художественные критики еще до революции считали, что искусство Н. Гончаровой «глубоко национально и синтетично». Сказочно-лубочный, близкий к народной картинке, стиль ее живописи, как мы выше говорили, оказался созвучен духовным и творческим поискам Елизаветы Юрьевны.

Весной 1912 года молодая поэтесса приобретает известность благодаря своему первому поэтическому сборнику «Скифские черепки», на который заинтересованно откликнулась пресса. Елизавета Юрьевна была рада выходу своей книги и широко дарила ее своим близким и друзьям.

А 29 марта того же года она совершает свою первую заграничную поездку, в Германию, на курорт Бад-Наугейм. Выбор этого места был не случаен: несколькими годами ранее там побывал А. Блок.

Бад-Наугейм начала XX века, вместе с ближайшими соседями, Фридбергом и Иоганнесбергом, представлял собою своеобразное «ожерелье» курортов. Елизавету Юрьевну более всего заинтересовал Иоганнесберг, откуда она даже послала открытку А. Блоку, на которой был изображен вид «Ивановой горы». Иоганнесберг, небольшое селение на правом берегу Рейна, славился своими виноградниками, что было для Елизаветы Юрьевны особенно интересно. Ведь первые виноградные лозы для своих виноградников в районе Абрау ее дед Д. В. Пиленко вывез именно из Иоганнесберга.

В прогулках по волнующим ее сердце местам Елизавета Юрьевна не расстается с блокнотом для рисования. Из письма к А. Блоку, где она подробно описывает дорогие для него достопримечательности Наугейма, можно понять, что она много и с интересом рисует. В этом письме она, в частности, пишет: *«Я сидела целый час на башне во Фридберге. Меня там запер садовник, чтобы я могла много рисовать»*³⁰. Из этой серии рисунков и этюдов сохранилось, насколько сейчас известно, только два — это рисунок карандашом и пейзаж, цветной набросок маслом на бумаге³¹.

В Наугейме, без усталости ходя по «маршрутам» Блока, она написала несколько стихотворений, которые позже вошли в не изданную тогда книгу «Дорога». Эти стихи (она назвала их — Лирическая поэма) не несут почти никаких конкретных «привязок» к посещению курорта в Германии, но они полны внутренних раздумий и родственны поэзии поздних символистов.

Друзья

После возвращения из Германии, летом 1912 года, Елизавета Юрьевна уехала к «земле», в свое имение Джемете под Анапой, куда она пригласила А. Толстого и С. Дымшиц. Позже Софья Исаковна вспоминала об этой поездке: «Лето стояло жаркое. По ночам мы часто бежали от духоты из дома и уходили в сад, где спали на земле, на разостланных тулупах. На заре Алексей Николаевич пробуждался первым и будил меня, чтобы посмотреть на восход солнца. В Анапе мы много работали. Я писала виноградники, большие, пронизанные солнцем виноградные кисти»³². Безусловно, что и сама Елизавета Юрьевна тогда же рисовала или писала акварелью, выбирала свои сюжеты, пользуясь советами более опытного мастера, каковой была Дымшиц.

(Семья Толстых познакомилась с Кузьминой-Караваевой при посредничестве Максимилиана Волошина в 1911 году, когда А. Толстой и С. Дымшиц вернулись из Парижа в Петербург. Завязалась дружба, которая впоследствии трагически обернулась для Гаяны, старшей дочери Елизаветы Юрьевны³³. В течение нескольких лет встречи и общение с Толстыми были довольно частыми. Творческая интеллигенция Петербурга часто устраивала дискуссии и вечера в литературном зале ресторана «Вена» или в артистическом кабачке «Бродячая собака», а иногда в редакции «Аполлона» или на квартире у членов «Цеха поэтов».)

Летом двенадцатого года из Джемете семья Толстых и Елизавета Юрьевна переехали в Коктебель, к М. Волошину. «Макс» был их общим другом, и влияние его как художника и поэта на Кузьмину-Караваеву было очевидным. С ним она познакомилась в редакции «Аполлона», потом (до войны 1914 года) они часто встречались и на «башне» у Вячеслава Иванова, и в Крыму. Волошин был красивой, яркой и сильной личностью, притягивающей к себе как магнитом самых разных творческих индивидуумов; он был поэтом, незаурядным рисовальщиком и превосходно владел техникой акварели. В его доме в Коктебеле собирался цвет молодых талантливых артистов и писателей, устраивались литературные чтения, спектакли, то, что позже стали называть — «художественные мероприятия». У него многому мог поучиться художник-самоучка, каким была Елизавета Юрьевна.

В конце июля 1912 года коктебельцы были поражены необычным событием: их земляк А. Г. Синопли открыл местное художественно-футуристическое кафе под названием «Бубны». Это кафе явно задумывалось как подражание знаменитому столичному ресторану «Вена».

Коктебельское кафе представляло собой большой деревянный сарай, а его название подчеркивало преемственную связь с московским обществом художников-авангардистов «Бубновый валет». Стены в «Бубнах» были украшены необычными росписями, написанными в стиле кубизма и футуризма. На одной из стен были изображены различные яства, а на другой — шаржи на отдыхающих знаменитостей³⁴. К украшению «Бубен» привлекли А. В. Лентулова и В. П. Белкина, которые в то время гостили у Волошина и с которыми Елизавета Юрьевна совместно выставлялась в «Союзе молодежи»³⁵. Можно почти не сомневаться в том, что не только Волошин, но и Дымшиц, и Елизавета Юрьевна также принимали участие в подготовке и росписи стен этого кафе.

Елизавета Юрьевна имела в некотором роде учителя акварели — В. П. Цейдлера (ее дядя, муж родной тетки по отцу). Семья Цейдлеров жила в Петербурге, и Пиленко, приезжая в столицу, частенько останавливались у них на Чернышевом переулке.

В. П. Цейдлер, академик архитектуры и строитель (1857—1914), был известен своими многочисленными постройками в Петербурге и Нижнем Новгороде. По его проекту в имении Джемете построен собственный дом-дача, а в самой Анапе — каменная церковь, он же являлся автором бюста Д. В. Пиленко, деда Елизаветы Юрьевны, установленного в саду в Джемете и пропавшего после революции.

Он был известен и как акварелист. Его работы, по оценке А. Бенуа, «отличались воздушностью, легкостью тонов и большим изяществом». Не подлежит сомнению, что Цейдлер во многом способствовал развитию художественных способностей своей племянницы, может быть и наглядным показом техники акварели, которой он владел в совершенстве. Важно отметить, что и Цейдлер, и Волошин по своему художественному мировосприятию были неореалистами, то есть не слепыми копировщиками природы.

Следует упомянуть и еще об одном «учителе» Кузьминой-Караваевой начала 1910-х годов. В одной из своих статей А. С. Сытова назвала фамилию петербургского художника (тогда еще и руководителя школы живописи и рисования) М. Д. Бернштейна (1875—1960), у которого Елизавета Юрьевна брала «частные уроки». Бернштейн много лет работал преподавателем; И. Э. Грабарь не случайно считал его «лучшим педагогом».

Сегодня мы пытаемся представить по уцелевшим в разных частях света, иногда чудом, работам м. Марии ее путь как единое целое. Поэзия и рисунок, вышивка и религиозная философия — элементы одного

универсального Таланта, взаимодействующие и взаимопроникающие. Не случайно видевший ее акварели петербургский литературовед А. П. Могиланский образно назвал их «рукотворными стихотворениями». Искусство, творчество было тем, без чего она не могла жить и мыслить, оно помогало ей, а может быть, чем-то и спасало от всех испытаний, выпадавших ей в жизни.

В начале первых любительских опытов карандаш, тушь и акварель были основным подручным материалом для Кузьминой-Караваевой. Надо сказать, что и ее друзья, авангардисты того времени, мало были обременены заботой, чем и на чем работать. Тот же «Союз молодежи» декларировал «ответственность перед человечеством», о чем они хотели прокричать миру максимально ясно и просто — скажем, «примитивно» и по возможности «некрасиво».

Мир погибал, но спасать приходилось не только его, но и саму Красоту, — слишком много появилось тогда сторонников *антикрасоты*, *некрасоты*...

Беспокойные годы

Семейная жизнь Елизаветы Юрьевны не сложилась. Осенью 1913 года она приехала из Анапы в Москву. В Петербург возвращаться ей было тяжело, и по всему было видно, что она старалась избежать встреч не только с бывшим мужем, но и с общим кругом друзей. Она фактически разошлась с Кузьминым-Караваевым еще весной 1913 года, а осенью, 18 октября, у нее в Москве родилась внебрачная дочь, которую она назвала символическим христианским именем — Гаяна (Земная).

Перемена жизни для Елизаветы Юрьевны с рождением дочери была как бы predetermined. Ей казалось, что в Москве она сумеет прожить какое-то время в относительной тишине и неизвестности, забыть шум пестрых и зачастую безалаберных петербургских встреч, ту жизнь, которая ее всегда раздражала и не давала пищи духовной. Ее все чаще и больше тянула природа и уединение. Личные разочарования, развод, рождение Гаяны и тяжелые, запутанные взаимоотношения с А. Блоком — все побуждало к раздумьям, к переоценке прожитого. Однако надежды на спокойную жизнь не сбывались. Вскоре после приезда Елизавета Юрьевна случайно встретила с С. И. Дымшиц, — оказалось, что Толстые живут неподалеку. От них она узнала, что в первопрестольной обосновался и Вячеслав Иванов, который пытается воссоздать у

себя некое подобие петербургских собраний на «башне». Жизнь и друзья, оставленные в столице, настигли ее в Москве.

В зиму 1913/14 года Елизавета Юрьевна часто виделась с Толстыми, благодаря им круг ее московских знакомых постепенно расширялся и становился весьма разнообразным — Толстой всегда славился широтой связей, любил шумные застолья. Е. О. Волошина в письмах сыну в Коктебель (январь — март 1914 года) рассказывает о тех, кто присутствует на ее знаменитых «обормотских вечерах» на Сивцевом Вражке (д. 19, кв. 11), а также на коллективных обедах «обормотов» у Толстых и у сестер Крандиевских (одна из них — скульптор, а другая — поэтесса, позже стала женой А. Н. Толстого). В числе приглашенных частенько бывали художники М. С. Сарьян, М. В. Добужинский, Н. В. Кандауров, Е. С. Кругликова³⁶. Эти собрания посещала и Кузьмина-Караваева.

В пестром мире художников и писателей того времени все переплеталось. Художественные новации быстро становились достоянием друзей по перу и кисти. Одним из таких генераторов идей был весьма самобытный и уже признанный мастер — художник Мартирос Сарьян. Его живопись, яркая, свежая и непривычная по колориту, произвела фурор. Он быстро стал популярен, несколько его работ уже тогда были приобретены музеями.

Задержимся на личности Сарьяна и на его произведениях, так как, вероятнее всего, его живопись и его «взгляд на Восток» во многом повлияли на Елизавету Юрьевну. Сам Сарьян излагал свое кредо так: «Художник должен любить свои краски, писать быстро, но с большой осторожностью, по возможности избегая излишнего смешения красок <...> Художник должен смотреть на свою палитру, как на цветник, и уметь обращаться с нею мастерски, как истинный садовник»³⁷.

М. Волошин, который посвятил Сарьяну статью в «Аполлоне» в ноябре 1913 года и которую сам Сарьян считал наиболее удачной³⁸, говорит о зрелом и весьма самобытном художнике и о его принципе упрощения в равной мере как рисунка, так и цвета и что именно это является «руководящей нитью» в его живописи.

В своей статье Волошин подчеркнул, что искусство Сарьяна «отражает Восток», «в своем романтизме он остается человеком Востока»; «подход Сарьяна к Востоку чисто импрессионистский, но у Сарьяна есть чувство рисунка, доведенного до высшей простоты, и такое же чувство упрощения тона»³⁹. А еще у Сарьяна чувствуется «стиль турецких лубочных картинок, характерные восточные цвета»⁴⁰.

Это чрезвычайно интересные и важные для нас свидетельства, поскольку о восточных истоках русского искусства начала 1910-х годов много говорилось в печати; поддерживал этот «модный взгляд» и авангард московских модернистов. «Да здравствует прекрасный Восток! <...> Мы против Запада, опошляющего наши и восточные формы и все нивелирующего», — провозглашают в своем манифесте «лучисты и будущники»⁴¹. Наталия Гончарова в том же 1913 году предлагала «черпать художественное вдохновение у себя на родине и на близком нам Востоке». «Для меня Восток — творчество новых форм — расширение и углубление задач цвета»⁴².

И еще одно обстоятельство следует отметить в связи с творчеством Сарьяна. В 1913 году он побывал в Персии, о чем наверняка рассказывал своим друзьям, сопровождая рассказ показом новых рисунков и акварелей. Это важно иметь в виду при анализе акварельных работ Елизаветы Юрьевны того периода. Именно тогда в ее работах появляются «восточные и библейские мотивы», а цветовая гамма и манера исполнения их (то, что славянофилы называют «внутренним свечением») говорят о многом. Она была увлечена искусством Востока, по всему видно, что хорошо знала «фаюмский портрет», коллекция которого появилась в Музее изящных искусств в 1912 году. А если говорить о технике исполнения акварелей, покрытых тонким слоем воска, можно с уверенностью сказать, что ей были известны иконы из Синайского монастыря, которые были написаны восковыми красками (музей Киевской Духовной академии).

Общение с Сарьяном, видимо, глубоко повлияло на Кузьмину-Караваеву, причем не только в художественном плане. Теперь становится понятной во многом загадочная фраза из письма Е. О. Волошиной сыну (от 22 октября 1914 года): летом приезжала в Коктебель Кузьмина-Караваева; «была очень мила, проста и расстались мы с ней совсем друзьями. Хочет 2 года пожить без людей в уединении, затем ехать в Мидию»⁴³.

Стремление Елизаветы Юрьевны к уединению было вполне объяснимо в связи с напряженностью в это время ее личных отношений с Блоком⁴⁴, а вот то, что касается *Мидии* — то ее, конечно, следует понимать в переносном смысле — это сказочная Персия, то есть опять-таки Восток!⁴⁵

Е. Ю. Кузьмина-Караваева. Портрет работы С. И. Дымшиц. 1913

Война

Весной 1914 года Елизавета Юрьевна с дочерью уехала из Москвы в Анапу, где рассчитывала провести, как обычно, все лето.

19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года началась война, которая резко изменила весь уклад жизни в России в целом, не говоря уже о Москве и Петербурге.

С началом войны и разрывом А. Толстого с С. Дымшиц встречи между Кузьминой-Караваевой и Софьей Исааковной пошли на убыль. Правда, некоторое время контакты между молодыми женщинами еще продолжались — ведь они были не только друзьями и художниками, но и матерями малолетних дочерей, к тому же не отличавшихся крепким здоровьем. В августе 1914 года Дымшиц телеграфировала Кузьминой-Караваевой

из Петербурга на юг: «Вернулась [из] Москвы. <...> Нужен немедленный приезд. Хлопочу о будущем Марианочки» (дочери А. Толстого)⁴⁶. Во время московских встреч Дымшиц создала в свойственной ей манере портрет Елизаветы Юрьевны. Художнице удалось передать глубокое внутреннее напряжение и затаенную грусть в глазах своей модели. По психологической выразительности этот портрет может быть отнесен к явным удачам Дымшиц⁴⁷.

Вскоре Елизавета Юрьевна вернулась в Петроград, где царил эйфория патриотических чувств первых месяцев войны.

Двоюродные сестры Елизаветы Юрьевны поступили на курсы сестер милосердия, брат Дмитрий, студент-юрист, записался добровольцем в действующую армию. Сама она, подобно многим современникам, «приняла» войну, считая, что наконец-то пришла хоть и кровавая, но живительная гроза, которая разрядит «затхлую атмосферу». Война же становилась затяжной и действительно кровавой. Надежды на то, что она инициирует социальные перемены, не оправдались. Более того, все противоречия в военное время резко обострились, и обществом постепенно овладел дух уныния. Елизавета Юрьевна почувствовала, что с началом войны, неудачами на фронте надвигается нечто страшное и неизбежное...

Глубокое и безответное чувство любви Елизаветы Юрьевны к А. Блоку приводит ее в эти годы к крайним пределам отчаяния. Рождение дочери, развод с Кузьминым-Караваевым, война не прибавили оптимизма в ее сердце. Страх за будущее России, за ближних и дальних поглощает ее целиком; может быть, именно тогда она впервые от собственных переживаний обращается к слезам других, а через чувство собственного покаяния и жажды жертвы все больше думает о Боге и вере.

В рассказе С. Б. Пиленко о том периоде жизни мы находим следующие слова ее дочери: *«Покупаю толстую свинцовую трубку, довольно тяжелую. Расплющиваю ее молотком. Ношу под платьем как пояс. Все это, чтобы стяжать Христа, вынудить Его открыться, помочь, нет, просто дать знать, что Он есть. И в Четьих-Минях, в свинцовой трубке, в упорных, жарких и бесплодных молитвах на холодном полу — мое военное дело. Это для чего-то нужно: для войны, для России, для народа моего любимого... для народа нужен только Христос, — я это знаю»*⁴⁸.

В 1915 году Елизавета Юрьевна издала философскую повесть «Юрали», которая состоит из аллегорий и притч. Главный герой ее — певец,

сказочник, мудрец, новый учитель-проповедник. Душевные поиски Юрали во многом сходны с метаниями беспокойной души самого автора повести. Не случайно же Елизавета Юрьевна писала историку И. С. Книжнику-Ветрову: «Юрали был тесно связан с моею жизнью»⁴⁹. В тяжелые военные годы молодая поэтесса устами своего героя как бы дает обет и пророчествует: «Отныне я буду нести и грех, и покаяние, потому что сильны плечи мои и не согнутся под мукой этой»⁵⁰.

Как часто в ее творчестве проходит параллель слова с рисунком! Именно в тот период она создает цикл акварелей, которые можно рассматривать как своеобразные иллюстрации к «Юрали». Это «Добрый пастырь», «Царь и пророк Давид», «Пророки». Из того же письма мы узнаем, что она все больше углубляется в изучение богословия и религиозной философской мысли: «Вот продолжаю я заниматься своими академическими учениями и ясно чувствую, что это самое главное из того, что надо делать»⁵¹.

С. Б. Пиленко вспоминала: «Как-то она пошла в Александро-Невскую Лавру к ректору Богословского института. Он сказал, что он не может принять ее как слушательницу, так как у них принимают только мужчин, но что он будет присылать ей лекции, а она, подготовившись, может сдавать экзамены на дому у каждого профессора»⁵². Экстерном она сдавала экзамены разным профессорам, реакции их на молодую женщину, желающую углубить свое богословское образование, тоже были разными, иногда — совсем не доброжелательными.

Книга «Руфь», которая появилась весной 1916 года, не стала для читателей и критиков сенсацией. По всей видимости, она не совсем удовлетворила и самого автора. Многие стихотворения, вошедшие в «Руфь», были написаны еще до войны — книга просто опоздала с выходом!

Александр Блок. 1914

Книга стихов «Руфь».
Обложка (эскиз) работы
Е. Ю. Кузьминой-Караваевой.
Санкт-Петербург, 1915

Структура этой книги, с пополненными ее новыми стихами, говорила о желании автора внести в нее свежую струю, другую тональность и смысл, а точнее — стихи религиозно-философского содержания. Только вера в «вечный путь», в причастность чуду еще дает ей силы держаться:

Брат, верь: язык Святого Духа
Огнем прорежет вечный мрак.

«В терновом венце революций» наступил 1917 год, 27 февраля (12 марта) в России была свергнута монархия, победила буржуазно-демократическая революция. Гимны новой России писали тогда крупнейшие поэты: В. Брюсов, Вяч. Иванов, К. Бальмонт... Зимой 1916/17 года Кузьмина-Караваева провела в Петрограде. Настроенная революционно, она (как, впрочем, и ее «прогрессивные друзья») встретила Февраль с радостью и надеждой на социальные перемены, а особенно — на прекращение кровопролитной войны.

Лирические отношения с А. Блоком у нее так и не наладились; Блок «устал» от общения с ней и все больше отдалялся. Летом 1916 года он был призван в армию и выехал в Белоруссию.

Когда же весной (апрель 1917 года) он вернулся в Петроград, Елизавета Юрьевна сделала очередную, последнюю попытку восстановить отношения с поэтом. Она обратилась к нему с письмом: «Я знаю, что Вам скверно сейчас, но если бы Вам даже казалось, что это гибель, а передо мной был бы открыт любой другой самый широкий путь... я бы все же с радостью свернула с него, если бы Вы этого захотели»⁵³. Но Блок «не захотел» и не откликнулся на это письмо.

Как обычно, на лето Елизавета Юрьевна поехала в свое имение. В Анапе она почти не задержалась, а сразу же перебралась в Джемете. Здесь, «в садах», как она говорила, все было привычно и относительно

спокойно. С одной стороны к ее дому подступало ласковое море, с другой — проглядывала степь с курганами, а вдалеке виднелись силуэты гор.

Елизавета Юрьевна занималась своим несколько запущенным виноградным хозяйством, ездила по делам в Анапу...

Как выяснилось сравнительно недавно, своеобразным итогом ее художественного творчества тех десятых годов явились не только литературные произведения, но также и большое количество рисунков и силуэтов, вырезанных из бумаги. Все это автор передала двум сестрам и брату Омельченко.

Солнечная «Дженета»

Небольшое имение с виноградниками, принадлежавшее Елизавете Юрьевне, находилось на морском берегу в шести километрах от Анапы. Правильное название его — Джемете, но в письмах к А. Блоку она его переименовала в «Дженет», так в Коране называется Рай (арабское *джиннат*).

В любимую «Дженету», которая занимала важное место в жизни всей семьи Пиленко, Елизавета Юрьевна *убегала* часто в своей жизни. Может быть, именно в поисках земного Рая?

Этот вечный поиск душевного покоя и равновесия в слиянии с природой оставался у нее до самой гибели. Даже в лагере Равенсбрюк, находясь на краю смерти, мать Мария мечтала (если выживет!) бродить по ее просторам.

Она сама писала о «Дженете»: *«Осенью на Черном море огромные, свободные бури. На лиманах можно охотиться на уток <...> Скитаемся в высоких сапогах по плавням. Вечером по морскому берегу домой. В ушах вой ветра, свободно, легко. Петербург провалился. Долой культуру, долой рыжий туман, „башню“, философию»*⁵⁴.

В те годы в Петербурге практиковал известный врач-гигиенист А. П. Омельченко, который был хорошо знаком с семейством врачей Чистовичей. Дочь доктора, Елена Александровна Омельченко, училась вместе с дочерью С. Я. Чистовича Натальей Сергеевной. В свою очередь, один из братьев Чистовичей (Алексей Яковлевич) был женат на родной тетке Е. Ю. Кузьминой-Караваевой Екатерине Дмитриевне (урожденной Пиленко). Виноградники Е. Д. Чистович и ее сестры Елизаветы Дмитриевны Цейдлер (жены архитектора, о котором уже

говорилось ранее) также находились в Джемете, по соседству с имением Кузьминой-Караваевой.

В трудное революционное лето 1917 года трое детей из семьи Омельченко (две девочки и мальчик) были приглашены Елизаветой Юрьевой провести лето в Джемете. «Нас, скромных и очень застенчивых петербуржцев, встретили в семье Елизаветы Юрьевны как-то просто и приветливо. <...> У Елизаветы Юрьевны была маленькая, лет трех-четырёх, дочь Гаяна. Гаяна значит на греческом языке — *Земная*, как нам пояснила Елизавета Юрьевна. Девочка редко появлялась среди нас, но однажды, в ранние часы темного вечера, она пришла. На небе сверкали яркие южные звезды. Гаяна потянулась к окну и просящим голосом, обращаясь ко мне, сказала: „*Дай мне звездочку, что тебе стоит?*“ Вопрос очень удивил и смутил меня»⁵⁵.

Е. А. Омельченко вспоминала далее: «Елизавета Юрьевна любила рисовать. Рисовала она иногда при нас, в столовой, красками, почти не пользуясь при этом карандашными набросками. Однажды я застала ее и моего брата Андрея (ему было 14 лет) за рисованием. Андрей дорисовывал красками этюд, сделанный с дома Пиленко — этого средневекового замка, как мы его называли, а Елизавета Юрьевна рисовала что-то на излюбленные ею библейские темы. Рисунки свои она потом охотно дарила нам. И они нам очень нравились. Иногда она вырезала из тонкого картона удивительные миниатюрные силуэты, предварительно не нанося на бумаге рисунка карандашом, мы очарованно смотрели на это, как на чудо»⁵⁶.

А еще она им много читала из своей поэмы о Мельмоте, перед слушателями возникал таинственный незнакомец Мельмот: он то прилетал, то улетал на свои недоступные острова в Индийском океане. Все это волновало и будило живое воображение детей. «А брат мой еще долго потом рисовал корабли (не знаю, морские или воздушные), на которых прилетал Мельмот»⁵⁷.

Елизавета Юрьевна рисовала акварелью и тушью. Такой же корабль, среди облаков, был изображен и ею самой, она использовала черную тушь с отмывкой. Не его ли она рисовала в присутствии благодарных юных зрителей? Во всяком случае, один из авторов этой статьи сам видел этот рисунок в собрании Е. А. Омельченко.

А что касается «вырезок из плотной бумаги», то здесь следует напомнить о художнице Е. С. Кругликовой, с которой в начале 1914 года Елизавета Юрьевна встречалась на «обормотских вечерах» в Москве. Кругликова была к тому времени уже известна своими силуэтами. Встречи и

общение в кругу друзей были частыми, так что техника вырезки из бумаги «между делом» была освоена внимательной и чуткой ко всему новому Елизаветой Юрьевной. Искусством силуэта она владела блестяще. Ее работы, выполненные из тонкого картона и плотной бумаги белого и кремового цветов, поражают своим динамизмом и одновременно лирической грустью. Не верится, что эта работа делалась без каких-либо предварительных эскизов, а одним движением ножниц, да еще на глазах удивленных зрителей⁵⁸. В свое время у Е. А. Омельченко хранились пять силуэтов и еще несколько у ее сестры.

Осенью, возвращаясь в Петроград, дети Омельченко увезли с собой рукопись поэмы о Мельмоте и папку с акварелями, которую они получили в подарок от Елизаветы Юрьевны. Этот драгоценный дар долгое время хранился в семье у сестер Омельченко. Уже на закате своих дней они решили значительную часть рисунков передать в Русский музей (Санкт-Петербург)⁵⁹.

Решение Елизаветы Юрьевны вручить акварели и рукопись малознакомым подросткам до сих пор вызывает недоумение. Было ли это своеобразным наитием, взглядом через годы, неосознанной потребностью «спасти» для нас хоть что-то из ее *прежней жизни*? Ведь разлука с Россией была уже близка, но для нее еще неочевидна.

Во всяком случае, этот необъяснимый дар в Джемете обернулся подарком судьбы для нас. По сохранившимся в России (около тридцати) акварелям и рисункам можно судить о ее творчестве доэмиграционного времени.

Сравнительно небольшое количество вещей, предположительно того же периода (папка акварелей и рисунков), хранится в Бахметьевском фонде в Нью-Йорке, куда они вместе с частью рукописей были переданы в 1955 году Софьей Борисовной Пиленко. Мы говорили уже, что работы свои мать Мария никогда не подписывала, даже в те ранние годы, когда была простой миряночкой Кузьминой-Караваевой, поэтому определить даты их создания и названия сюжетов необычайно сложно.

Та серия акварелей, которая сейчас находится в запасниках Русского музея и Государственного Объединенного Тверского музея, не является вещами, рожденными «одномоментно». По всему видно, что в «папку Омельченко» были вложены художником работы целого периода с 1914 по 1917 год, а если говорить о пейзаже Бад-Наугейма, то возможно, он был написан ранее, в 1912 году, в Германии (а может быть, позже воссоздан по памяти).

В дошедших до нас акварелях мы ясно видим, как художественная мысль концентрируется вокруг сюжетов на евангельскую и ветхозаветную темы. Простота исполнения, легкость акварельных мазков, небольшой размер... кажется, что не усложнением живописной техники была обременена Елизавета Юрьевна, а передачей мысли и символа. По произведениям тех лет, в том числе и поэтическим, можно проследить, куда направлены ее раздумья, уже тогда готовилась основа для решения, осуществленного ею в 1932 году в парижском Богословском институте, где она начала свой новый самоотверженный подвиг служения Господу и людям с новым именем — Мария.

После Октябрьской революции жизнь Елизаветы Юрьевны не становится легче. Осенью 1918 года, после полугода антибольшевистской работы в Москве, она возвращается в Анапу. К тому времени она уже активный член партии правых эсеров. По возвращении Кузьмина-Караваева была арестована деникинской контрразведкой и предстала перед кубанским краевым военно-окружным судом. От трагической развязки ее спасла профессионально организованная защита⁶⁰.

Едва пережив собственные невзгоды и еще не залечив сердечные раны, летом 1919 года она выходит замуж за кубанского казачьего деятеля, в прошлом учителя, Д. Е. Скобцова (1885—1969). Даниил Ермолаевич был активным деятелем новоучрежденного правительства Кубанского края. Женившись на Кузьминой-Караваевой, он выбрал себе нелегкую долю. (Даниил Ермолаевич скончался в Париже. Им написаны замечательные мемуары «Три года революции и гражданской войны на Кубани» и роман «Гремучий родник» (1938), о котором в свое время шумела эмигрантская пресса.)

Для Елизаветы Юрьевны начиналась вторая жизнь, совсем другая, ничем не похожая на прежнюю, впереди была вынужденная эмиграция и долгий путь в Париж. С Россией она оказалась разлучена навсегда!

«Прощайте, берега...»

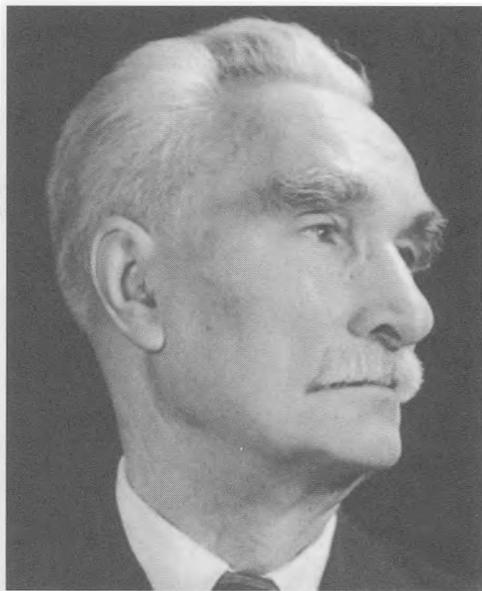
Прощайте, берега. Нагружен мой корабль
Плодами грешными оставленной земли.
Без груза этого отплыть я не могла б,⁶¹ —

писала Елизавета Юрьевна в начале 1930-х годов.

Е. Ю. Скобцова с мужем, матерью, дочерью Гаяной и новорожденным сыном в 1920 году эмигрирует из России. Путь лежал через

Д. Е. Скобцов (в центре). 1920

Д. Е. Скобцов 1950-е гг.

Новороссийск в Грузию и далее — Константинополь, Сербия, Франция. Странствия затянулись, вторая дочь, Настя, родилась в Сербии, еще до прибытия в 1924 году семьи Скобцовых в Париж. Елизавета Юрьевна, чтобы прокормить семью, выполняла заказы по шитью, вязанию, изготовлению кукол. Рукоделие и рисование для Елизаветы Юрьевны стали настоящей помощью в каждодневной борьбе за выживание, своими умелыми и ловкими в шитье руками она зарабатывала на жизнь. От большого переутомления она окончательно испортила себе зрение и уже практически не могла обходиться без сильных очков.

Перед тем как навсегда покинуть родину, на вопрос эмиграционной анкеты: «Знание ремесла, дающего возможность получить заработок» — она пишет: «Рисование». Однако эмигрантская суровая действительность расставила свои акценты: о том, чтобы прокормиться рисованием, не могло быть и речи. При такой большой семье — с тремя детьми — Елизавета Юрьевна бралась за любую работу. Она стала заниматься росписью тканей и изготовлением трафаретов для вышивок (пошуаров). Подобным ремеслом было охвачено в то время большое количество русских дам, которые обладали способностями к рисованию, так

Е. Ю. Скобцова с детьми: Юрием, Настей и Гаяной. 1922

что среди них была даже конкуренция. Появилась возможность получать заказы на вышивки и разнообразные рукоделия, оплата за этот тонкий и изнурительный труд была мизерной. Даниил Ермолаевич освоил профессию шофера.

Горе на семью упало неожиданно. В 1926 году умирает от менингита четырехлетняя дочь Настя. Смерть девочки потрясла Елизавету Юрьевну и дала мощный толчок ее духовной жизни. В те тяжелые длинные месяцы она писала: *«О чем и как ни думай, — большего не создать, чем эти три слова: — „Любите друг друга“, — только до конца и без исключения, и тогда все оправдано и вся жизнь освещена, а иначе мерзость и тяжесть»*⁶².

«Это называется — „посетил Господь“. Чем? Горем? Больше, чем горем, — вдруг открыл истинную сущность вещей, — и увидели мы —

с одной стороны, мертвый скелет живого... а с другой стороны, одновременно с этим, увидали мы животворящий, огненный, все пронизывающий и все пополающий и утешительный Дух»⁶³.

Собственное горе не замкнуло ее сердце, но открыло его для ближних — страдающих, болящих, голодающих... Эти живые люди, каждый со своим горем, а не умозрительное человечество, зывали о помощи. Смерть Насти пронзила ее, сама она уже не могла больше жить интересами только своей семьи.

В продолжение нескольких дней и часов агонии девочки Елизавета Юрьевна не расстаётся с блокнотом и карандашом. Она буквально «по часам» рисовала умирающего ребенка... Нельзя без ужаса смотреть на эти рисунки, или, как мы сейчас говорим, стоп-кадры. Три рисунка помечены разным временем 7 марта 1926 года; смерть пришла в тот же день.

Елизавете Юрьевне в этом году исполнилось тридцать пять лет, она сама потом напишет: «ужасаюсь ничтожеству своему», «как всю жизнь душа [моя] по переулочкам ходила».

Ей предстояло пережить еще две страшные утраты. В 1935 году благодаря советам ее старого друга А. Толстого в СССР возвращается старшая дочь Гаяна. Через год двадцатитрехлетняя молодая и здоровая женщина умирает от тифа (такова была официальная версия смерти) в Москве.

А уже во время войны, в оккупированном Париже, 8 февраля 1943 года, гестапо арестовало сына Юрия. В 1944 году, зимой, он погиб в Бухенвальде. Об этой утрате мать Мария не успела узнать. В поэме «Духов день» (1942) она писала:

Трижды, мать, рождала в жизнь.
И дважды в смерть рождала.
А хоронить детей, как умирать...

В конце 1920-х годов во Франции в эмигрантской среде было много «отверженных»: безработица толкала мужчин в кабаки, марсельские трущобы были переполнены эмигрантами со всего мира — падшие женщины, офицеры русской Белой армии, сходившие иногда с ума, оказавшись без гроша за границей.

Елизавете Юрьевне казалось, что все это вопиет о сострадании и милосердии. Она стала оказывать помощь и поддержку всем нуждающимся. В эти годы для нее становится очевидным и невозможным довольствоваться ни общественным, ни семейным покоем, ни

литературными разговорами, ни воскресным посещением церкви. Случилось чудо, в каждом, даже пропащем человеке — пропойце и проститутке — она увидела образ Божий, поруганный, искалеченный, но именно образ Божий.

Своей благотворительной, социальной деятельности она отдалась без остатка, так что скоро встал вопрос о невозможности совместной супружеской жизни. У Елизаветы Юрьевны появилось стремление к монашеству как самоотверженному служению Господу и людям.

Это стремление поддержал в ней глава русской православной Церкви в Париже митрополит Евлогий (Георгиевский), который с согласия супруга дал им церковный развод и сам постриг ее в монашество 16 марта 1932 года в церкви Парижского богословского института с именем Мария:

В рубаху белую одета...
 О, внутренний мой человек.
 Сейчас еще Елизавета,
 А завтра буду — имярек.

На первое время ей определили тихую светлую келью в Свято-Сергиевском институте, где она могла спокойно молиться и готовиться к своему монашескому подвигу. «Бог сделал меня орудием, чтобы с моей помощью расцветали другие души», — сказала она К. В. Мочульскому. К этому духовному подвигу Елизавета Юрьевна готовилась внутренне давно; к постригу ею была написана «Икона преподобной Марии Египетской»⁶⁴.

Имя, которым нарекли Елизавету Юрьевну в честь преподобной Марии Египетской, было выбрано митрополитом Евлогием не случайно. Бывшая александрийская блудница подвизалась в пустыне за Иорданом и суровой аскезой прославилась. На иконе у матери Марии изображен ангел, который своими крыльями прикрывает и осеняет склонившуюся в смирении фигуру молодой женщины, а рукой показывает ей путь в сторону города и вверх, как бы говоря стихами самой матери Марии:

Иди, живи среди нищих и бродяг.
 Себя и их, меня и мир сопряг
 В неразрубаемый единый узел.

Став монахиней, матерью Марией, она целиком отдалась благотворительной деятельности. Собственно говоря, во имя этого она и приняла постриг. Свой путь в монашестве она понимала весьма своеобразно: как «материнство по отношению к миру». Она не замкнулась в келье,

Е. Ю. Скобцова с Н. А. Бердяевым (справа) и Ст. Цанковым (слева). Ок. 1930 г.

а осталась в миру, стремясь на деле показать и доказать окружающим, что монах имеет полное право находиться в гуще мирской жизни:

...если в мире тяжело живется, —
Пусть будет тяжело в монастыре.
Мы крест мирской несем на наших спинах,
Забрызганы монашеские рясы
Земною грязью, — в мире мы живем⁶⁵.

Монахиня Мария различала монашество аскетически-созерцательное и активное: именно во втором типе, «обращенном к миру монашестве, особенно сильно ощущается то, что [созданный Богом] мир во зле лежит. <...> И монашество обращается к миру, потому что любит этот образ Божий мира, образ Божий человека, прозревает его в грехе и гное исторической действительности», — писала она в одной из своих статей⁶⁶. Ее монашество в миру было явно неканоническим, нетрадиционным, хотя и имело прецеденты в истории русской религиозной жизни.

Она сама четко сформулировала свое жизненное кредо: «Путь к Богу лежит через любовь к человеку, и другого пути нет. На страшном суде меня не спросят, успешно ли я занималась аскетическими упражнениями и сколько я положила земных и поясных поклонов, а спросят: накормила ли я голодного, одела ли голого, посетила ли больного и заключенного в тюрьме. И только это спросят»⁶⁷.

Она неустанно призывала к активному, деятельному христианству: «Христианская любовь учит нас давать брату не только дары духовные, но и дары материальные. Мы должны дать ему и нашу последнюю рубашку, и наш последний кусок хлеба. Тут одинаково оправданы и нужны как личное милосердие, так и самая широкая социальная работа. В этом смысле нет сомнения в призвании христианина к социальной работе. Он призван организовать лучшую жизнь трудящихся, обеспечивать старых, строить больницы, заботиться о детях, бороться с эксплуатацией, несправедливостью, нуждой, беззаконием»⁶⁸ и т. д. Естественно, такой монашеский подвиг матери Марии был далеко не всеми в эмиграции понят и принят.

Основным смыслом жизни для матери Марии отныне стало благотворение. В основу своей деятельности она положила евангельскую заповедь о взаимной любви: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15:13). Эта, казалось бы, достаточно простая заповедь не находила, однако, понимания у многих из ее окружения. Позже матери Марии пришлось дать развернутое «пояснение»

этой мысли: «Мир думает, — если я отдал свою любовь, то на такое количество любви стал беднее, а уж если я отдал свою душу, то я окончательно разорился, и нечего мне больше спасать. Но законы духовной жизни в этой области прямо противоположны законам материальным. По ним все отданное духовное богатство не только, как неразменный рубль, возвращается дающему, но нарастает и крепнет»⁶⁹.

Мать Мария и раньше ощущала свое материнское предназначение⁷⁰. В этом она *отчасти* солидарна с Д. С. Мережковским: «...красота — только сияние, только заря невзошедшего солнца любви. Не красота спасет мир, а любовь, Вечное Материнство, Вечная Женственность»⁷¹.

Теперь же, став монахиней, мать Мария находит компромисс: монашество, по ее убеждению, легко сочетается с материнством через душевность: «Душевность, которая отгораживает человека от внешнего мира и ограничивает его областью собственных переживаний, сосредоточивает на внимательном слежении за малейшими движениями собственной души, — недолжная душевность. Душевность, которая позволяет человеку ближе и внимательнее подойти к другому, которая раскрывает ему внутренние причины и мотивы поведения другой души, которая создает мост между ним и его ближним, — это должная душевность»⁷².

Еще до пострига она насмотрелась на жизнь эмигрантов, на трущобы и нужду, в которой жили русские люди. Став монахиней, мать Мария поставила перед собой цель — создать настоящий приют, дом, где люди могли бы не только поесть, но и получить помощь с необходимым оформлением гражданских прав с тем, чтобы найти работу. Вот как она тогда писала: «Мне стало ведомо новое, особое, широкое и всеобъемлющее материнство. Я вернулась с того кладбища (похорон дочери) другим человеком, с новой дорогой впереди, с новым смыслом жизни. И теперь нужно было это чувство воплотить в жизнь».

Митрополит Евлогий (Георгиевский)

Отец Сергей Булгаков

До нас дошли ценнейшие рассказы Софии Борисовны Пиленко о том, как обустроивались первые общежития — приюты и домовые церкви при них⁷³: «Мать Мария попросила у Владыки благословения на устройство женского общежития и домовой церкви. Средств у нее не было, но была вера в помощь Божию и громадная энергия. Дом был нанят на улице Вилла де Сакс, и контракт подписан в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Владыка сказал, что это прямое указание свыше, чтобы храм наш был во имя Покрова Пресвятой Богородицы, и еще заранее пожертвовал на наем дома 5000 фр. „Но, — сказал Владыка, — я больше не могу вам помочь, устраивайте сами“⁷⁴. В первое время дом был совершенно неблагоустроен, в нем не было мебели, но мать Мария первая поселилась в этом еще не обжитом

пространстве и спала просто на полу. Очень скоро „приют“ стал настолько известен в Париже своим гостеприимством и действенной помощью, что матери Марии пришлось перейти жить в закуток под лестницей, за котельной, часть ее окна была врыта в землю. Там она принимала друзей, приглашая их „посидеть на пепле“. В этом закутке были иконы, хаос книг, рукописей, вышивок, портрет Гаяны, скудная мебель и дыра, заткнутая старым сапогом, где жила крыса. Тут уже не было ничего „своего“, а в дверь непрерывно стучали. Иногда приходило до сорока человек в день — знакомых и незнакомых, со своими нуждами, горестями и радостями»⁷⁵.

Дом и церковь быстро обживались, все, кто мог, приносили мебель, вещи, утварь... Постепенно начали благоустраивать храм, а это было трудным делом, так как икон почти не было; и вот первые жертвоприношения пришли от сестры Иоанны (Рейтлингер), которая сама была иконописец⁷⁶. Именно здесь мать Мария впервые расписала стены и часть

Церковь на Villa de Saxe. Париж

царских врат растительным орнаментом. Сохранились фотографии этого храма, и по ним видно, сколько было вложено ею собственного умения и любви в росписи стен, окон, во внутреннее убранство церкви. Одна из комнат на Вилла де Сакс «была превращена ею в домовую церковь, которую мать Мария сама расписала. Над северными и южными дверями в алтарь парили на голубом фоне белоснежные серафимы и херувимы; рядом с ними были веселые узоры из цветов в современном русском стиле, напоминающие работы Гончаровой»⁷⁷.

Хорошо знавший в те годы мать Марию литературовед К. В. Мочульский оставил краткое свидетельство об этой же церкви: «Иконостас с малиновыми цветами на синем фоне с белыми крыльями. Иконы Рейтлингер в рублевском стиле»⁷⁸.

Дело, которое начиналось буквально из ничего, через два года настолько расширилось, что потребовалось большее помещение, и мать Мария стала искать новое, хотя денег не было никаких. Риск был огромный! И вскоре большой дом на улице Лурмель, 77 был найден.

Красота спасающая

*«Вы думаете я бесстрашная. Нет. Просто знаю, что нужно. Я просто чувствую по времени, что Господь берет меня за шиворот и заставляет делать то, что Он хочет. Я ничего не взвешиваю. Я просто подчиняюсь»*⁷⁹. Эти слова мать Мария сказала К. Мочульскому именно в тот период, когда ей пришлось из руин возводить храм.

Жизнь в монашеском затворе была не для нее, она вошла в свое монашество так, что ничего не оставила для себя. В ее представлении монашеский подвиг — это безраздельная любовь к миру и людям, которые рядом и которые нуждаются в помощи.

Кто я, Господи? Лишь самозванка,
Расточающая благодать.
Каждая царапинка и ранка
В мире говорит мне, что я мать.

Во дворе дома по улице Лурмель, в кудрявой зелени, стояла конюшня-гараж, а главное здание было запущено и необитаемо уже несколько лет. Из воспоминаний С. Б. Пиленко мы узнаем, как мать Мария своими руками строила и украшала дом и церковь: «Говорили, что раньше в зале продавали доски, зал был перегорожен. Там, где были окна, видимо, сидели конторщики, другая же половина без окон была почти темная, нельзя было видеть, какой в ней пол, каменный или деревянный, первым делом сняли перегородку. Мать Мария повязала голову платком, взяла принадлежности для мытья пола и принялась за работу. К ее изумлению и радости, пол оказался паркетом, а на дверях после мытья показались золотые обводки. Как по волшебству, открывалось, что это старый, когда-то прекрасный особняк. Окна были так грязны, что из них ничего не было видно.

Труднее было с церковью. Поскольку в этом помещении когда-то размещалась конюшня, направо от входа во всю длину были ясли для лошадей. Когда все это было уничтожено (расчищено), матери Марии пришла мысль для амвона употребить каменные плиты, находящиеся во дворе. Иконостас храма, бывшего на улице Сакс, оказался слишком мал для нового помещения церкви. Опять пришла на помощь милая сестра Иоанна (Рейтлингер) и дала иконы своей работы: Спасителя и Божией Матери для иконостаса и огромную икону Покрова Богородицы на наружную стену над входом в храм.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы при общежитии на улице Лурмель в Париже. Роспись храма м. Марии и сестры Иоанны (Рейтлингер)

Мать Мария вышила Тайную Вечерю над Царскими вратами, хоругви, малую Плащаницу, большое полотно с Ангелами и именами умерших и массу мелких вещей — облачения на аналоях и столиках, два стихаря для чтецов, а также замечательные облачения для священника (лиловое бархатное с камнями и теплое с красной вышивкой).

И теперь в Лурмельской церкви все ризы (кроме Пасхальной) работы матери Марии, и одна из них — художественное произведение! Это Богородичная риза из синего шелка с чудными вышивками всех празднеств Пресвятой Богородицы, то, что принято называть Богородичными

праздниками. Прелестна епитрахиль с вышитым на ней Благовещением, на фелоне ризы (спина и грудь) вышиты праздники Успение и Сретение, на плечах Рождество и Введение во Храм»⁸⁰.

Хорошо знавшая мать Марию Т. И. Манухина в своих воспоминаниях также коснулась этих росписей: «В устройстве храма мать Мария вложила все свои художественно-декоративные, живописные и рукодельные способности. Роспись стен и стекол придала гаражу вид терема, а вышитые гладью панно — история царя Давида — оживили стены оригинальным разнообразием фигур, хотя и вызвали укоризну некоторых ригористов». При этом мать Мария демонстрировала свои работы подобно «экскурсоводу»⁸¹.

Не только огромный труд матери Марии в создании новой церкви, в организации, строительстве и привлечении людей, но и художественный талант оказался целиком востребованным. Много приобретенных предметов утвари, книг для прежнего дома были привезены из храма на улице Сакс. Они пополнялись: разные люди приносили и жертвовали иконы, и даже чашу для Евхаристии принесла одна нищая монахиня, купившая ее на собранную милостыню. Церковь была освящена в честь Покрова Богородицы.

Постояльцы общежития (приюта) могли, но не были обязаны посещать церковь. Священники сменялись, несколько лет здесь служил отец Киприан Керн — строгий, традиционного направления иеромонах. У него были свои взгляды на монашеский путь, выбранный матерью Марией. Три года, что он пробыл в качестве постоянного священника на улице Лурмель, стали тяжелым испытанием для обоих. Но вскоре священником в церкви стал настоящий духовный друг и единомышленник матери Марии — отец Димитрий Клепинин (1904—1944). Это единодушие помогало матери Марии и давало возможность расширить ее деятельность.

Физической работы мать Мария не боялась; всегда с улыбкой, в приподнятом настроении духа она мыла полы, готовила обеды, перебивала матрацы и в то же время находила время писать статьи, выступать на конференциях, рисовать и вышивать. Русские студенческие кружки (группы) были немногочисленными, но мать Мария любила общаться с молодежью, беседы и выступления перед ними мало напоминали лекции, то был непринужденный и душевный разговор. Она читала им стихи (и не только свои), вела евангельские беседы, рассказывала о живописи.

Многие знавшие мать Марию в те далекие годы часто видели ее с иголкой в руках. Она вышивала гладью, употребляя разные по толщине нитки, на некоторых иконах можно встретить смешение шелковых ниток с более грубыми льняными или инкрустациями бисером, жемчугом и искусственными камнями. Чаще всего ее вышивки рождались, что называется, по наитию, даже без предварительного рисунка, а иногда и на глазах у зрителей.

Однажды Юрий, сын матери Марии, увлеченный изучением истории искусства, принес ей альбом с репродукциями знаменитых вышивок королевы Матильды (история войны Англии и Франции XII века). Матери Марии настолько понравился старинный стиль и техника вышивки, что она решила перенять его и вышила в этой же манере огромный гобелен — «Жизнь царя Давида». Эта вышивка-гобелен (около пяти метров в длину) сохранилась до наших дней и находится в одном из православных монастырей в Эссексе (Англия)⁸².

На протяжении всей жизни мать Мария неоднократно возвращается к теме царя Давида и в стихах, и в живописи. По словам Софьи Борисовны Пиленко, ее дочь «всегда пленяли его [Давида] вдохновенные псалмы и любовь к Богу. По отзывам знатоков, эта великолепная вышивка — художественное произведение.

Но работы матери Марии „кому-то“ очень не нравились, и после ее ареста (1943 год) их старались уничтожить. Когда я вернулась на Лурмель (после войны), то услышала, что „кому-то“ сюжет царя Давида показался неподходящим для храма и вышивка была снята. Я попросила у заведующей ризницей, что если царь Давид не нужен, то отдали бы его мне, но В. В. Д. ответила, что ни одну малейшую вещь из церкви нельзя взять... и еще, в церкви были покрашены все арабески под иконами иконостаса, вместо этого под ними были подвешены куски красной материи. Той же коричневой краской покрашен свечной ящик. На нем был изображен сад с деревом познания добра и зла»⁸³.

И все-таки мы можем говорить как о чуде, что, несмотря на эмиграцию, жизненные обстоятельства, бедность, не всегда доброжелательное отношение окружающих к ней самой, к ее нетрадиционному монашеству и творчеству, до нас дошли не только в фотографиях, а и в оригиналах вышивки, иконы, рисунки матери Марии.

Из вышитых икон лурмельского периода сохранился «Ангел с кадилом» из Откровения Святого Иоанна Богослова⁸⁴. Эта икона мастерски и профессионально выполнена в необычной для того времени смешанной

технике: сочетание кусков шелка, серебряных нитей, бисера и жемчуга и при этом — воздушная легкость исполнения.

Мать Мария любила и знала традиции, но никогда не замыкалась на них, сочетание интуиции и смелости на пути поиска к совершенству мастерства присутствует всегда в ее живописи и особенно в вышивках.

Мать Мария вышила немало различных церковных предметов: икон, покровцев, плащаниц, облачений для священников... При этом она проявляла подлинную изобретательность. Т. П. Милютина, жившая в Париже в 1930—1933 годах, вспоминала: «Композиции ее икон всегда были необычны. Например... я видела вышитую ею икону Страстного Благовещения... Вместо лилии в руках у архангела был крест»⁸⁵.

На стене лурмельской церкви мать Мария повесила специальный занавес из тяжелой ткани, на котором вышивала имена умерших, отпетых в этой церкви. А их только в 1938 году было там отпето больше, чем во всех прочих парижских православных церквях, включая кафедральный Александро-Невский храм. «Наша церковь превращается в кладбищенскую, почти каждый день похороны», — говорила она Мочульскому. Глядя на такой необычный «синодик», священник Покровской церкви совершал поминальные молитвы.

Как мы не раз отмечали, поэтические и живописные образы в работах матери Марии жили нераздельно — Ангел из Откровения возникает и в ее стихах:

Глаза средь этой темноты кромешной
Привыкли в небе знаки различать.
Они видали, как рукой нездешней
Снял Ангел с Откровения печать.

Помимо этой в парижском соборе св. Александра Невского находятся сейчас еще три уцелевшие иконы-вышивки, которые мать Мария создала на улице Лурмель. Они дополняют наше представление о ее «прикладном» и декоративном даре. Икона св. митрополита Филиппа Московского, образ Спасителя на убрусе и Божией Матери были сделаны для маленькой церкви, которую мать Мария и о. Димитрий Клепинин открыли в пристройке основного храма и где вначале помещалась ризница. Церковь получилась совсем крохотная, но очень уютная и теплая, а мать Мария и о. Димитрий мечтали объединить обе церкви в одну при помощи арки.

Эти три иконы, созданные, что называется, на одном дыхании, производят сильное впечатление. Можно даже рискнуть сказать, что это не иконы в классическом понимании традиционного письма, а свое

собственное представление образов Господа, Богородицы и Святого Филиппа.

В эти работы вложено много сердца и волнения души художника.

Даже в выборе фактуры ниток, цвета камней и бисера чувствуется, может быть, подсознательное желание донести до молящегося не бесстрастность и «отстраненность», а именно эмоциональный внутренний огонь и напряжение.

Они не дают покоя душевного, а притягивают какой-то непонятной внутренней силой. Кстати, лики для этих икон были написаны сестрой Иоанной (Рейтлингер) и гармонично вписались в стиль матери Марии. Уже упоминавшаяся выше Т. П. Милютинна рассказала в своих воспоминаниях, как она в числе других студенток отдыхала летом 1931 году в молодежном лагере на побережье Бискайского залива неподалеку от Бордо. К ним на отдых приехала и Е. Ю. Скобцова (будущая мать Мария). По распорядку утром девушки шли на пляж, и после обеда, в «тихий час», они просили Елизавету Юрьевну побеседовать с ними («даже самые легкомысленные и равнодушные не могли не слушать ее — она всегда говорила со страстным напором, убежденно и искренне»).

Такие беседы проводились на живописной лужайке, окруженной цветущим вереском и соснами. Подставив спины под ласковое солнце, девушки вязали. А Елизавета Юрьевна, ведя беседу, вышивала. «Это вышивание было необычайно и очень нас занимало. Между кружками пальцев натягивалась плотная простая материя, на которой ровно ничего не было нарисовано. А Елизавета Юрьевна рисовала прекрасно! На этой поверхности появлялись причудливые рыбы, горбились их спины, сверкала чешуя, извивались хвосты. Елизавета Юрьевна знала стелющиеся и покрывающие швы старинного иконного шитья, и нитки, подобранные ею, были необычайных, перекликающихся тонов. На этих рыб ложилась тонкая сеть, к ним протягивались руки, и над ними возникали согнувшиеся, с изумленными лицами фигуры рыбаков-Апостолов. Так к концу нашего месячного отдыха была вышита Елизаветой Юрьевной икона на евангельскую тему о лове рыбы»⁸⁶. Здесь следует еще раз обратить внимание на импровизационный характер вышивки — без предварительных набросков.

Когда и как мать Мария все успевала делать?!

Те, кто знал ее, рассказывают, что она никогда не сидела без дела, вышивала в вагоне поезда, во время своих командировочных разъездов,

а по ночам, когда в вагонах «приспускали» свет, вязала. На заседаниях, слушая выступающих, она всегда занималась рукоделием.

Мать Мария была максималисткой и по натуре, и по убеждениям. Многие русские эмигранты относились к ней с недоверием, недоброжелательно, ее монашество шокировало. Но сама она не могла отгородить себя от них даже ради собственного спасения. В страшную эпоху дисгармонии мыслей, потери веры в Бога, полной безысходности она избрала путь «всеобъемлющего материнства».

Классический принцип монашества состоял в противопоставлении своего подвига обычаям грешного мира. Вопрос шел именно о традиционном монашестве, которое в тот момент ею было неприемлемо. Внутренний монастырь (чувств), чтобы отгородиться в нем от грешного и страдающего мира, был не для нее.

Конечно, можно сделать вывод, что мать Мария была *универсальной личностью*, наделенной самыми разными талантами. «Условные уроки» живописи, рисунка и композиции, приобретенные в России (в «прежней жизни»), нашли свое развитие во Франции. Этим ремеслом невозможно было, что называется, прокормить себя, но это было настоящей душевной пищей и для матери Марии, и для всех, кто понимал ее, помогал ей.

В непосредственной работе над иконами у нее определился свой самостоятельный стиль, свой художественный язык. Конечно, это случилось под влиянием того *«нового богословия»*, к которому мать Мария тянулась всей душой. Кто-то из эмигрантов метко заметил, что вышивки матери Марии — «это ее молитва».

Мы не можем остановиться здесь на анализе каждой работы матери Марии, да, может быть, этого и не следует делать. Лучше предоставить каждому открыть для себя мир ее поэзии и живописи. Выше говорилось о художественных вышивках матери Марии. Но не забывала она и графику. В 1937 году в Берлине вышла ее книга «Стихи». На одном из экземпляров, некогда принадлежавших ей, она сделала на полях около пятидесяти «автоиллюстраций». Этот драгоценный экземпляр принадлежит крестному сыну Д. Е. Скобцова, архитектору Г. И. Лещенко (живет под Парижем). Книга репринтно переиздана в Москве в 1993 году. Эти рисунки пером и тушью «стилистически напоминают средневековые маргиналии монастырских книг» (М. Жажоян).

Чтобы лучше представить, насколько *завязаны* в один узел богословская мысль, слово и рисунок у матери Марии, можно привести

пример работы (акварели) «Притчи о десяти девах». К этой теме она обращается на протяжении всей своей жизни и в стихах, и в рисунках, и в живописи.

В Евангелии от Матфея «Притча о десяти девах» возникает как многоплановый рассказ о пяти мудрых и пяти неразумных девах, которые в ожидании Жениха по-разному вели себя: одни приготовились к встрече, запаслись маслом для своих светильников, а другие не сделали этого, и когда пришел Жених, их лампы потухли. «Тогда подобно будет Царствие Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли на встречу Жениху» (Мф 25:1—13).

В изображении матери Марии мы видим: под крышей сидят десять дев и дремлют в ожидании прихода Жениха, а справа девы, уже во дворе, зажгли свои светильники и ждут Жениха, силуэт которого обозначен наверху у паперти храма с зияющим порталом⁸⁷. Сравним этот сюжет с текстом стихотворения из книги «Стихи» (1937):

Будет дом, а не какой-то склеп.
 Будет кров, — не душная берлога.
 На тарелке я нарежу хлеб,
 В чаше растворю вина немного.
 Сяду, лоб руками подперев,
 (Вот заря за окнами погасла).
 Помню повесть про немудрых дев,
 Как не стало в их лампадах масла.

Стихотворение кончается тем, что «Жених» входит как «гость», за которым врывается «широкий ветер», и к этим стихам она рисует иллюстрацию на полях⁸⁸. Для развития этой темы у нее возникает Дух Святой в образе широкого ветра,рывающегося, как в открытое окно, в душу человека, словно в «запущенное хозяйство». На рисунке сидит уже не дева, «лоб руками подперев», а монахиня в апостольнике и рясе. На столе все тот же хлеб (что и на картине «Притчи о десяти девах»), но еще и чаша с вином, готовые к причастию, и зажженная лампада.

Дух, боренье в этот час усиль.
 Тише. Стук. Кричит пред утром петел.
 Маслом сыт в лампаде мой фитиль.
 Гость вошел. За ним широкий ветер⁸⁹.

Конечно, Жених — это аллегория, и ее нужно понимать не только как евангельский образ Христа, но и Спасителя, приходящего к нам, очищающего нашу душу и поднимающего нас на высоты.

В своей ранней акварели «Горний путь» мать Мария продолжает и развивает все ту же тему нашей внутренней и вечной борьбы добра и зла в самих себе. Она пишет во введении к книге «Руфь» (1916): «Неизбежность заставила меня подняться на высоты». Эта тема «подъема в гору» как необходимый для христианина духовный рост, подвиг рождается у нее в сознании в роковом для России 1917 году.

На протяжении всей своей жизни она будет неоднократно обращаться к этой теме («работе над собой») в стихах и прозе. И именно здесь мы можем соединить воедино «силуэт» на горе («Горний путь») и силуэт «грядущего Жениха» из «Притчи о десяти девах». В 1937 году мать Мария пишет: «Иисус стоит и ждет. Но людям дана свобода следовать за Ним или остаться у подножья горы».

Репринтное издание «Стихов» матери Марии, о котором говорилось выше, интересно еще и тем, что издатели воспроизвели на обложках пять «картин религиозного содержания», выполненных, как указано в предисловии, гуашью. Ныне подлинники «картин» хранятся во Франции у Г. И. Лещенко. Эти работы подобны тем акварелям, которые Елизавета Юрьевна рисовала в далекие 1910-е годы.

Для церкви на улице Лурмель матерью Марией был написан большой образ св. Василия Блаженного, который почитался в Покровском храме наряду со св. Филиппом Московским. Вокруг центральной фигуры св. Василия написаны все чудеса и знамения, им показанные, происшедшие в царствование Иоанна Грозного. Василий Блаженный был юродивым⁹⁰, то есть тем, что принято называть «спасающим святым», а эта тема ее волновала, и более того, в начале 1930-х годов она пишет статью «О юродстве», в которой останавливается именно на тех моментах в житии святого, которые живописно нашли свое отражение в иконе. «Мать Мария особенно чтит Христа ради юродивых, подвижников, не уединившихся в монастырских стенах, а совершающих свой подвиг в миру под личиной безумных и убогих, служа людям и принимая поругания»⁹¹.

После того как в 1970-е годы была закрыта церковь и снесен дом на улице Лурмель, многое из работ матери Марии разошлось по разным «адресам». Что-то попало в храмы и архивы, кое-что взято на «временное хранение», многое до сих пор не найдено и, возможно, хранится в запасниках как принадлежащее «неизвестному художнику».

Несколько икон, в том числе и Василий Блаженный, а также некоторые вышивки матери Марии находятся сейчас в православном монастыре Знамения Божией Матери во Франции.

В этом монастыре хранится и икона «Богоматерь Владычица Афонская», где тема монашества интересно переплетена с традиционным изображением Покрова Богородицы.

К сожалению, сама живопись от времени очень пострадала, тем более что написана икона на простой доске темперой. Многие иконописцы-эмигранты пользовались в то время самыми простыми и порой бесхитростными подручными материалами. Не было средств на покупку красок, левкасов, лаков и кистей.

Нужно сказать, что все храмы, открытые матерью Марией во Франции, были поставлены под покровительство Божией Матери, а в этом изображении Богородицы у матери Марии заложен более глубокий смысл, чем просто иллюстративно традиционное раскрытие темы. Необычно само решение иконы «Богоматерь Владычица Афонская» — в ней как бы соединено два образа Божией Матери.

Фигура Богородицы и ее голова покрыта монашеским апостольником игумении, и одновременно она изображена в качестве Владычицы и защитницы афонских монахов. Гора Афон, как мы знаем, именуется Уделом Божией Матери. Но Божия Матерь покрывает не только Афон, но и весь мир своим омофором, как на иконах Покрова Пресвятой Богородицы.

Как у всякого художника, у матери Марии есть несколько тем, которые она любит и к которым возвращается на протяжении всей своей жизни. Так, например, с середины десятых годов вплоть до начала сороковых она по-новому расставляет акценты символов в древней иконе «София Премудрость Божия». В трех разных по времени изображениях можно четко проследить, как в мысли и пластике претворялись идеи ее духовных отцов, и особенно — *софиология* отца Сергия Булгакова.

В 1920-х годах в Париже мать Мария была близка братству Святой Софии⁹².

Важно знать первоисточник символики этой иконы, которая была написана на Руси между XI и XIII веками, элементами для которой послужили древние библейские и апокрифические сказания. Отсюда, конечно, и берет свое начало такой синтез разнообразия символов и загадочности, которые так привлекали мать Марию к Софии Премудрости Божией.

Такая икона встречается только на православном Востоке и почти не известна на Западе. На первом плане изображена человекообразная фигура юношеского возраста, подобная Ангелу, с длинными, разделенными надвое волосами и с большими крыльями. Она одета в царский хитон, или саккос с омофором. На голове венец с городами, в правой руке длинный жезл, а в левой — свиток. Восседает она на византийской подушке золотого престола. По сторонам фигуры предстоят в склоненном положении справа — Св. Дева с Предвечным Младенцем на круглом диске, который она держит у груди обеими руками, а слева — Иоанн Предтеча во власянице и хламиде. Над головой центральной фигуры в малом круге поясной образ Спасителя, а выше — во всю ширину иконы — радуга, украшенная рядом звезд; посреди же ее — престол с книгой и перед престолом — скамейка с крестом и копьём.

Центр иконы есть Иисус Христос — Он — Воплощенная Премудрость, и изображен он в виде Ангела (иногда в виде младенца, покоящегося в лоне Св. Девы). В брошюре «Миросозерцание Вл. Соловьева» (1929) сама мать Мария так оценила тему этой иконы: «...крылатая женщина, сидящая на престоле, а по бокам ее Богоматерь и Иоанн Креститель, над нею Христос и мир небесных сил. Эта икона — икона Святой Софии, Премудрости Божией, — не совпадающей ни с Богоматерью, ни с Христом, обличает тайное веденье наших предков, не нашедшее себе никакого словесного воплощения. <...> Предстоящие крылатой женщине Богоматерь и Иоанн Креститель являются образом совершеннейших вершин творения, истинными представителями всего человечества, всей человеческой единой и соборной Церкви»⁹³.

Вышивка «София Премудрость Божия» находится сейчас в православном монастыре в Англии, а две акварели на ту же тему — в России.

Наиболее интересной из этих работ по сочетанию сказочности и символики Ветхого Завета представляет, на наш взгляд, акварель «В саду Эдемском». Безусловно, здесь произошел настоящий симбиоз семи дней творения и «нового богословия». В центре композиции с распростертыми крыльями стоит София Премудрость Божия (то есть Иисус Христос как воплощенная Премудрость), но и, как уже говорилось выше, одновременно в виде Младенца, пребывающего в лоне Св. Девы. Обнимает Премудрость как древо познания добра и зла сам Адам. Справа фигура Евы с ребенком в руках, и можно предположить, что дети, изображенные здесь, три их сына — Авель, Каин, Сиф. Ведь именно от Каина и Сифа расцвело родословное Древо

Икона «Богоматерь Владычица Афонская». 1930-е гг.

человечества. А на небе в виде сказочного Змея-Горыныча застыл над всем Змий-искуситель!

Трудно представить себе художника, который был бы абсолютно равнодушен к творчеству своих «собратьев». Это в полной мере относится и к матери Марии. Ее современники часто писали о ней как о глубоко образованном человеке. Ей была присуща восторженность и непосредственный интерес ко всему новому в искусстве, она любила открывать для себя и для других незнакомые имена. Несмотря на колоссальную загрузку, она умудрялась выкраивать время не только на стихотворство, но и для изобразительного искусства. В июле 1935 года мать Мария посетила выставку итальянского искусства «От Чимабуэ до Тьеполо» в Пти-Палэ в Париже. Ее младший друг и соратник по РСХД Б. В. Плюханов вспоминал позже: «Монахиня Мария не раз порывалась сопровождать меня (в те годы студента. — А. Ш., К. К.) на художественную выставку эпохи итальянского Возрождения, [открытую] в то время в Париже в Лувре. Но ежедневные, ежечасные заботы об общежитии и других делах Объединения не давали ей возможности совершать эти, как она говорила, „походы для души“. Зато она была очень довольна, когда, узнав, что я собираюсь на открытое заседание Религиозно-духовной академии, посвященное искусству эпохи Возрождения, смогла пойти со мною вместе. С докладом на заседании выступил К. В. Мочульский, а оппонентами выступали Н. А. Бердяев и Б. П. Вышеславцев. Мы сидели вдвоем с монахиней Марией в первом ряду»⁹⁴.

«Мать Мария любила живопись, понимала ее как искусство проникнуть в сущность людей, событий, вещей и к этому стремилась в своих работах. Рассматривая картины других художников, она стремилась выделить основную мысль произведения, умела тонко проанализировать детали, с поэтической проникновенностью описать изображенное» (Б. В. Плюханов)⁹⁵.

Во время своих разъездов по «русской Франции» мать Мария пользовалась случаями, чтобы познакомиться с памятниками архитектуры или храмовой живописью. В ее стихах нередко можно найти упоминания о средневековых готических соборах. Иногда шпиль этих соборов она образно называет *свечами*.

В качестве характерного примера приведем строки, посвященные городу Страсбургу:

Эти крутые, крылатые башни
Все заместили, и реки, и пашни

<...>

Солнце все топит в своей позолоте.

Мерная мера таинственных готик

Ввысь устремилась за небом в охоте

<...>

Здесь не боятся готических лестниц

До самого рая, до ангельских песен.

Она надолго запомнила аллегорические скульптуры собора в Страсбурге и использовала их образы в мистерии «Солдаты» (1940) и в статье о судьбах Европы и Азии (1941).

Мать Мария много путешествовала по Франции, особенно в бытность ее разъездным секретарём РСХД. Судя по всему, она посещала католические соборы, любовалась их витражами, шпалерами, фресками. О том, что французская и итальянская живопись оказала на нее влияние и что она была к ней небезразлична, говорят ее собственные работы.

Большой гобелен «Жизнь царя Давида» сделан под влиянием вышивки в г. Байе, косынка и вышивка-икона, которые делались матерью Марией в лагере, тоже были навеяны западноевропейской живописью. Нельзя исключить и того, что мать Мария была знакома с работами Жоржа Руо. Именно между 1917—1935 годами он полностью погружается в религиозную тему. Акварели, масло и знаменитые витражи, которые Жорж Руо сделал для храма в Асси, отличаются необыкновенно эмоциональным экспрессионизмом и, конечно, далеки от традиционной религиозной живописи.

В тридцатые годы мать Мария увидела в Католическом институте в Тулузе фреску художника Марсея Ленуара (Жюля Ури) «Коронавание Богоматери». На фреске изображена Богородица с крестообразно распластанным Христом. Эта фреска произвела на нее большое впечатление, и уже в Равенсбрюке она легла в основу той иконы, которую мать Мария не успела закончить. Но помимо Марсея Ленуара, изображение Младенца с раскрытыми руками, как бы в ожидании будущего распятия, встречается и во фламандских примитивах XIV—XV веков. А в ранней итальянской живописи можно увидеть изображение Богородицы со спящим Младенцем на коленях, запеленутым в покрывало, одновременно словно бы предвосхищающее плащаницу и Пиету Христа Спасителя.

Памяти Марсея Ленуара, который скончался в 1931 году, мать Мария посвятила стихи с описанием его фрески:

Белый цвет и цвет коричневатый.
Синий лишь у Матери хитон,
Ангельские одеянья сини.

Сбоку видны воинские латы,—
В них коричневый светлеет тон,
Легче в них волне спокойных линий...⁹⁶

Это редчайший случай, когда один художник (и поэт) пересказывает *словами* живописное произведение другого. Именно пересказывает, а не передает свое впечатление от фрески. В этом отношении стихотворение матери Марии, по существу, напоминает стихотворные «подписи» М. А. Волошина под своими акварельными пейзажами.

«Рождение в смерти»

«Мать Мария жаждала „неудобного“ (по ее определению) христианства, где не было бы вообще никакого комфорта. Ее христианство и ее монашество были обращены всеми своими помыслами и деяниями к миру. В тех же апостольнике и рясе, в которых она молилась, она таскала с рынка мешки с рыбой и овощами, и рыба, оттаивая на солнце, заливала ей рясу. Ее упрекали в том, что в доме на улице Лурмель живут ее старая мать и сын: значит, не отреклась от семьи. А разве было бы лучше и по-христиански примернее — снять у чужих людей убогую комнату (денег-то ведь не было) для старушки и мальчика? Ведь вопрос не в том, в разных ли квартирах они живут, а в том, как соблюдают завет Христов, как носят тяготы друг друга.

Мать Мария — автор многих статей о Христовой заповеди любви к ближнему. Она сама была живым протестом и даже соблазном и в пылу полемики иногда переступала через край, особенно когда ей казалось, что одностороннее восприятие только Первой заповеди о любви к Богу затмевает и заслоняет от сознания Вторую заповедь о *человекообщении*! Она прямо писала: „Православный человек только тогда и исполняет в полноте заветы своей веры, когда воспринимает их как некую *двуединую* заповедь любви к Богу и любви к ближнему. <...> человеку надо неустанно повторять себе слова Иоанна Богослова о лицемерах, которые говорят, что любят Бога, не любя человека. Как они могут любить Бога, которого не видят, и ненавидеть брата своего, который около них“?»⁹⁷

Классический принцип монашества состоит в противопоставлении своего подвига обычаям грешного мира. Для инока затвор был и остается одним из высших проявлений подвижничества. Но вот на какой-то ступени Божия Матерь выводит иеромонаха Серафима Саровского из затвора на старческое служение народу — миру. Затвор — это только школа, этап духовной собранности, но не самоцель, не гнездо личного спасения. Затвор — время молитвы, размышления и путь к деянию, к деланию. Это стало очевидным на рубеже XIX—XX веков, когда в мире чувствовалось приближение социальных бурь.

«Мы, православные, имеем много свидетельств того, как русские подвижники XIX века (тот же Серафим Саровский, епископ Игнатий Брянчанинов и оптинские старцы) предвидели новую эпоху столкновения мировых сил, столкновение мирозозерцаний. Монастыри старой формации доживали свой век, над ними уже была занесена рука истории»⁹⁸.

Мать Мария, впитавшая в себя культуру XIX века, бунтарь и максималист по натуре, приветствовала революционные настроения и перемены, которые принес февраль 1917 года. Она вполне разделяла идеи «прогрессивной интеллигенции». Как мы знаем, разочарование и даже отчаяние оттого, что все идет не так, как мечталось, что страна ввергнута в гражданскую войну и красный террор, отрезвляли очень быстро. Крестьянство, которое в ее представлении было важнейшим и корневым источником православия в России, подверглось разорению. Интеллигенция, чья душа и мысль к началу XX века уже срослись с европейской культурой, покидала страну. Многие из тех, кто остался, заплатились жизнью. Духовенство, «над которым была занесена рука истории», и не представляло такого тотального выкорчевывания «опиума народа», как снесение церквей, закрытие монастырей, которые стали превращаться в тюрьмы и казематы смерти.

Спасая свою жизнь и жизнь близких, мать Мария, как и тысячи других русских людей, оказалась в эмиграции, на чужбине. Огромный пласт русской интеллигенции, дворянства, военных, духовенства, казачества пытался вжиться в совершенно незнакомые для них обстоятельства, чаще всего просто выжить — не умереть с голоду.

В Париже в 1920—1930-е годы выходило несколько ежедневных русских газет, образовывались партии («евразийцы», «младороссы»), была русская гимназия, Кадетский и Казачий корпуса, где воспитывали молодежь, были парижские «русские» районы, рестораны, устраивались

выставки и концерты, на которых блистали русские знаменитости, и, конечно, были открыты первые русские православные приходы.

Для матери Марии, остро и болезненно пережившей «само-выкорчевывание» себя из России, смерть в 1926 году маленькой Насти, в 1936 году гибель Гаяны в СССР, бедность и страдания окружающих ее людей, мир не замкнулся на личном. Например, тяжкие испытания раскрыли «монастырские стены души». Конечно, она была богословски глубоким человеком и ее охват, понимание того, что происходит в МИРЕ, шел дальше насущных и каждодневных проблем: это мировое зло и его столкновение с Добром было для нее очевидным. К началу второй мировой войны чувство отчаяния от невозможности остановить приближение катастрофы заполняло все ее существо. Уже в 1938 году это предчувствие становится для нее почти реальностью, и в те же годы ее *собственный суд* над собой, за собственное нарушение устава (в котором многие ее обвиняли), за грехи достигает крайней меры:

Еще до смерти будет суд,
Мой, собственный и беспощадный,
Когда возьмут и унесут
Монашеский наряд нарядный.

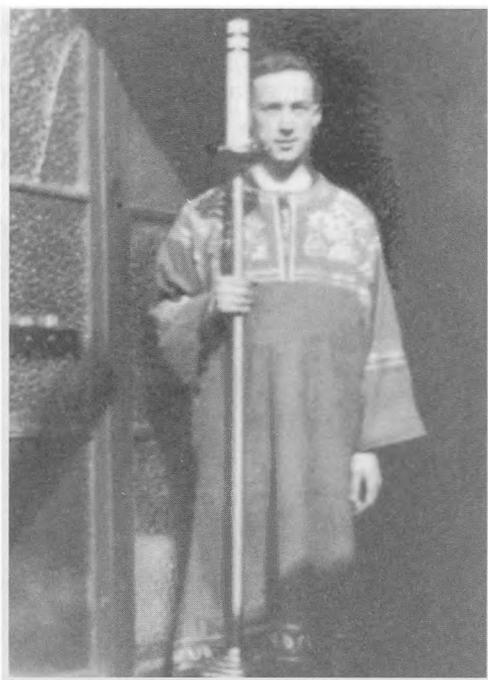
Сама она, оказавшись в эмиграции, искала именно тех путей в монашестве, которые были недоступны и невозможны в России, особенно после революции. Ей казалось, что та свобода, которую получило русское православие (Церковь) в эмиграции, дает огромные возможности. «Наша церковь никогда так не была свободна, — говорила она Мочульскому, — такая свобода, что голова кружится. Наша миссия показать, что свободная церковь может творить чудеса. И если мы принесем в Россию наш новый дух — свободный, творческий, дерзновенный, — наша миссия будет исполнена. Иначе мы погибнем бесславно»⁹⁹.

В 1940 году, до начала войны, она мечтала уехать на Родину: «*При первой возможности поеду в Россию, куда-нибудь на Волгу или в Сибирь. В Москве мне нужно пробыть только один день, пойти на кладбище, на могилу Гаяны. А потом где-нибудь в Сибири буду странствовать, миссионерствовать среди простых русских людей*»¹⁰⁰.

Можно только удивляться той наивности, с которой мать Мария грезила о своем миссионерстве в тогдашнем СССР. Ни о свободной церкви, ни о новом духе ее, ни о «странствиях по дорогам» в сталинской

Гаяна. Начало 1930-х гг.

Юрий в церковном облачении. 1940

Стране Советов не могло быть и речи! Как многие, и очень скоро, она закончила бы свой короткий и недолгий путь в ГУЛАГе.

Что означает этот странный, возникающий в ней постоянно, на протяжении всей ее жизни порыв к «побегу», желание скрыться от людей и одновременно пойти в люди? Нежная любовь к миру, природе, и почти суицидальное стремление к жертвенному концу? Ответить на этот вопрос определенно трудно и почти невозможно. Здесь и глубоко личное, и разрушительные силы Истории XX века. Сама мать Мария не была человеком «на все времена», а была привязана всеми нитями к трагической русской истории. Она, будучи универсально одаренной русской женщиной, пережила и отразила в своей жизни, творчестве, судьбе и жертвенном конце всю историю России — столь же необыкновенно универсальной страны с трагической судьбой.

Знаковые судьбы ее двух детей — как зарубки в нашей памяти. Гаяна, увлеченная марксизмом двадцатидвухлетняя девушка, едет в сталинский

СССР, где погибает через год. Сын Юрий, идеалист, глубоко верующий двадцатичетырехлетний молодой человек, помощник матери по Сопротивлению, арестован гестапо и гибнет в Бухенвальде. Как странно, что и смерть ее детей была отмечена сталинизмом и нацизмом, этими двумя сиаемскими близнецами апокалипсического двадцатого века!..

Голгофа

Начиная с 1932 года у матери Марии наметились расхождения с РСХД (Русское студенческое христианское движение). Образованное в 1935 году «Православное дело», получившее благословение митрополита Евлогия, стало жить по принципу «помогите меньшей братии».

В день нападения гитлеровской Германии на СССР (22 июня 1941 года) в Париже было арестовано около тысячи русских эмигрантов, и среди них многие друзья матери Марии и соратники по «Православному делу»: Ф. Т. Пьянов, Л. А. Зандер, И. И. Фондаминский...

Русские арестованные попали в лагерь в Компьене, где в числе заключенных находился И. А. Кривошеин¹⁰¹. Он был освобожден в начале сентября 1941 года, и товарищи по заключению попросили его организовать помощь как им, так и их семьям. С этого времени началось знакомство и сотрудничество И. А. Кривошеина с матерью Марией, продолвшееся полтора года.

На улице Лурмель (адрес «Православного дела») был организован комитет, в который входили мать Мария, С. Ф. Штерн, И. А. Кривошеин и о. Димитрий Клепинин.

Организовать помощь нуждавшимся в ней удалось в кратчайшие сроки. Собирали и переправляли посылки, помогали деньгами, добывали документы для лиц, преследуемых и скрывающихся от немецкой администрации. Кроме того, на улице Лурмель давали кров и пищу всем нуждающимся. Люди жили во флигеле, в сарае и просто располагались на полу в зале. Начиная с 15 июля 1942 года, после гитлеровского указа об обязательном ношении евреями желтой звезды, мать Мария и ее комитет решились на рискованный шаг выдавать евреям ложные свидетельства о крещении. По словам И. А. Кривошеина, «вопрос уже шел не только о насущной помощи и крыше над головой, дело дошло вплоть

Слева направо: С. Б. Пиленко, Ю. Д. Скобцов, А. Бабаджан, мать Мария, Г. П. Федотов, о. Дмитрий Клепинин, К. В. Мочульский. Ок. 1940 г.

до того, что на лурмельской кухне работал некоторое время, до переправки к партизанам, бежавший из лагеря один из первых советских военнопленных, и он был не последним¹⁰². Долгое время скрывались двое американских летчиков, для которых удалось раздобыть поддельные документы и переправить в безопасную зону. Нужно было доставать поддельные документы и для участников Сопротивления, и для евреев, которые скрывались на Лурмель и в Нуази. Из этих центров была налажена сложная цепь по всей Франции для спасения и бегства людей...» В результате мать Мария и ее организация оказались в самом центре настоящей антифашистской борьбы с хорошо налаженными связями, и этим звеньям удалось сохраниться вплоть до февраля 1943 года.

После кончины Гаяны (в 1936 году) и до начала войны мать Мария все чаще говорит и пишет в своих стихах о смерти. Ее грезы, почти наяву, о собственной гибели, исчезновении в огне («взметнусь как искра золотая стая»), удивляют прозрением. Будто последние дни и часы, которые она проведет в лагере Равенсбрюк через несколько лет, были уже заранее описаны:

Господи, на этой вот постели
 (Не другую ж, в самом деле, ждать),—
 Пролежу предсмертные недели,
 Медленно я буду умирать.

И в другом стихотворении мать Мария продолжает...

Торжественный, слепительный подарок,
 Ты даровал мне смерть. В ней изнемочь.
 Душа, сожженная в огне пожара,
 Медлительно, навек уходит в ночь.

На дне ее лишь уголь черно-рыжий,
 Ей притаиться надо, помолчать.
 Но в сердце Ты огнем предвечным выжжет
 Смертельного крещения печать.

В период между 1940 и 1941 годами она вышивает большое полотно-гобелен «Тайная вечеря», которым ей хотелось украсить Царские врата в лурмельской церкви. Выбор этой евангельской темы именно в тот период жизни — не простая случайность¹⁰³.

Еще в России, только начиная свои живописные опыты, она написала акварель «Я есмь лоза истинная». Как ни покажется странным, но эта одна из первых вещей молодой художницы совершенно логична и параллельна по времени и символике с почти *предсмертной* вышивкой «Тайная вечеря».

Символ лозы в Ветхом Завете — это символ плодоносящей Семьи, прообраз Церкви, рождающей множество чад (это очень близко матери Марии!). Виноградник — образ народа Божия (Ветхий Завет: Ис 3—14). А само название акварели объясняется словами: «Я есть истинная лоза, а Отец Мой — виноградарь» (Новый Завет: Ин 15:1—8).

В Новом Завете символ «Я есмь лоза» приобретает еще особое значение в связи с Евхаристией, совершаемой на *вине*, происходящем из виноградной лозы! Лоза становится не только символом, но и реальностью

церковной жизни, без которой спасение в жизнь вечную невозможно. Поскольку Господь и Церковь неразделимы, а тело и кровь Христовы составляют суть Церкви, то отождествление лозы и Христа происходит естественным образом.

Отсюда следует цепочка богословских реалий и ассоциаций: Семья, Община, Церковь, Евхаристия, Христос, Бог-Отец как виноградарь, заботящийся о лозе. К творчеству матери Марии все эти параллели и ассоциации имеют прямое отношение.

Обращаясь к апостолам, Христос говорит: «Я лоза, а вы ветви!»

Здесь очень важны слова о ветвях, которые не пребывают в соединении с лозой и потому засыхают. Такие ветви собирают и бросают в огонь. Отсюда — смирение матери Марии, которая, как и подобает настоящему христианину, считала себя ничтожнейшим из Его учеников, поскольку не принесла достойного плода, и предсказала свою жертвенную кончину в огне (известно и по рассказам Софии Борисовны, что Лиза еще девочкой часто об этом говорила).

Однако мы знаем, что, сгорев в огне крематория, принеся себя в жертву вслед Христу, она не сгорела, «как те ветви», которые не были с Господом. Ибо тот огонь служения, в котором сгорела мать Мария, связывает ее с Христом навечно!

Помощь, которую мать Мария и ее друзья по «Православному делу» стали оказывать людям в оккупированном Париже, была связана с опасностью ареста. Но тем казалось и лучше для нее, будто крылья у нее выросли, страха она не чувствовала и как птица летела без оглядки к всеобжигающей огненной опасности ради спасения ближнего и гонимых иноверцев! В предвоенные годы своей миссионерской деятельности, окруженная людьми не только бедными, бездомными, но и падшими, она вызывала много нареканий, а подчас были и столкновения с властями и французской администрацией. При сложившейся обстановке вокруг дома на улице Лурмель после июня 1942 года открытые и неосторожные действия вызывали пристальное внимание гестапо и коллаборационистов. Спасение и помощь евреям поставили для матери Марии знак равенства между жизнью и смертью. Многие, кто знал ее давно и близко, не одобряли этой ее безоглядности. Одним из таких старых друзей был Д. Д. Бушен, тот самый ДДБ, которому в 1911 году в «Скифских черепках» было посвящено стихотворение. В своих воспоминаниях он пишет, как рискованно и не всегда осторожно действовала мать Мария в то время¹⁰⁴.

В феврале 1943 года, после Сталинградской битвы, немцы учинили разгром «Православного дела». Утром 8 февраля на улицу Лурмель приехали гестаповцы и начался обыск, у Юры Скобцова обнаружили компрометирующие документы, ясно говорящие о той помощи евреям, которой он занимался.

Во время ареста сына мать Мария находилась под Парижем (в Фелларде у Д. Е. Скобцова). А 9 февраля после возвращения арестовали и ее. Вместе с ней той же участи подвергся и о. Димитрий Клепинин. На резкое обвинение немецкого офицера в помощи матери Марии евреям Софья Борисовна ответила: «Моя дочь настоящая христианка, и для нее нет ни эллина, ни иудея, а есть несчастный человек. Если бы и вам грозила беда, то и вам помогла бы». «При последних минутах прощания, — вспоминала София Борисовна, — обнялись мы с ней. Благословила я ее. Всю жизнь, почти неразлучно, дружно, прожили мы вместе. Прощаясь, она, как всегда в самые тяжелые минуты моей жизни (когда сообщала о смерти моего сына, а потом внучки), сказала: „Крепись, мать!“»¹⁰⁵

Мать Мария попала в концлагерь Равенсбрюк, где ей суждено было провести два года. По своему характеру и способностям переносить нужду, никогда особенно не заботившаяся о собственном «комфорте», она, оказавшись в лагере, целиком обернулась к бедам и нуждам заключенных. Она умела находить слова утешения, сохраняла веселость, часто шутила и никогда не жаловалась. В лагере ей удалось устраивать «дискуссии», собрав вокруг себя самых разных по возрасту и вере людей. Рассказы выживших в лагере смерти и знавших мать Марию свидетельствуют, что она помогала восстановить им утраченные душевные силы, читала им целые куски из Евангелия и Посланий.

Во время войны, когда союзные войска вместе с Советской Армией сражались бок о бок и победа была близка, надежды на то, что после войны жизнь будет иной, укреплялись. Можно предположить, что «странная монашенка» из Франции своим словом, участием, рассказами о других странах советским военнопленным женщинам раскрыла мир, а может быть, и показала дорогу к вере...

Люди гибли каждый день, трубы крематория дымились непрерывно, и однажды мать Мария, указывая рукой на выходящий тяжелый дым из трубы, сказала: «Он такой только вначале, около земли, а дальше, выше делается все прозрачнее и чище и, наконец, сливается с небом. Так и в смерти. Так будет с душами...»¹⁰⁶

Смерть она уже давно воспринимала как рождение в иной, духовный мир. Вот что она писала в статье «Рождение в смерти»: «И мы верим.

И вот по силе этой нашей веры мы чувствуем, как смерть перестает быть смертью, как она становится рождением в вечность, как муки земные становятся муками нашего рождения...»¹⁰⁷

Приближался конец войны, условия содержания в лагере становились все невыносимей. По словам бывшей заключенной И. Н. Вебстер, «последние месяцы 1944 года и первые 1945 года для многих оказались фатальными, в том числе и для матери Марии»¹⁰⁸.

В лагере она продолжала вышивать. Даже в этих нечеловеческих условиях творчество поддерживало ее силы. У ее подруги по лагерю Розанны Ласкру, которая после освобождения жила в Париже, долгое время хранилась вышивка, сюжет которой был навеян знаменитым старинным гобеленом из г. Байе — сражение между норманнами во главе с Вильгельмом Завоевателем и англичанами при Гастингсе в 1066 году¹⁰⁹. Вышивка представляет из себя лагерную косынку, по краям которой стебельчатым швом вместе с текстом изображен средневековый рыцарский бой...¹¹⁰ Розанна Ласкру свидетельствует: «Она вышивала во время переключек, почти не глядя, без рисунка... „киевским“ швом. Материя — это моя лагерная косынка. <...> Краски доставала приятельница полька, работавшая по окраске эсэсовских рубашек. Нитки мы добыли из обмоток электрических проводов, разрезанных и оголенных с помощью лагерных машин Сименс. Игла была похищена в немецкой портняжной мастерской Биндера Ула — палача-мучителя. Солагерницы пронесли все это с опасностью для жизни, чтобы была создана вышивка — этот шедевр»¹¹¹. Текст на платке написан на старинном английском языке. Конечно, выбор сюжета был не случаен, а безусловно символичен и имел прямую аналогию с событиями, происходящими на фронте, так как все ожидали высадку союзников (которая состоялась 6 июня 1944 года в Нормандии), хотя мать Мария очень надеялась на опережающие действия Советской Армии.

Победа была настолько близка и очевидна, что канонада советской артиллерии, взрывы от бомбежек были уже слышны в лагере. Лагерный аппарат по уничтожению людей стал работать с повышенной скоростью.

В лагере же мать Мария начала вышивать икону. Это была последняя ее работа. Несмотря на нечеловеческие условия содержания, недоедание, истощение, болезнь, она старалась вышивать изображение Божией Матери. Именно это изображение было ею когда-то навеяно фреской Марселя Ленуара. Раньше она часто меняла вышивки на хлеб, но эту икону не хотела отдавать ни за что. Е. А. Новикова, подруга по лагерю, рассказывала, что мать Мария говорила: *«Вернемся в Париж, я ее дарю»*

отдам, погарю, но не здесь. Если я ее успею закончить, она мне поможет выйти живой отсюда, а не успею — значит, умру. Она не успела закончить, так как вскоре занемогла, стала жаловаться на печень и лежала неподвижно целыми днями. Вскоре матушка, как большинство узниц, заболела дизентерией, перестала есть, надеясь, что «диета» спасет ее, и быстро теряла силы¹¹².

К сожалению, мы не знаем, что стало с этой вышивкой. Хочется надеяться, что произойдет чудо и она еще явится. Сам сюжет этой иконы дошел до нас через описания Е. А. Новиковой. Икона была воссоздана парижской художницей-изографом С. А. Оцуп (Раевской), которая попыталась богословски осмыслить замысел автора. Позже по ней был сделан рисунок (прорись) иконописцем, сестрой Иоанной (Рейтлингер)¹¹³. На иконе Божия Мать обнимает крест, на котором изображен распятый Христос. Может быть, в таком неожиданном символе альфы и омеги, начала и конца жизни, рождения Христа и Его распятия на кресте за всех нас, за наши грехи — мать Мария в последний раз хотела напомнить нам о страшном времени, в котором мы живем:

Не буду ничего беречь,
Опустошенная, нагая.
Ты, обоюдоострый меч,
Чего же медлишь, нас карая?

Без всяких слаженных систем,
Без всяких тонких философий,
Бредет мой дух, смятен и нем,
К своей торжественной Голгофе.

Пустынен мертвый небосвод,
И мертвая земля пустынна.
И вечно Матерь отдает
На вечную Голгофу Сына¹¹⁴.

В сборнике «Стихи» (1937) к этому стихотворению мать Мария нарисовала на полях мать, держащую на коленях мертвого сына.

В статье «Рождение в смерти» она призывала усиление мук *«...потому что духовное тело хочет восстать, потому что я хочу родиться в вечность, потому что мне в этой поднебесной утробе уже тесно, потому что я хочу исполнить назначенное, потому что я хочу домой, к Отцу, — и все готова отдать и любыми муками заплатить за этот*

*Отчий дом моей вечности»*¹¹⁵. И этот день рождения в вечность наступил для матери Марии.

Март месяц 1945 года был последним в жизни матери Марии, она погибла на Страстной неделе (по Западной пасхалии) в Великую Пятницу 31 марта, к вечеру этого дня ее отправили в газовую камеру.

Наш рассказ о жизни, творчестве и судьбе матери Марии хочется закончить словами Софии Борисовны Пиленко: «В последние годы какой-то особенный мир царил в нашей церкви, и даже во время войны и всяких ужасов что-то высоко духовное. Любовь к ближнему, желание помочь несчастным (что и делалось)... Увезли немцы мать Марию, о. Дмитрия, Юру, и хотя война прекратилась, но с ними исчезло что-то светлое, любящее и доброе и наступил у людей мрак, злоба, ненависть, суды, ругань, вообще мракобесие. Дай, Боже, всем вспомнить и да вернет Господь Милосердный мир душам нашим»¹¹⁶.

Образ матери Марии как художника, ее изобразительное искусство невозможно ограничить рамками анализа одного лишь творчества. В ее работах заложены и прочно слиты три главных понятия, между которыми следует поставить знаки равенства: Жизнь = Творчество = Судьба. Мы не побоимся сказать, что мать Мария во всем, что она создала, была скорее не художником, а *Артистом*. Это слово (с большой буквы!) точнее всего определяет существо ее *универсального и синтетического* таланта, о котором писал А. Блок.

Сохранившиеся до наших дней художественные произведения матери Марии: рисунки, акварели, вышивки — в музеях ли, в храмах ли — должны стать доступными более широкому кругу зрителей, ибо, пронизанные высоким духом Веры, Любви и Добра, они способны «выпрямлять» зачерствевшие людские души. А через них — способствовать улучшению (спасению) окружающего нас жесткого (и даже жестокого!) мира.

И в заключение приведем стихотворение инокса Всеволода, посвященное монахине Марии, оно в полной мере характеризует ее:

Победа Красоты

Все проходит, но не все тщета.
Смерть — граница, а за ней сады
Божии, где правит Красота.
И сие познала ныне ты.

Было испытание огнем,
позади смертельная борьба;
и душа твоя теперь, как дом,
где горит лампадой Красота.

Для того и нужно было жить,
и терпеть, и петь, и верной быть,
чтоб в душе, познавшей скорбь Креста,
восторжествовала Красота¹¹⁷.

К. И. Кривошеина, А. Н. Шустов
Париж — Санкт-Петербург

Примечания

¹ *Мать Мария*. Типы религиозной жизни // Вестник РХД. 1997. № 176. С. 26.

² См.: Архив Брюлловых. СПб., 1900; К. П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. М., 1952.

³ Э. А. Дмитриеву-Мамонову принадлежат статьи: «Значение византийской живописи в истории искусства» (Русская беседа. 1859. № 4), «О фламандской живописи» (Русская беседа. 1856. № 1), на которую откликнулся В. В. Стасов в «Современнике» (1856. № 12).

⁴ Рассказывают, что где-то в 1850-х гг. И. А. Дмитриев-Мамонов написал Мадонну. А. С. Хомяков якобы даже «обращал» Ю. Ф. Самарина поклонению ей. Но Самарин «решительно не в состоянии был постигнуть ее красоту. [Писатель Н. Ф.] Павлов, который был приятель с Хомяковым, услышав об его восторгах, полетел его допрашивать: „Правда ли, что ты Мадонну Мамонова ставишь выше Сикстинской?“ — „По идее выше“, — спокойно отвечал Хомяков» // Воспоминания Б. Н. Чичерина. Изд. МГУ, 1991. С. 161.

⁵ Позже П. Я. Крутько (1886—1972), художник-маринист, долгие годы жил и работал в Анапе, стал членом Союза художников, некоторые из его работ советского периода находятся в Анапском историко-краеведческом музее. Живя в Анапе, Крутько преподавал рисование в школе. Сообщение краеведа К. Я. Ведергорн (письмо А. Н. Шустову от 17 ноября 1979 г.) и справка анапского музея (март 1997 г.).

⁶ У Лизы был брат Дмитрий, младше ее на два года.

⁷ *Сытова А. С.* Лиза Пиленко по воспоминаниям подруг // «Принимаю с любовью мой дом...». Анапа, 2002. С. 28—31.

⁸ Революционное юношество. Л. 1924. С. 94. (Свидетельство одноклассницы, относящееся к 1907 г.).

⁹ *Эйгер (Мошковская) Ю. Я.* Гимназические годы Лизы Пиленко // Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. СПб., 2000. С. 183—184.

¹⁰ Там же. С. 186.

¹¹ *Пиленко С. Б.* Детство и юность матери Марии // Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. С. 177.

¹² Приведенный факт весьма показателен. Газета «Современное слово» рассказывала (14 мая 1908 г.) о выставке картин в петербургском Народном доме, отмечая при этом, что именно *народ*, то есть рабочие и мастеровые, на выставке отсутствует. Учитывая огромную воспитательную роль изобразительного искусства, большевистская «Правда» писала позже: петербургские «рабочие организации за последнее время все чаще устраивают по воскресным и праздничным дням экскурсии в научные и художественные музеи, выставки и т. п. При современных условиях эксплуатации труда у рабочих мало остается свободного времени на чтение книг, тем более книг серьезного характера. Музеи и выставки могут отчасти заменить научную и художественную литературу. Здесь рабочие в живой и наглядной форме знакомятся

с приобретениями в области науки и искусства...» // Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе. М., 1937. С. 245.

¹³ Цит. по: Гаккель С. Мать Мария. Париж, 1992. С. 67. В дальнейшем: Гаккель С., с указанием страницы.

¹⁴ Ленинградская панорама. 1990. № 11. С. 34.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 148. Оп. 1. Д. 295. Л. 5, 9.

¹⁶ Кузьмина-Караваева Е. Ю. (мать Мария). Равнина русская. СПб., 2001. С. 155. В дальнейшем: Равнина русская, с указанием страницы.

¹⁷ См. об этом воспоминания Т. П. Милутиной в «Вестнике РХД». 1991. № 162—163.

¹⁸ Равнина русская. С. 618.

¹⁹ Мнение А. С. Сытовой о том что «портреты девочки» (наброски 1908—1910 гг.) работы Н. Войтинской — это изображения Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, основано лишь на мимолетном свидетельстве дочери художницы — А. Л. Войтинской-Хвостенко: «...ей позирует молодая поэтесса Лиза Пиленко» (Искусство. 1971. № 10. С. 67—68). Но... в 1908 г. Лиза была уже далеко не «девочка». Сохранилась групповая фотография именно 1908 г., на которой Лиза совсем не похожа на эскизы Войтинской, да и с какой стати Войтинская, которая только-только налаживала связи с «Аполлоном» и рисовала крупнейших русских поэтов, стала бы рисовать простую гимназистку? Ведь о том, что Лиза — поэтесса, стало известно лишь в 1911 г. (точнее, даже в 1912-м, после выхода в свет ее первого сборника). В 1911 г. Лиза была замужней женщиной, участницей I-го «Цеха поэтов». В это время, вопреки утверждению А. С. Сытовой, она уже училась на Бестужевских курсах. А Войтинская уехала в Сибирь к брату-политкаторжанину. Важно и свидетельство художника С. Р. Эрнста, приведенное Сытовой (Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1980. С. 323); оно явно не в пользу «атрибутированной девочки»... Лиза была куда живее и интереснее, чем на этих рисунках. А ведь Войтинская была портретистом, ее рисунки отличались большим сходством с моделью и психологической передачей характера позирующего!

²⁰ Союз молодежи. 1912. № 1. С. 20.

²¹ Автор одной из газетных статей, посвященных осенней 1912 г. выставке, писал, что подобные экспозиции возбуждают «уныние как перед нашествием полчищ варваров эпохи великого переселения народов» // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 9 дек. Даже десять лет спустя, уже в начале 1920-х гг., писатель-сатирик А. Аверченко, обыгрывая «бесмысленность» и антиреализм тогдашнего модерна, выбрал в качестве примера для своего фельетона «Изумительный случай» творения художников «Союза молодежи». Скандальная слава, как видим, намного пережила само объединение.

²² Черное и белое. 1912. № 1. С. 9. Впрочем, как считает поэтесса О. Седакова, и в наши дни гармонию и красоту необходимо «защищать в первую очередь от самих художников. Художники и поэты стремятся разрушить красоту — ради правды» // Русская мысль. № 4283. 1999. С. 21.

²³ Союз молодежи. 1913. № 3. С. 17 (из статьи И. Школьника).

²⁴ Равнина русская. С. 41; Богат Е. М. Лит. газ. 1984. 25 апр.

²⁵ Каталог выставки картин общества художников «Союз молодежи». [СПб], 1912. С. 7. № 20. Следы картины Е. Ю. Кузьминой-Караваевой утеряны. 3-я выставка «Союза» открылась 26 декабря 1911 г., работала в течение января 1912 г.

²⁶ Речь. 1911. 23 дек.

²⁷ Речь. 1912. 24 янв.

- ²⁸ Волошина-Сабашникова М. В. Зеленая змея. СПб. 1993. С. 153.
- ²⁹ Ларионов М., Гончарова Н., Шевченко А. Об искусстве. Л., 1989. С. 56.
- ³⁰ Равнина русская. С. 635.
- ³¹ См.: Емельянова Т. Немецкий курорт Бад-Наугейм в восприятии А. А. Блока и Е. Ю. Кузьминой-Караваевой // Вестник РХД. 2000. № 181. С. 186—202.
- ³² Воспоминания об А. Н. Толстом. М., 1982. С. 71. Здесь — абберрация памяти художницы: в июне на винограде кистей еще нет.
- ³³ Подробнее см.: Шустов А. Н. Е. Ю. Кузьмина-Караваева (м. Мария) и А. Н. Толстой: Контакты // Russian Literature. 2000. № 48—4. С. 425—456.
- ³⁴ О кафе «Бубны» с привлечением множества стихотворных надписей см.: Феодосийская газета. 1912. 12 авг.
- ³⁵ Лентулова М. А. Художник Аристарх Лентулов. М., 1969. С. 20—22.
- ³⁶ Фрагменты писем Е. О. Волошиной см.: Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. СПб., 2000. С. 203—204. Об «обормотах» и «сочленах» их компании см.: Отрывок из дневника Р. М. Гольдовской // Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М., 1997. С. 43.
- ³⁷ Сарьян М. С. Из моей жизни. М., 1970. С. 254.
- ³⁸ Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 302—313.
- ³⁹ Там же. С. 306, 687.
- ⁴⁰ Купченко В. П. М. Волошин и М. Сарьян // Литературные связи. Т. 2. Ереван, 1977. С. 196.
- ⁴¹ Ларионов М., Гончарова Н., Шевченко А. Об искусстве. С. 9.
- ⁴² Там же. С. 29, 30. Ср. у поэта Н. Гумилева: «Восток и нежный и блестящий / В себе открыла Гончарова».
- ⁴³ Сообщено В. П. Купченко.
- ⁴⁴ Подробнее см. Шустов А. Н. Блок в жизни и творчестве Е. Ю. Кузьминой-Караваевой // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991. С. 131.
- ⁴⁵ Персия привлекала тогда многих русских поэтов и художников. Достаточно вспомнить В. Хлебникова, С. Есенина.
- ⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 494. Оп. 1. Ед. хр. 198.
- ⁴⁷ Хранится в Омском государственном областном музее изобразительных искусств. Атрибутирован А. Н. Гонтаренко (Заветная нить поиска. Омск, 1988. С. 68—72). Воспроизведен: Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1987. С. 81; а также: Вестник РХД. 1993. № 167. С. 15.
- ⁴⁸ Мать Мария. Стихи. Париж, 1949. С. 11.
- ⁴⁹ Равнина русская. С. 650.
- ⁵⁰ Там же. С. 356.
- ⁵¹ Там же. С. 650.
- ⁵² Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. СПб., 2000. С. 178—179. Богословский институт — у автора неточность: нужно — Духовная академия.
- ⁵³ Равнина русская. С. 649.
- ⁵⁴ Там же. С. 626.

⁵⁵ Из воспоминаний Е. А. Омельченко (январь 1978) // Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. С. 207—209.

⁵⁶ Там же. С. 209.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Технику вырезки силуэтов м. Мария не забывала до последних дней. В Равенсбрюке были полностью запрещены различные проявления общественной и религиозной деятельности. Верующие женщины тайно отмечали церковные праздники. В день Пасхи 1944 г. (16 апреля) м. Мария украсила окна своего барака вырезками из бумаги. Этим она смогла создать праздничное настроение у своих соузниц.

⁵⁹ Из коллекции Омельченко ныне в фондах Русского музея хранится 26 акварелей, еще 2 находятся в Гос. Тверском объединенном музее, в частном собрании СПб — 4 акварели и 1 акварель в частном собрании в Москве.

⁶⁰ Подробнее см.: Шустов А. Н. Е. Ю. Кузьмина-Караваева в годы революций и гражданской войны // Новый часовой. СПб. 2000. № 10. С. 82—92.

⁶¹ Равнина русская. С. 196.

⁶² Цит. по: Гаккель С. С. 20.

⁶³ Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. Париж, 1992. С. 313.

⁶⁴ Икона «Преподобной Марии Египетской» находится в Англии на хранении у о. Сергия Гаккеля (автора книги «Мать Мария»).

⁶⁵ Равнина русская. С. 287.

⁶⁶ Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. С. 193.

⁶⁷ Цит. по: Гаккель С. С. 67.

⁶⁸ Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. С. 222—223.

⁶⁹ Цит. по: Гаккель С. С. 81.

⁷⁰ Шустов А. Н. Всеобъемлющее материнство // Восхождение. Тверь, 1994. С. 35—41.

⁷¹ Мережковский Д. С. В тихом омуте. М., 1991. С. 446.

⁷² Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. С. 224.

⁷³ София Борисовна Пиленко (урожд. Делоне; 1863—1962) — мать Елизаветы Юрьевны. Была активной помощницей своей дочери во всех ее начинаниях. После гибели дочери она привела в порядок ее архив, переписала и расшифровала многие рукописи. За солидный возраст и душевность С. Б. Пиленко в эмиграции ласково называли «бабушкой». Скончалась С. Б. на сотом году жизни во Франции (в Нуази-ле-Гран), в доме отдыха, основанном еще до войны ее дочерью. Похоронена на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

⁷⁴ Воспоминания С. Б. Пиленко. Рукопись. Част. собр. (Франция).

⁷⁵ Кривошеин И. Мать Мария (Скобцова) // Журнал Московской патриархии. 1970. № 5. С. 35. Описание комнаты совпадает с рассказом К. В. Мочульского в его мемуарах о м. Марии.

⁷⁶ О Ю. Н. Рейтлингер см.: Реализм святости. СПб., 2000. С. 87—96.

⁷⁷ Гаккель С. С. 73—74.

⁷⁸ Мочульский К. В. Монахиня Мария (Скобцова) // Третий час. Нью-Йорк, 1946. № 1. С. 64.

⁷⁹ Там же. С. 73.

⁸⁰ Воспоминания С. Б. Пиленко.

⁸¹ Кузьмина-Караваева Е. Ю. Избр. М., 1991. С. 426. *Ригорист* — строгий ревнитель уставленных правил.

⁸² Об этой вышивке см. статью Г. И. Беневича в сб.: Реализм святости. С. 80—86.

⁸³ Воспоминания С. Б. Пиленко.

⁸⁴ «Ангел с кадилом» сейчас находится в православном храме преп. Серафима Саровского, в Париже.

⁸⁵ Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Блоковский сб. X. 1990. С. 150. *Лилия* — цветок Богоматери, символ Ее целомудрия.

⁸⁶ Там же. С. 149—150.

⁸⁷ См. также: *Шустов А. Н.* Притча о Десяти девах // Анапа. 2003. 30 апр.

⁸⁸ Равнина русская. С. 135.

⁸⁹ Там же. С. 136.

⁹⁰ Василий Блаженный — юродивый московский (1465—1552). Память его празднуется 2 августа. Мощи находятся в московском Покровском соборе. (Поэтому мать Мария написала для своего *Покровского собора* эту икону.) Родом Василий Блаженный был из крестьян, и родители отдали его на обучение к сапожнику. Трудолюбивый и богобоязненный юноша был удостоен дара провидения, который обнаружился случайно. В житии Блаженного описывается, как он словом и примером учил народ нравственной жизни. Похоронен был во Рву, на кладбище Троицкой церкви (теперь на Красной площади), где в 1554 г. по приказу Иоанна Грозного был возведен собор, известный в народе как собор Василия Блаженного. На Руси прозвание *блаженный* давалось святым юродивым.

⁹¹ *Кривошеин И.* Мать Мария (Скобцова). С. 36.

⁹² См.: Братство Святой Софии. Материалы и документы: 1923—1939; М.; Париж, 2000.

⁹³ Кузьмина-Караваева Е. Ю. Избр. С. 304.

⁹⁴ Вестник РХД, Париж, 1991. № 161. С. 139.

⁹⁵ Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Блоковский сб. IX. 1989. С. 174—175.

⁹⁶ В России этот художник был и остается малоизвестным. В свое время он был близок кругу символистов, о молодом Ленуаре писал М. Волошин (Московская газ. 1911. 21 окт.)

⁹⁷ *Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. 1992. С. 213—214; курсив — наш.

⁹⁸ *Мочульский К. В.* Монахиня Мария (Скобцова). С. 66.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Игорь Александрович Кривошеин (1899—1987), штабс-капитан л.-гв. Конной артиллерии армии генерала Врангеля, узник нацистских и советских концлагерей, участник движения Сопротивления (награжден французской медалью Сопротивления). Окончил Сорбонну по специальности инженер-электрик. В течение почти двух военных лет он сотрудничал и помогал матери Марии. Был вместе с женой Н. А. Кривошеиной (урожд. Мещерской) основателями и издателями «Вестника русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции» (Париж), № 1 — 1946, № 2 — 1947. В 1948—1974 гг. жил в СССР, его правдивые рассказы и свидетельства о жизни м. Марии были для многих настоящим открытием этого имени. Благодаря многолетним усилиям И. А. (конференции, радиопередачи, публикации) м. Мария стала известна общественности Советского Союза с 60-х гг. Архив И. А. хранится в РО РГБ (Москва). Благодаря его редакторской и фактологической работе смогла выйти книга «Мать Мария» (автор о. Сергей Гаккель, ИМКА-Пресс, Париж, 1980). Подробно о судьбе

И. А. Кривошеина можно прочитать в книге «Четыре трети нашей жизни», автор Н. А. Кривошеина (ИМКА-Пресс, Париж, 1984; «Русский путь», Москва, 1999), в книге Б. Носика «На погосте 20-го века» (СПб, 2000. С. 239—251) и в статье А. Н. Шустова «Узник двух режимов — соратник матери Марии» (Анапа. 2001. 2 окт.).

¹⁰² Свидетельство одного из таких «беглецов» см.: *Агафонов А. М. (Глянцев)*. Записки солдата армии теней. СПб., 1998. С. 122—123.

¹⁰³ Сейчас gobelen «Тайная вечеря» находится на хранении у о. Сергия Гаккеля (Великобритания). Он много раз воспроизводится в различных изданиях как в СССР (России), так и на Западе.

¹⁰⁴ «Это было уже во время войны, после падения Парижа. Она вела себя... несколько вызывающе. Я ей говорил: „Лиза, тише, тише, не надо. Не надо, чтобы немцы что-то подумали, что-то узнали“. А у нее было по отношению к ним такое чувство, страшно вызывающее. Она не скрывала, что их ненавидит и с ними борется... Помню, в этой комнате мы с Сережей (Эрнстом) говорили об осторожности, она обвинила нас, что мы держимся в стороне». Обвинение м. Марии — необоснованное (если таковое было). Д. Бушен и С. Эрнст активно участвовали во французском Сопротивлении. Они этого не афишировали из конспиративных соображений // *Елизавета Кузьмина-Караваяева и Александр Блок*. С. 219.

¹⁰⁵ *Мать Мария*. Стихотворения, поэмы, мистерии... Париж, 1947. С. 152.

¹⁰⁶ *Кривошеин И.* Мать Мария (Скобцова). С. 41. Д. Е. Скобцов приводит эти слова в несколько ином виде: «Только здесь, над самой трубой, клубы дыма мрачны, а поднявшись ввысь, они превращаются в легкое облако, чтобы затем совсем развеяться в беспредельном пространстве. Так и души наши, оторвавшись от грешной земли, в легком неземном полете уходят в вечность для этой радостной жизни» // *Мать Мария*. Стихотворения, поэмы, мистерии... С. 7.

¹⁰⁷ *Мать Мария (Скобцова)*. Воспоминания, статьи, очерки. Т. 2. С. 132.

¹⁰⁸ Там же. С. 162.

¹⁰⁹ Воспроизведен: *Всемирная история*. Т. 3. М., 1957. С. 368—369.

¹¹⁰ Сейчас эта косынка находится у дочери о. Димитрия Клепинина Е. Д. Аржаковской-Клепининой (Париж).

¹¹¹ Цит. по: *Гаккель С.* С. 248—249.

¹¹² *Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции*. Париж, 1947. № 2. С. 59.

¹¹³ Икона была воссоздана парижской художницей-изографом С. А. Оцуп (Раевской), которая попыталась богословски осмыслить замысел автора. Подробнее см.: *Аржаковская-Клепинина Е.* В поисках последней вышивки матери Марии (Скобцовой) // *Русская мысль*. № 4230. 1998. 9—15 июля. С. 20; см. также: *Емельянова Т.* Пятидесятница матери Марии // *Истина и жизнь*. 1998. № 9. С. 41—43. Прорись с. Иоанны (архив А. Н. Шустова) воспроизводилась неоднократно; впервые — *Вестник РХД*. 1992. № 166. С. 279.

¹¹⁴ *Равнина русская*. С. 151.

¹¹⁵ *Мать Мария (Скобцова)*. Воспоминания, статьи, очерки. Т. 2. С. 164.

¹¹⁶ Воспоминания С. Б. Пиленко.

¹¹⁷ *Инок Всеволод (Филиппев)*. Ангел Апокалипсиса. Духовные сочинения. М., 2002. С. 74.

Краткая летопись жизни матери Марии*

Принятые сокращения: Е. К-К — Елизавета Кузьмина-Караваева (по первому мужу); Е. Ск. — Елизавета Скобцова (по второму мужу); ММ — Монахиня Мария (после пострига). Публикации сочинений ММ (кроме книг, вышедших при ее жизни) в «Летописи» не указываются, они учтены в «Библиографическом указателе...» Е. К-К (ММ), СПб, 2002.

1891

8 декабря

У товарища (заместителя) прокурора Юрия Дмитриевича Пиленко (1857—1906) и его жены Софии Борисовны (урожд. Делоне; 1863—1962) в Риге родилась дочь.

27 декабря

Дочь Ю. Д. и С. Б. Пиленко крещена в Рижском православном кафедральном соборе под именем *Елизавета*. Восприемниками были: Д. В. Пиленко (дед) и Е. А. Яфимович (двоюродная бабка).

1893

27 октября

У Ю. Д. и С. Б. Пиленко родился сын Дмитрий, брат Елизаветы.

1895

20 февраля

В Анапе скончалась бабушка Елизаветы, мать ее отца — Н. Б. Пиленко (урожд. Иваницкая).

7 марта

В Анапе скончался дед Елизаветы, ее крестный отец, отставной генерал-лейтенант Д. В. Пиленко.

июнь

Ю. Д. и С. Б. Пиленко с детьми переезжают из Риги в Анапу на постоянное жительство.

1897

январь (?)

Елизавета знакомится в доме «бабушки» (крестной матери) Е. А. Яфимович с К. П. Победоносцевым, который надолго (до лета 1906 г.) стал «другом ее детства».

* Даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

1899

21 декабря

Ю. Д. Пиленко назначен почетным смотрителем Анапского городского трех-классного училища. В этой должности он состоял до своей кончины.

1900

8 сентября

Ю. Д. Пиленко избран старостой городского управления Анапы на четыре года.

1902

15 октября

В Анапе освящен храм св. пророка Осии и мученика Андрея Критского, заложенный в 1889 г. дедом Елизаветы.

1903

август (?)

Елизавета сдавала *проверочные* экзамены в Новороссийской гимназии; обучалась она дома, поскольку в Анапе гимназий еще не было.

1905

7 мая

Ю. Д. Пиленко назначен директором Императорского Никитского ботанического сада и Никитского училища садоводства и виноделия. Вступил в должность 14 мая.

август

Елизавета Пиленко определена на учебу в 4-й класс ялтинской женской гимназии. Ее брат Дмитрий — во 2-й класс ялтинской Александровской гимназии.

17 октября

Подписан манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка». В крымских газетах он был опубликован 20 и 21 октября: «Россия вступила на путь обновления, законности и права». В знак протеста против этой «конституции», провозгласившей свободу совести, 18 октября К. П. Победоносцев подал в отставку с поста обер-прокурора Синода. В этот же день в ялтинских гимназиях объявлены забастовки учащихся.

29 декабря

Назначенный на этот день праздник новогодней елки для учениц ялтинской женской гимназии отложен «на неопределенное время».

1906

6—7 февраля

В Никите и Масандре арестовано 22 человека: учителя, ученики и рабочие. Вскоре были освобождены.

10 марта

Ю. Д. Пиленко уволен с должности директора Никитского ботанического сада и причислен к Главному управлению землеустройства и земледелия.

середина мая

Елизавета Пиленко окончила 4-й класс ялтинской женской гимназии с наградой 2-й степени. Ю. Д. Пиленко подал прошения о зачислении Елизаветы и Дмитрия в петербургские гимназии.

16 июля

Состоялись выборы в городскую думу Анапы. Среди кандидатов в «мэры» был и Ю. Д. Пиленко. Городским головой был избран В. И. Пиленко (двоюродный дядя Елизаветы).

17 июля

В Анапе скорпостижно скончался отец Елизаветы Ю. Д. Пиленко.

17 августа

В Петербурге скончалась крестная мать Елизаветы Е. А. Яфимович.

август

С. Б. Пиленко с детьми Елизаветой и Дмитрием приехала в Петербург.

конец августа

Елизавета Пиленко поступила в 5-й класс гимназии Л. С. Таганцевой в Петербурге. Брат Дмитрий — в 3-й класс 7-й петербургской гимназии.

1908

вторая половина января

На одном из вечеров современной поэзии Елизавета впервые увидела выступающего с эстрады А. Блока.

конец января — начало февраля

В Таганцевской гимназии создан нелегальный кружок по изучению марксизма, к которому примкнула Елизавета. Гимназистки собирались на квартире у одноклассницы Ю. Эйгер (Пантелеймоновская ул., 19, кв. 21).

8—12 февраля

В один из этих дней Елизавета пришла на квартиру Блока на Галерную ул., 41, кв. 4. «Через неделю» после встречи она получила письмо от поэта, в которое было вложено стихотворение «Когда вы стоите на моем пути...».

конец августа

Елизавета переходит в гимназию М. Н. Стоюниной (в 7-й класс).

1909

6 апреля — 16 мая

Елизавета сдает выпускные экзамены в Стоюнинской гимназии. По всем предметам, кроме алгебры, она получила пятерки.

8 июля

Е. Ю. Пиленко подала прошение о зачислении ее на юридический факультет Бестужевских курсов.

9 июля

Е. Ю. Пиленко подала новое прошение о зачислении ее на историко-филологический факультет Бестужевских курсов. Извещена о зачислении 30 августа.

9 октября

Решение педсовета Стоюнинской гимназии о выдаче Е. Ю. Пиленко аттестата об окончании 7-го класса с серебряной медалью. Аттестат подписан 25 октября и передан на Бестужевские курсы.

1910

19 февраля

Е. Ю. Пиленко венчается с Д. В. Кузьминым-Караваевым (1886—1959) в церкви Рождества Богородицы при петербургской гимназии Александра I, которую окончил жених. Муж Е. К-К — сын известного профессора-правоведа и дальний родственник поэта Н. С. Гумилева.

14 декабря

На вечере памяти Вл. Соловьева в Тенишевском училище Е. К-К вторично (официально) знакомится с А. Блоком. На следующий день Е. К-К с мужем обедали у Блоков.

1911

лето

Е. К-К жила в имении своего мужа в с. Борисово Бежецкого у. Тверской губ., где 15 июля Н. С. Гумилев представил соседям свою жену А. Ахматову. Е. К-К занималась живописью, общалась с Н. С. Гумилевым, А. А. Ахматовой и будущим театральным художником Д. Д. Бушеном, кузеном ее мужа.

1 сентября

Е. К-К официально «выбыла» с Бестужевских курсов, не закончив их (не получив «диплома»).

20 октября

Открытие 1-го «Цеха поэтов» под руководством Н. Гумилева и С. Городецкого. Д. В. Кузьмин-Караваев стал «стряпчим» «Цеха», а Е. К-К — его активной участницей.

7 ноября

Е. К-К читает свои «черноморские» стихи в присутствии А. Блока на «башне» Вяч. Иванова (Таврическая ул., ныне — 35).

10 ноября

Третье заседание «Цеха поэтов» на квартире матери Е. К-К (Московская ул., 4). На этом собрании в число членов «Цеха» принят М. Лозинский.

10 декабря

Группа поэтов (О. Мандельштам, В. Гиппиус, В. Пяст...), среди которых была Е. К-К, в ресторане «Вена» заочно избрали А. Блока «королем русских поэтов», о чем известили его открыткой-дипломом со стихами. В тот же день у Е. К-К состоялось очередное заседание «Цеха поэтов».

26 декабря

Открылась 3-я выставка объединения художников «Союз молодежи» (работала в течение января 1912 г.). На этой выставке Е. К-К экспонировала картину «Змей Горыныч».

1912

21 января — февраль

В Петербурге гостил А. Белый, с которым все тогда «носились». Возможны встречи Е. К-К с Белым у В. И. Иванова, Е. В. Аничкова, А. А. Блока...

март

Опубликован сборник стихов Е. К-К «Скифские черепки».

10 марта

Заседание «Цеха поэтов» на квартире Е. К-К, где отмечался выход в свет книг А. Ахматовой «Вечер» и М. Зенкевича «Дикая порфира».

26 марта

Е. К-К делает дарственную надпись А. Блоку на сборнике «Скифские черепки».

29 марта

Е. К-К получила заграничный паспорт и вскоре выехала на немецкий курорт Бад-Наугейм.

конец апреля

Е. К-К посылает А. Блоку в Петербург открытку и письмо из Германии.

лето (июнь ?)

У Е. К-К в Анапе гостили А. Н. Толстой и С. И. Дымшиц.

22 июля

В Коктебеле состоялся праздник под открытым небом, в котором участвовали гостившие там представители мира литературы и искусства: М. Волошин, А. Толстой, Е. К-К, А. Лентулов и др.

24 июля

Е. К-К переехала из Коктебеля в Феодосию к тетке О. Д. Щастливцевой (сестре отца).

7 ноября

Члены «Цеха поэтов» читали свои стихи в редакции журнала «Аполлон». Е. К-К позже рассказала о разборе на этом собрании стихотворений А. Ахматовой.

19 декабря

Е. К-К присутствует на вечере акмеистов в артистическом кабаре «Бродячая собака», где ее муж выступил с приветствием нового течения.

27 декабря

М. Лозинский сообщает поэту С. Грааль-Арельскому, что «завтра в пятницу» у него состоится «полуцеховое» собрание в честь приехавшей в Петербург на праздники Е. К-К.

28 декабря

Собрание участников журнала «Гиперборей», посвященное приехавшей в столицу на Рождество Е. К-К.

1913

март — апрель

Е. К-К оставила мужа и уехала из Петербурга в Анапу. О «разводе» она сообщила в ноябрьском (1913) письме А. Блоку.

18 октября

У Е. К-К в Москве родилась внебрачная дочь Гаяна. Крещена 18 октября 1914 г. в Анапе.

конец ноября

Первое письмо Е. К-К из Москвы А. Блоку, начало их переписки.

ноябрь — февраль 1914

Общение Е. К-К в Москве с Вяч. Ивановым, А. Толстым, С. Дымшиц, Кандауровыми, М. Сарьяном, М. П. Кювилье, матерью М. Волошина и др. С. Дымшиц рисует портрет Е. К-К.

3 декабря

Е. К-К обращается письменно к поэту Б. А. Садовскому с просьбой познакомить ее с издателями «Альционы», поскольку она намеревается издать вторую книжку стихов.

10 декабря

Синод русской православной церкви принял решение о создании (с осени 1914 г.) в Москве при Скорбящем монастыре высшего женского богословского педагогического института (студенткам разрешалось принимать монашество до достижения ими установленного законом 40-летнего возраста). Эти сведения публиковались в столичных газетах.

26—27 декабря

Е. К-К в гостях у Вяч. Иванова спорит с хозяином; это ее «борьба за Блока».

1914

19 января

Е. К-К пишет письмо А. Блоку, в котором сообщает о своем решении издать вторую книгу стихов.

первая половина января

Е. К-К через посредство А. Толстого послала из Москвы в Петербург А. Блоку на отзыв рукопись своей книги стихов «Дорога».

начало февраля

Е. К-К получила от А. Блока обратно рукопись «Дороги» с его пометами; благодарит его в письме от 15 февраля.

27 февраля

Е. К-К обращается с письмом к поэту С. П. Боброву, в котором высылает ему несколько стихов (по предварительной договоренности); пытается наладить контакты с футуристической группой «Центрифуга».

11 марта

Вечер у матери М. Волошина, на котором присутствовала Е. К-К.

начало мая

В Анапе у Е. К-К гостят А. Толстой и С. Дымщиц. Вернувшись в Коктебель, А. Толстой написал рассказ «Четыре века», в котором отразил некоторые факты из личной жизни Е. К-К.

около 10 июля

Е. К-К приезжала в Коктебель, где прожила «несколько дней», но ни А. Толстого, ни М. Волошина там не застала.

19 июля

Германия объявила войну России; Манифест Николая II о войне подписан 20 июля: «Я здесь торжественно заявляю: доколе хоть один неприятель останется на земле русской, я не заключу мира». 18 августа Петербург переименован в Петроград.

около 20—22 октября

Е. К-К с матерью и дочерью приехала в Петроград.

25 октября

Посещение Е. К-К А. Блока на Офицерской ул., 57. Начало их частого общения (октябрь — декабрь).

1915*27 января*

В артистическом кабачке «Бродячая собака» состоялся вечер поэтов. В центре внимания был Н. Гумилев, читавший свои стихотворения с Георгием на груди. Е. К-К была (?) на этом вечере.

конец января — начало февраля

Совместно с Н. Гумилевым, В. Шилейко, Н. Недоброво, В. Чудовским Е. К-К присутствует на квартире М. Лозинского при чтении поэмы А. Ахматовой «У самого моря».

апрель

Опубликована повесть Е. К-К «Юрали». Дарственная надпись на экземпляре А. Блока сделана 19 апреля.

лето

У Е. К-К в Анапе гостит ее подруга по Таганцевской гимназии А. Афанасьева (Пиянзина).

осень (?)

Знакомство с Н. А. Бердяевым у Вяч. Иванова в Москве.

1916*январь — март*

Общение Е. К-К с Блоком.

11 апреля

Е. К-К вместе с Е. Я. Эфрон, золовкой М. Цветаевой, были у М. Волошина в Петрограде.

апрель

Вышел в свет сборник стихов Е. К-К «Руфь». Дарственная надпись на экземпляре А. Блока сделана 20 апреля.

лето (и осень)

Е. К-К живет в Анапе, откуда пишет письма А. Блоку на фронт в Белоруссию (выехал 26 июля 1916 г.). В конце июля Е. К-К получила последнее письмо от Блока.

октябрь

Е. К-К ездила из Анапы в Кисловодск «поправить сердце», о чем сообщила А. Блоку, по отношению к которому у нее прошла «экзальтация».

середина ноября

Е. К-К ездила в Новороссийск и Ростов-на-Дону «по делам», связанным с ее занятием виноделием. Встречается с братом Дмитрием, который после короткого отпуска в Анапе возвращался на фронт.

22 ноября

Е. К-К в письме А. Блоку из Анапы сообщает: «...закладываю имение, покупаю мельницу и кручусь, кручусь без конца».

конец года

Е. К-К оформляет развод с Д. В. Кузьминым-Караваевым.

1917*весна (март ?)*

Е. К-К вступает в партию эсеров. В Анапе создан Совет солдатских и рабочих депутатов во главе с Мережко (распущен в октябре 1917 г.).

4 мая

Е. К-К пишет последнее письмо А. Блоку (местное, в Петрограде). Вскоре уезжает в Анапу.

май

В Анапе (Джемете) Е. К-К навещает ее троюродный брат Ю. В. Пиленко; она показала ему тогда «чем-то озабоченной, удрученной и точно потерянной».

15—17 июня

Е. К-К участвует во Всероссийском съезде виноделов и виноградарей (делегат) в Ростове-на-Дону.

июнь — июль

В Анапе избран Гражданский комитет. От партии эсеров в него вошла Е. К-К, «одна из активнейших женщин».

15 августа

В Москве начал работу 1-й Всероссийский поместный собор Православной Церкви. Позже Е. К-К написала статью «О церковном Соборе 1917 г.».

конец августа

Е. К-К выезжала из Анапы в Петроград и Москву, очевидно по партийным делам. Вернулась в Анапу на Рождество (к 25 декабря).

1918

4 (17 н. ст.) февраля

Е. К-К избрана товарищем (заместителем) городского головы Анапы, заведовала «народным здоровьем и образованием». В конце февраля городской голова Н. И. Морев подал в отставку, и Е. К-К автоматически стала главой города.

6 февраля

В Анапе создан военно-революционный комитет под руководством П. И. Протапова.

19 февраля

В Анапе провозглашена советская власть под председательством П. И. Протапова. Наступил период местного двоевластия: городская дума и Ревком.

конец февраля

В Анапе создан большевистский Совет народных комиссаров во главе с П. И. Протаповым.

18 марта

Анапская дума во главе с Е. К-К приняла решение о самоликвидации. Управление городским хозяйством сохранилось за городской управой.

25 марта

Анапская городская управа официально упразднена Советом. Состав новой «управы», влитой в Совет, остался прежним, но ее члены стали называться *комиссарами*. Е. К-К принудительно занимает должность народного комиссара по здравоохранению и образованию.

24—27 апреля

Е. К-К участвует в губернской конференции партии правых эсеров в Новороссийске, где ее избирают делегатом на VIII совет (съезд) партии.

28 апреля

Е. К-К возвращается в Анапу. Убийство в Анапе председателя Совета П. И. Протапова и секретаря П. И. Разумихина (похороны состоялись 2 мая).

после 2 мая

Е. К-К выезжает в Москву по партийным делам.

20—27 мая

В Москве работает VIII совет партии правых эсеров, на котором Е. К-К участвует с правом совещательного голоса от Новороссийска (Черноморской губ.).

июнь — июль

Е. К-К живет в Москве, где часто встречается с А. Толстым, И. Эренбургом, поэтессой В. Меркурьевой.

28 августа

Захват Анапы и побережья добровольческой армией А. И. Деникина. На другой день были казнены не менее семи сторонников советской власти.

середина октября

Е. К-К вернулась в Анапу после полугода «риска и конспирации». Ее арест.
ноябрь — декабрь

Е. К-К находится в заключении в Анапе полтора месяца. Выпущена под залог до суда.

11 ноября

Краевая рада (глава — Л. Л. Быч) провозгласила Кубанский край суверенным «самостоятельным государством», что противоречило лозунгу А. И. Деникина о «единой и неделимой» России.

1919

24 января

Я. М. Свердлов подписал секретное циркулярное письмо о «проведении беспощадного террора по отношению ко всем вообще казакам», принимавшим «прямое или косвенное» участие в борьбе с советской властью.

февраль

В Москве вышел в свет сборник стихов «Весенний салон поэтов», подготовленный И. Эренбургом. В нем опубликованы четыре стихотворения Е. К-К.

15 марта

В Екатеринодаре состоялось заседание краевого военно-окружного суда по делу Е. К-К. Она была осуждена на две недели ареста «при тюрьме» (первоначально процесс намечался на 11 февраля).

март

В деникинской газете «Утро Юга» (Екатеринодар) за 3 (16), 5 (18) и 6 (19) марта опубликованы материалы судебного процесса над Е. К-К. Предполагаемый автор репортажей — сотрудник газеты С. Я. Маршак.

24 марта

В газете «Одесский листок» опубликовано открытое письмо группы писателей в защиту Е. К-К. Письмо подписали: М. Волошин (автор текста), А. Толстой, Л. Гроссман, В. Инбер, Н. Крандиевская и др.

27 апреля

В советской газете «Известия» опубликована заметка о судебном процессе над Е. К-К.

середина года

Е. К-К и Д. Е. Скобцов (1885—1969) вступили в брак, венчались в Екатеринодаре (по другой версии — в Анапе).

20 ноября

Разгон генералом В. Л. Покровским Кубанской краевой рады (Екатеринодар), стоявшей за отделение Кубани от России, председателем Рады 22 ноября избран умеренный казачий деятель Д. Е. Скобцов.

декабрь

Восстановлена Законодательная кубанская рада. На место Д. Е. Скобцова председателем избран левый кубанец И. П. Тимошенко.

1920

начало января

Е. Ск. смотрела пьесу А. П. Чехова «Дядя Ваня» в обновленной постановке — часть труппы МХТ во главе с В. И. Качаловым с середины декабря 1919 г. гастролировала в Екатеринодаре.

17 марта

Екатеринодар занят частями Красной Армии. Кубанское правительство и Рада эвакуировались накануне.

23 марта

«Зеленые» партизаны подняли восстание в Анапе и станице Гостагаевской.

24 марта

15-я стрелковая дивизия Красной Армии, входившая в состав Первой конной армии, освободила Анапу от белогвардейцев, восстановив в городе советскую власть.

26—27 марта

Е. Ск. с матерью С. Б. Пиленко и дочерью Гаяной эвакуируются с потоком беженцев из Новороссийска в грузинский порт Поти на итальянском пароходе «Барон Бек». В тот же день Новороссийск занят Красной Армией. Д. Е. Скобцов эвакуировался отдельно с кубанским казачьим правительством.

середина апреля

У Е. Ск. в Грузии (Тифлисе ?) родился сын Юрий.

21 апреля

Скончался от тифа штабс-капитан Д. Ю. Пиленко, брат Е. Ск. Удостоверение о смерти выдано его матери, С. Б. Пиленко, 16 августа 1920 г.

конец года

Семья Скобцовых воссоединилась в Константинополе.

1921

8 апреля

Указ патриарха Тихона о назначении архиепископа Евлогия управляющим приходами Русской Православной Церкви в Западной Европе (30 января 1922 г. возведен в сан митрополита).

1922

4 декабря

У Е. Ск. в Сербии родилась дочь Анастасия. Крещена вместе с братом Юрием 25 ноября 1924 г.

1923

январь

Резиденция митр. Евлогия перенесена из Берлина в Париж.

1924

январь

Семья Скобцовых переехала из Сербии в Париж.

28 октября

Установление дипломатических отношений между Францией и СССР. Над зданием бывшего российского посольства в Париже был поднят советский флаг.

1925

1 марта

Освящение храма в Сергиевском подворье в Париже.

середина года

Открытие в Париже Богословского института (занятия начались в сентябре).

20 сентября

Открытие «Общеказачьего дома» в Париже. Большую общественную работу среди казаков-эмигрантов вел Д. Е. Скобцов. Несколько заметок о казаках опубликовала в парижских газетах Е. Ск.

1926

7 марта

В Пастеровском институте в Париже скончалась от менингита дочь Е. Ск. Анастасия.

1927

(дата не установлена)

Супруги Скобцовы «разъехались»: дочь Гаяна осталась с матерью, сын Юрий — с отцом.

(дата не установлена)

Во Франции организуется Русское студенческое христианское движение (РСХД). Возникло в Чехии в 1923 г.

12—18 сентября

5-й съезд РСХД в Клермоне, на котором Е. Ск. была избрана кандидатом в члены совета Движения. Ею написана статья по итогам его работы. На съезде Е. Ск. познакомилась с Г. П. Федотовым, Б. Г. Старком, Б. В. Плюхановым.

в течение года

Е. Ск. часто выступает с докладами в Париже.

1928

10—16 сентября

6-й съезд РСХД под Амьеном, в работе которого участвовала Е. Ск. На съезд она приехала с дочерью Гаяной.

октябрь — январь 1929 г.

С. Булгаков провел десять еженедельных собраний, посвященных изучению вопроса о святой Софии Премудрости Божией, на которых присутствовали Е. Ск., Ю. Рейтлингер (будущая сестра Иоанна, иконописец) и др.

3 декабря

В Париже освящен храм Введения Пресвятой Богородицы. День Введения (4 декабря) стал престольным праздником РСХД, Первым настоятелем храма стал духовный руководитель Движения С. Четвериков.

в течение года

Е. Ск. часто выступает с докладами на разных «площадках».

1929—1939

Е. Ск. как представитель РСХД участвует в работе его съездов, много выступает с лекциями в кружке по изучению России, на семинаре русской религиозной и философской мысли (рук. Н. А. Бердяев), на различных собраниях и вечерах, на заседаниях «Православного дела» в Париже и других городах*.

1930*24 июня*

Митр. Евлогий московским обновленческим Синодом Русской Православной Церкви (указом митр. Сергия) отстранен от управления русскими приходами в Западной Европе. Начался церковный раскол.

13—19 июля

Работа 7-го съезда французского РСХД в Клермоне. Докладчиком выступила Е. Ск.

14—20 сентября

Работа 8-го съезда общего РСХД в Монфоре. Е. Ск. выступила с докладом «Работа с молодежью». На этом съезде Е. Ск. назначена разъездным секретарем Движения для проведения миссионерской работы за пределами Парижа.

1931*февраль*

Состоялся Церковный собор в Париже, на котором было принято решение отмежеваться от Московской Патриархии и перейти под юрисдикцию Вселенского (Константинопольского) Патриарха Фотия II. Митр. Евлогий назначен экзархом Вселенского Патриарха «Грамотой» от 17 февраля 1931 г.

начало марта

В связи с истечением срока бесплатного захоронения Анастасия Скобцова перезахоронена на другом участке кладбища Банье. Согласно французским законам, Е. Ск. присутствовала при эксгумации дочери. Это событие ускорило ее решение о монашеском постриге.

середина марта

Е. Ск. ездила в Ниццу к Фондаминским. 17 марта встречалась там с И. Буниным, Ф. Степуном, Г. Кузнецовой. Побывала в Каннах.

вторая половина сентября

Е. Ск. отдыхала в женском молодежном лагере на берегу океана севернее Бордо; беседовала с девушками, вышивала.

* Даты и темы выступлений в «Летописи» (ввиду ее краткости) не указываются.

1932

середина февраля

Е. Ск. с дочерью Гаяной была в Ницце. 15 февраля она встречалась там с Г. Кузнецовой и Л. Зуровым — друзьями И. Бунина.

7 марта

Митр. Евлогий дал церковный развод Е. Ю. и Д. Е. Скобцовым. Гражданского развода они не добивались и юридически (по французским законам) до конца дней своих оставались супругами.

16 марта

В храме Сергиевского подворья при парижском Православном богословском институте Е. Ск. приняла от митр. Евлогия монашеский постриг, получив имя Мария в честь святой Марии Египетской. После пострига ММ провела положенные трое суток в полном одиночестве в помещении Сергиевского подворья.

20 марта

ММ присутствовала на литературном собрании парижской молодежи.

9 апреля

Организационное собрание Союза русских безработных Парижа. В правление избрана ММ.

конец мая — начало июня

ММ с дочерью Гаяной ездила в Кабрис. 1 июня встречалась с И. Буниным, Г. Кузнецовой, поэтом А. Штейгером.

24—31 июля

В Пюхтицком женском Успенском монастыре (Эстония) состоялся 2-й съезд прибалтийского Студенческого Христианского Движения, в работе которого вместе с проф. В. В. Зеньковским и о. Сергием Четвериковым участвовала ММ. 28 июля она выступила с докладом «Религиозное сознание в душе русского народа». В этот же период ММ ненадолго приезжала в Нарву. В один из дней она побывала в д. Комаровке (7 км от Нарвы) на эстонско-советской границе и взяла на память в платок горсть родной земли.

конец августа — первая половина сентября

ММ ездила в Латвию (две недели жила в рижском Свято-Троицком монастыре), Эстонию и Финляндию (Выборг, о. Валаам ?).

сентябрь (до 20-го числа)

ММ подписала контракт на аренду дома (Париж, Вилла де Сакс, 9) под общежитие для одиноких женщин. Начальный капитал для аренды ей дал митр. Евлогий.

24—26 сентября

На съезде, посвященном проблемам православной культуры (Париж), ММ выступила с рассказом о своих впечатлениях от поездки в Прибалтику.

27 ноября

В Париже, на бульваре Монпарнас, 10, состоялось открытое собрание Религиозно-философского общества на тему «Причины мирового безбожного движения».

С докладами выступили Н. Бердяев, С. Булгаков. В работе участвовала и ММ. Здесь она познакомилась с критиком К. В. Мочульским.

10 декабря

На Вилла де Сакс ММ организовала концерт, перед началом которого она сама и о. Жилле выступили с «речами». Сбор от концерта пошел на оплату аренды дома.

1933

21 января

На Вилла де Сакс (у ММ) прошел съезд Лиги православной культуры.

С докладом выступил К. Мочульский. На съезде присутствовал митр. Евлогий.

22 января

В церкви на Вилла де Сакс служил литургию о. Сергей Булгаков; ММ сказала Мочульскому: «Отец Сергей — мой духовный отец».

сентябрь (до 24-го числа)

На 8-м общем съезде РСХД ММ избрана секретарем центрального секретариата Движения по социальной и миссионерской работе.

8 ноября

Открытие богословских (миссионерских) курсов на Вилле де Сакс, с числом слушателей 56 человек, по изучению Священного Писания, истории церкви, литургии, апологетики, догматического богословия. Вступительная лекция — С. Булгакова. На этих курсах ММ выступала с лекциями по различным темам.

23 декабря

Православный съезд русских рабочих в пос. Кнютанж. В числе докладчиков была и ММ. Этот поселок она называла «своей паствой».

1934

август

ММ снимает дом на ул. Лурмель, 77. К 8 сентября ее пансионат уже переехал с ул. Вилла де Сакс в новое помещение.

24 августа

В Париже скончался священник о. Александр Ельчанинов, единомышленник и соратник ММ по РСХД. Через несколько дней она присутствовала на его похоронах в Медоне, а в 1935 г. в сборнике, посвященном памяти о. Александра, опубликовала две статьи о нем.

14 ноября

Празднование первого храмового праздника на ул. Лурмель, 77 (церковь Покрова Богородицы). В этот день ММ вместе с Ф. Пьяновым и К. Мочульским проводит совещание об организации «христианско-социальной работы».

25 ноября

ММ посещает Бердяевых в Кламаре, где встречается с супругами Федотовыми и другими представителями церковной общественности.

1935

3 января

ММ выступила с речью на собрании, посвященном памяти о. Александра Ельчанинова.

17 февраля

ММ в гостях у Бердяевых. Вместе с ней были супруги Федотовы, К. Мочульский, жена И. И. Фондаминского и др.

май (?)

ММ приехала на две недели в Ригу, посетила женский Свято-Троицкий монастырь, где поделилась планами о создании христианско-социального общества — будущего «Православного дела».

27 мая

Заседание центрального секретариата РСХД в Париже, на котором ММ рассказала о своей поездке в Латвию.

1—4 июня

Заседание расширенного совета РСХД в Буасси (под Парижем). 1 июня ММ выступила с докладом о жизни молодежи в Прибалтике. В работе совета принимали участие митр. Евлогий и о. Сергей Булгаков.

8—10 июня

ММ участвует в работе очередного съезда РСХД в Буасси.

21—25 июня

В Париже работал 1-й Международный конгресс писателей в защиту культуры. На конгрессе в качестве делегата от СССР присутствовал А. Н. Толстой. В этот период он встречался с ММ, которая отпустила с ним на родину дочь Гаяну.

30 июня

В Сергиевском подворье прошел День русской церковной культуры, на котором ММ выступила с докладом «Православное служение миру».

16 мая — 21 июля

В Париже, в Пти-Палэ, работала выставка итальянского искусства «От Чимабуэ до Тьеполо». Незадолго до ее закрытия ММ посетила эту выставку.

22 июля

Дочь ММ Гаяна приехала с А. Толстым в Ленинград и стала жить у Толстых в Детском Селе (ныне г. Пушкин).

27 сентября

Торжественное заседание на ул. Лурмель, 77, на котором основано объединение «Православное дело» и принят его устав. Основателями являлись: ММ, Н. Бердяев, С. Булгаков, Г. Федотов, К. Мочульский. Председателем была избрана ММ, заместителем — К. Мочульский, секретарем — Ф. Пьянов. Новое объединение благословил митр. Евлогий, согласившийся стать его почетным председателем. Общество было независимо от церковной иерархии; это была благотворительная и культур-

но-просветительная организация. В течение двух-трех последующих лет объединение провело множество встреч и собраний на ул. Лурмель, 77, на которых выступала ММ по различным христианско-социальным проблемам.

осень

ММ вместе с о. М. Чертковым и Ф. Т. Пьяновым арендовала помещение Дома отдыха для выздоравливающих туберкулезных больных в Нуази-ле-Гран. Торжественное открытие состоялось в мае 1936 г.; присутствовал митр. Евлогий. В этом санатории в 1942 г. скончался поэт К. Бальмонт, а в 1962 г. — престарелая мать ММ С. Б. Пиленко. Там же доживал свои дни Д. Е. Скобцов.

конец года

Дочь Гаяна переехала в Москву.

1936

19 марта

Этой датой помечено письмо Гаяны в Париж, в котором она сообщала о своей работе в архитектурной мастерской над проектом туберкулезного санатория на Кавказе.

март

Состоялось монашеское собрание под председательством митр. Евлогия, на котором ММ выступила с докладом «Настоящее и будущее церкви».

около 12 апреля

Гаяна звонила из Москвы в Париж, поздравила мать, бабушку и брата с Пасхой (отмечалась 12 апреля).

август

ММ совместно с Ф. Т. Пьяновым подготовила обращение митр. Евлогия к министру здравоохранения Франции об обслуживании русских больных туберкулезом во французских больницах. 13 января 1937 г. был подписан декрет, уравнивший эмигрантов в правах с основным населением.

30 августа

В Москве скоропостижно скончалась Гаяна. Причина смерти не ясна.

вторая половина сентября

ММ получила письмо от мужа Гаяны, Г. Мелия, о кончине дочери и ее и похоронах со схемой расположения могилы на Преображенском кладбище в Москве.

осень

ММ открыла дешевое общежитие на ул. Франсуа Жерар, 43.

1 октября

ММ избрана членом совета РСХД (кандидат с сентября 1927 г.).

октябрь

Архимандрит Киприан (Керн) назначен настоятелем Покровского храма на ул. Лурмель, 77. Отношения у ММ со «своим» священником не сложились. Резолюцией митр. Евлогия о. Киприан освобожден 14 сентября 1939 г.

1937

11 февраля

В Покровской церкви (ул. Лурмель, 77) отслужена панихида по А. С. Пушкину. Пел хор Ф. С. Патаржинского.

28 февраля

Объединения русских в Клиши, РСХД и «Православное дело» провели 5-й духовный съезд. С докладами на тему «Наша ответственность перед церковью и семьей» выступили: ММ, Ф. Пьянов, К. Мочульский и др.

весна

В Берлине вышла в свет книга ММ «Стихи».

16—19 июня

ММ участвовала в совещании церковно-общественных организаций в Буасси, где выступила с докладом как председатель «Православного дела».

12 июля

ММ отслужила панихиду по Гаяне.

1938

20 ноября

В религиозно-философской «академии» (рук. Н. Бердяев) в помещении на ул. Лурмель, 77 прошло открытое собрание на тему «Христианский мир и расизм». В числе докладчиков была ММ — «Русская мысль и расизм».

первая половина декабря

ММ по поручению «Православного дела» посетила некоторые психиатрические лечебницы в Париже и вне его, пробыв в командировке пять суток. В январе 1939 г. вышли в свет ее газетные статьи-отчеты об этой поездке.

1939

январь — июль

ММ «в союзе» с Н. Бердяевым активно поддерживает Г. П. Федотова в его конфликте с Богословским институтом и митр. Евлогием по вопросу свободы совести и мысли.

14 мая

ММ была в гостях у Н. Бердяева (на его воскресных вечерах) вместе с К. Мочульским, Ф. Пьяновым, И. Фондаминским.

29 мая

Собрание у Н. Бердяева по поводу «дела Федотова». ММ «не решается идти на разрыв с иерархией».

8 августа

Вечер у Бердяевых, разговор о «выявлении зла» (на примере романа Гюисманса «Бездна»). Жена Бердяева отмечает про себя «главное (очень редкое) качество» ММ — ее простоту.

2 сентября

Во Франции объявлена всеобщая мобилизация. Одновременно произведены массовые аресты «нежелательных иностранцев», включая русских эмигрантов, сочувствовавших Гитлеру. 3 сентября Франция объявила войну фашистской Германии.

24 сентября

В связи с начавшейся войной на ул. Лурмель, 77 прошло собрание «Православно-го дела» с беседой на тему «Перед лицом новых испытаний». Вступительное слово — ММ.

10 октября

В лурмельский храм Покрова Богородицы назначен новый настоятель — о. Дмитрий Клепинин.

5 ноября

Собрание у Бердяевых. Н. Бердяев сделал доклад на тему «Война и эсхатология». В обсуждении приняли участие проф. Н. Алексеев, Г. Федотов и ММ.

31 декабря

ММ встречала 1940 год у Федотовых. В полночь поздравительную речь произнес Г. Федотов. За ним без оптимизма выступила ММ. Эта встреча Нового года, по словам писателя В. С. Яновского, «скорее походила на похороны».

1940

21 января

У Бердяева собрались Г. Федотов, И. Фондаминский, ММ; обсуждали предложение французов о написании цикла статей, в которых предполагалось «выявить подлинный образ России, искаженный большевизмом».

4 февраля

Собрание у Бердяевых с присутствием ММ, И. Фондаминского, французских и немецких философов. Беседа шла о *духовном* смысле современных событий. Присутствовавшие согласились с тем, что необходимо духовное объединение сил для борьбы со злом.

весна

ММ как член «Комитета помощи русским душевнобольным» посетила 17 учреждений с целью возвращения здоровых людей к нормальной жизни.

28 апреля

Торжественное празднование Пасхи в храме на ул. Лурмель, 77. Служил о. Дмитрий Клепинин в новом облачении, сшитом ММ.

12 мая

Конец периода «странной войны» во Франции. Вечернее собрание у Бердяевых, присутствовало 12 человек из Парижа, в том числе ММ. По словам Федотова, дом Бердяевых — «это главный штаб». Ночью был сильный артобстрел.

19 мая

У Бердяевых собрались И. Фондаминский, К. Мочульский, ММ и др.; «интересная беседа» о цели и смысле происходящих событий. Немцы уже в двух часах езды от Парижа.

3 июня

Массированная бомбардировка Парижа немецкой авиацией, много жертв.

12 июня

ММ провозжала сына Юрия на Лионском вокзале — он собирался уезжать с Мочульским, но в последний момент передумал и остался с матерью.

14 июня

Оккупация Парижа немецко-фашистскими войсками.

22 июня

На ст. Ретонд в Компьенском лесу подписано «перемирие» между Францией и Германией. 24 июня подписано аналогичное «перемирие» с Италией. Оба договора вступили в силу 25 июня — две трети территории Северной Франции оказались под немецкой оккупацией.

лето

Американский Еврейский рабочий комитет подготовил список лиц, которые могли бы получить визу для выезда в США. В список были включены в том числе: Г. Федотов, Н. Бердяев, И. Фондаминский и ММ. Кроме Федотова, все они остались во Франции. ММ утверждала, что только теперь и настает для нее настоящая работа, и не только среди русских, но и среди французов и даже среди немцев.

конец лета

ММ открыла на ул. Лурмель, 77 при своей столовой специальный ларек по продаже дешевых продуктов первой необходимости.

20 сентября

В связи с усилением налетов немцев на Англию (массированная бомбежка Лондона 7 сентября) ММ просит Мочульского записать ее предсказание: «Германия проиграла войну».

26—30 сентября

Разгром гитлеровцами русской общественной Тургеневской библиотеки в Париже. По просьбе И. А. Бунина Б. К. Зайцев и Н. Берберова в конце 1941 г. перевезли его архив (девять чемоданов) в общежитие на ул. Лурмель, 77. Архив сохранился, И. А. Бунин получил его обратно 1 мая 1945 г.

15 декабря

В Париже вышел первый номер подпольной газеты «Соппротивление» («Résistance»), выпущенной Б. Вильде и его группой.

1941

март

На литературном вечере в столовой ММ на ул. Лурмель Н. Берберова читала «Воскресение Моцарта». Присутствовало около ста человек (полный зал).

Арестован Б. В. Вильде, руководитель подпольной группы «Музей человека».

июнь

После нападения Германии на СССР (22 июня) более тысячи русских эмигрантов в Париже были арестованы и помещены в Компьенский лагерь. В их числе —

И. Фондаминский, И. Кривошеин, Ф. Пьянов. ММ организует на ул. Лурмель «фабрику посылок» для отправки заключенным в Компьень. Она говорит: «Я не боюсь за Россию. Я знаю, что она победит».

начало августа

Встреча ММ с И. А. Кривошеиным после его освобождения. Она дает ему согласие на совместную работу в Сопротивлении.

1942

23 февраля

В Париже расстреляны русские участники Сопротивления, с которыми сотрудничала ММ: Б. Вильде и А. Левицкий.

25 мая

ММ закончила автобиографическую поэму «Духов день».

7 июня

Во Франции вступил в силу указ гитлеровской канцелярии от 4 марта 1942 г. о необходимости всем евреям носить желтую «звезду Давида». В этот день ММ пишет стихотворение «Два треугольника — звезда...», разошедшееся в списках.

15—16 июля

Массовые аресты евреев в Париже; изоляция их на зимнем велодроме. ММ проникает на велодром и проводит там три дня. Ей удалось организовать побег четырех детей в мусорных корзинах. Общежитие ММ переполнено беглецами.

31 августа

Немецко-фашистские войска оккупировали Анапу. Освобождена Красной Армией 22 сентября 1943 г.

вторая половина года

ММ написала пьесу-мистерию «Солдаты».

11 ноября

Оккупация немцами южной зоны, таким образом вся территория Франции оказалась под пятой Гитлера.

19 ноября

В Освенциме погиб И. Фондаминский, друг ММ, один из редакторов журнала «Современные записки».

1943

2 февраля

Завершение разгрома немцев под Сталинградом. В Германии объявлен трехдневный траур.

7 февраля

ММ приехала к Д. Е. Скобцову в Фелярд (под Парижем) на сутки для отдыха.

8 февраля

Обыск на ул. Лурмель, 77, разгром гестаповцами «Православного дела». Арестован сын ММ Юрий Скобцов. Вечером ММ узнала об этом.

9 февраля

Возвращение ММ в Париж. Она и о. Дмитрий Клепинин арестованы гестапо и заключены в пересыльную тюрьму — форт Роменвиль.

9 февраля — 26 апреля

ММ и ее сын содержатся в заключении в Роменвиле. 25 апреля она вместе с другими верующими отпраздновала Пасху.

26 февраля

Ю. Скобцов, о. Дмитрий Клепинин и Ф. Пьянов переведены из Роменвиля в Компьень.

26 апреля

ММ в числе других узниц переведена из Роменвиля в Компьень. В этот день она последний раз из кузова машины видела Д. Е. Скобцова. В Компьене заключенные женщины провели одну ночь, и ММ удалось случайно встретиться с сыном; «она была в замечательном состоянии духа».

27 апреля

ММ отправлена из Компьеня в женский концлагерь Равенсбрюк транспортом № 19000.

29 апреля

ММ прибыла в Равенсбрюк и два месяца провела в карантине.

16 декабря

Ю. Скобцов и о. Дмитрий Клепинин вывезены из Компьеня в Бухенвальд. 25 января 1944 г. переведены в Дору (40 км от основного лагеря).

1944

28 января

С. Б. Пиленко получила декабрьскую (1943 г.) открытку от дочери из Равенсбрюка, в которой ММ писала: «Я сильна и крепка», и приписала: «Я стала совсем старухой».

6 февраля

В концлагере Дора («филиал» Бухенвальда) погиб сын ММ Ю. Скобцов. 9 февраля там же скончался о. Дмитрий Клепинин.

16 апреля

Праздник православной Пасхи, в ознаменование которого ММ украсила окна своего барака художественными вырезками из бумаги (все виды праздников, в том числе религиозных, в лагере были запрещены).

6 июня

Высадка англо-американских войск в Нормандии, открытие второго фронта против Германии. ММ работает над вышивкой на лагерьной косынке, посвященной этому событию.

19—25 августа

Антифашистское восстание в Париже, освобождение города от немецких оккупантов. 30 августа де Голль объявил о создании в Париже Временного прави-

тельства. В сентябре союзные войска освободили практически всю территорию Франции.

1945

10 января

ММ, ослабевшую и больную, переводят в Югендлагерь (1 км от Равенсбрюка, его «филиал»).

3 марта

Оставшиеся в живых заключенные, в том числе ММ, возвращены в Равенсбрюк.

30 марта

Изнуренную ММ после «селекции» повторно отправляют в Югендлагерь.

31 марта

ММ — узница № 19263 — казнена в газовой камере Равенсбрюка.

февраль 1985

За спасение многих евреев в годы Второй мировой войны, в Израиле, ММ присвоено звание «Праведник Мира».

7 мая 1985

Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу, проявленные в антифашистской борьбе во Франции в годы Второй мировой войны, Е. К-К награждена орденом Отечественной войны II степени.

14 августа 1987

Обществом памяти жертв геноцида (холокоста) «Яд Вашем», в Иерусалиме, Е. К-К (ММ) выписан аттестат о присвоении ей звания «Праведник Мира». На аттестате цитата из Библии: «Я дам им место и имя вечное, которое не истребится» (Ис 56:5). В Аллее Праведников было высажено мемориальное дерево ММ.

16 августа 1997

Объединенный совет епископов православной и католической Церквей в США (г. Омаха, шт. Небраска) беатифицировал ММ, причислив ее к лику *блаженных*.

1965

Во Франции, в г. Иври-сюр-Сен, открыт музей национального движения Сопротивления. В мае 1985 г. музей переехал в г. Шампиньи-сюр-Марн. В нем имеется небольшой отдел, посвященный ММ. Туда был передан на хранение ее советский орден.

26 сентября 1988

В школе с. Юровка Анапского р-на Краснодарского края открыт мемориальный музей ММ. В 1995 г. он получил статус народного.

21 декабря 1991

В честь 100-летия ММ в Анапе установлен (освящен) ее мемориальный знак — гранитная глыба с крестом.

14 октября 1999

В Анапском археологическом музее открыт мемориальный зал (постоянная экспозиция) «Возвращение на родину», посвященный ММ и семье Пиленко.

9 февраля 2003

На месте бывшего общежития ММ (Париж, ул. Лурмель, 77) установлена мемориальная доска.

Составил А. Н. Шустов

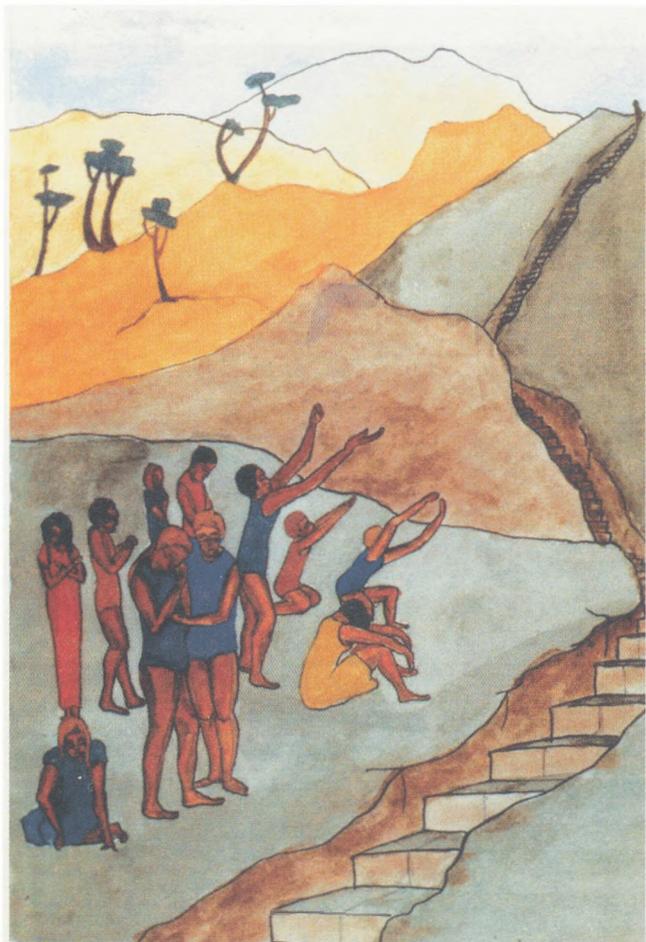
Р. С. Все уточнения и дополнения «Летописи» составителем будут приняты с благодарностью.

КРАСОТА СПАСАЮЩАЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

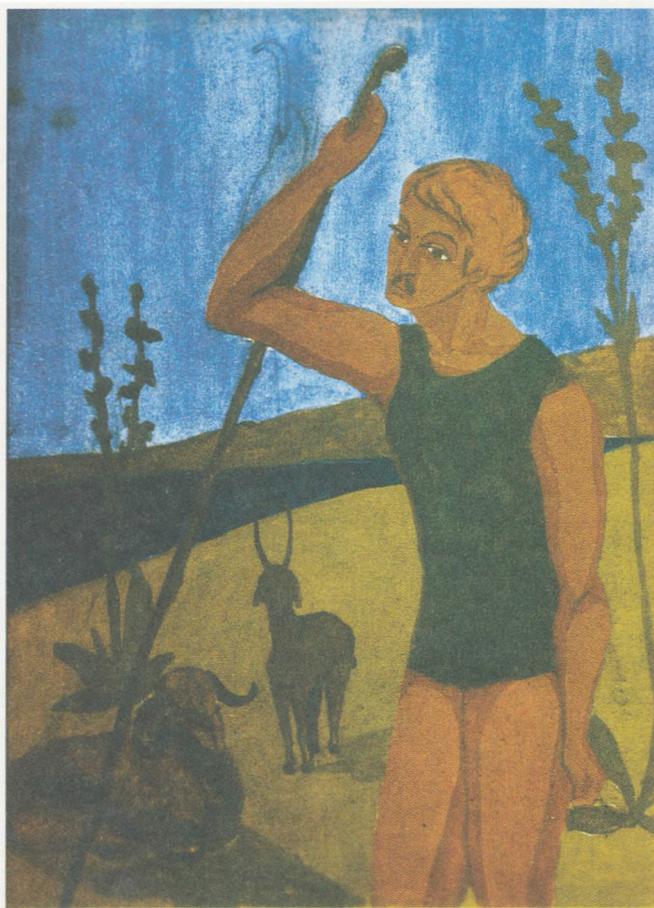
Составители столкнулись с немалыми трудностями, собирая воедино работы матери Марии. Представленные иллюстрации — это отнюдь не полное собрание ее произведений, разбросанных временем по всему миру, а лишь небольшая часть, которую удалось обнаружить на сегодняшний день. Работы сгруппированы, насколько это возможно, по тематике, технике исполнения (живопись, вышивка, графика) и времени создания. Наиболее условной оказалась хронология, поскольку мать Мария никогда не датировала свои работы, совершенно не заботясь об истории, — она просто жила своей подвижнической жизнью.

1. ГОРНИЙ ПУТЬ

Акварель. 1917

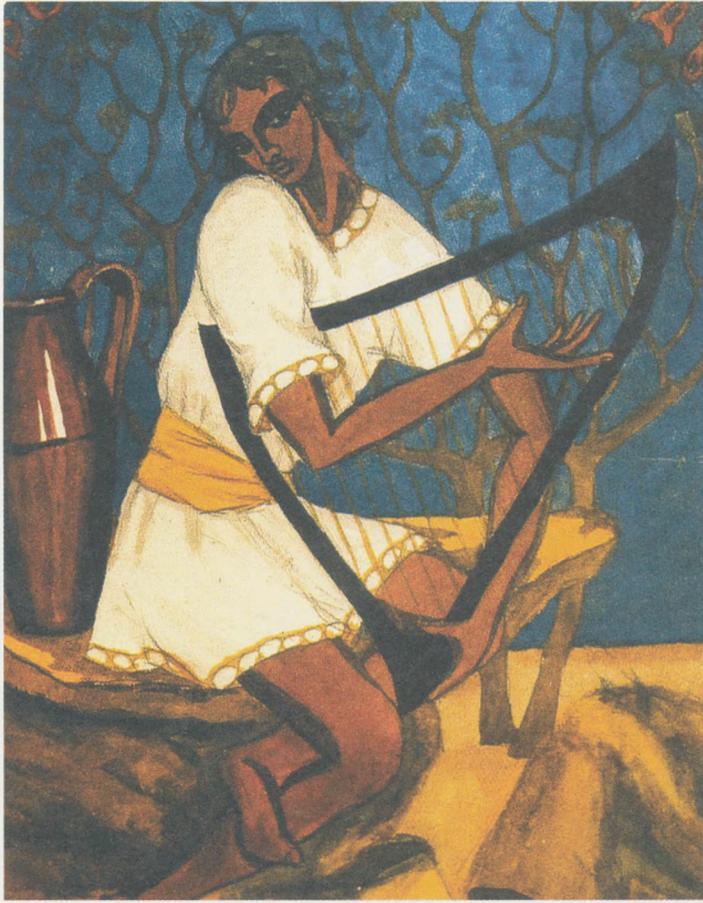
Идея восхождения на высоты как необходимого для христианина подвига постоянно присутствовала в размышлениях м. Марии. В начале своего пути она писала: «Неизбежность заставила меня подняться на высоты», а в 1937 г. она подытожила: «Иисус стоит и ждет, но людям дана свобода следовать за Ним или оставаться у подножия горы».

2. ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ

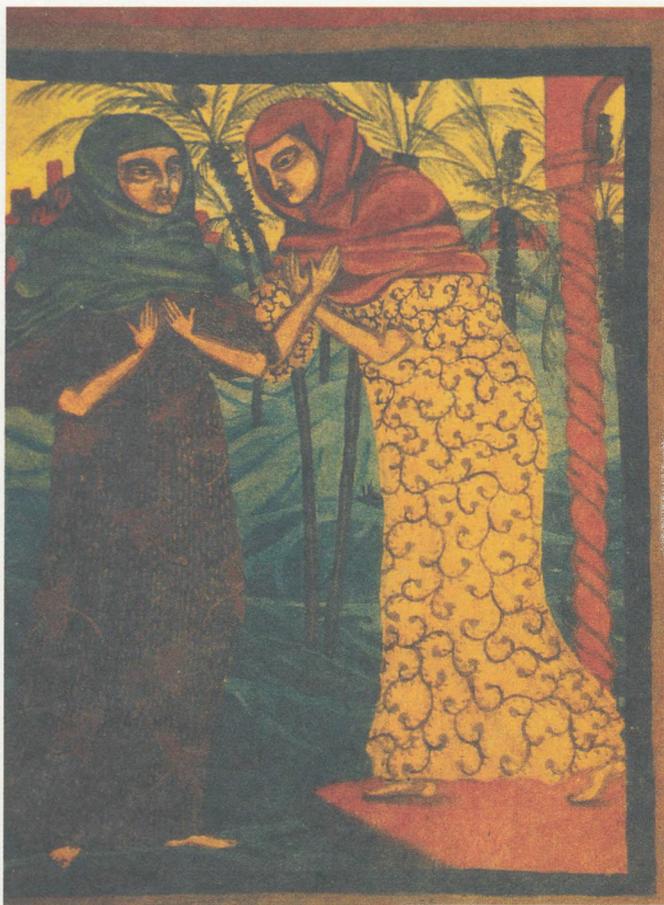
Акварель. 1913—1917

О том, что перед нами евангельский образ Доброго пастыря, говорит и композиция этой картины, и ее традиционные детали: пастушеский посох в руках юноши, овцы, жмущиеся к нему, условный пейзаж.

3. ЦАРЬ, ПРОРОК И ПСАЛМОПЕВЕЦ ДАВИД
Акварель. 1913—1917

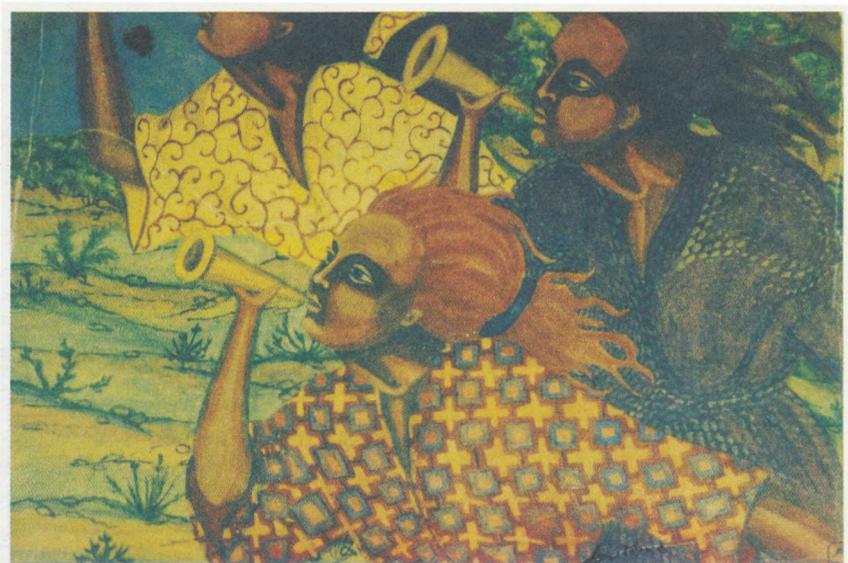
Одно из первых обращений к образу ветхозаветного Давида, на протяжении всей творческой жизни занимавшего мысли художницы и поэтессы.

4. ВСТРЕЧА МАРИИ И ЕЛИЗАВЕТЫ

Акварель. 1911—1917

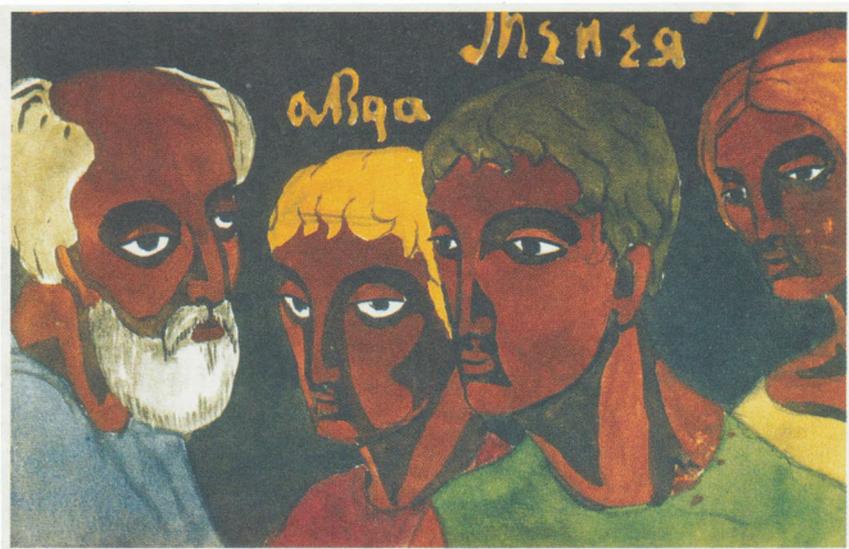
В ранней работе обозначилась идея материнства, ставшая позднее основой мирознания м. Марии. Здесь эта идея выражена опосредованно, через евангельский эпизод: «Встав же Мария во дни сии, с поспешностью вошла в нагорную страну, в город Иудин, и вошла в дом Захарии, и приветствовала Елисавету. Когда Елизавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ее, и Елизавета исполнилась Святого Духа и воскликнула громким голосом, и сказала: „Благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего!“» (Лк 1:39—43).

5. АНГЕЛЫ ТРУБЯЩИЕ

Акварель. 1913—1917

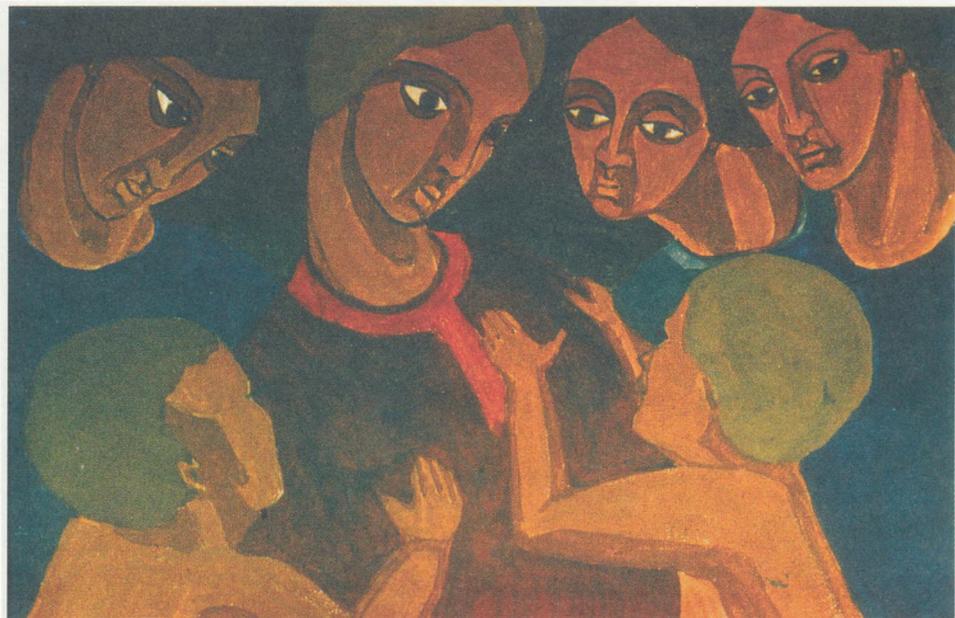
Этот сюжет навеян Откровением св. Иоанна Богослова, где сказано об Ангелах, возвещающих начало Последнего суда.

6. ПРОРОКИ

Акварель. 1913—1917

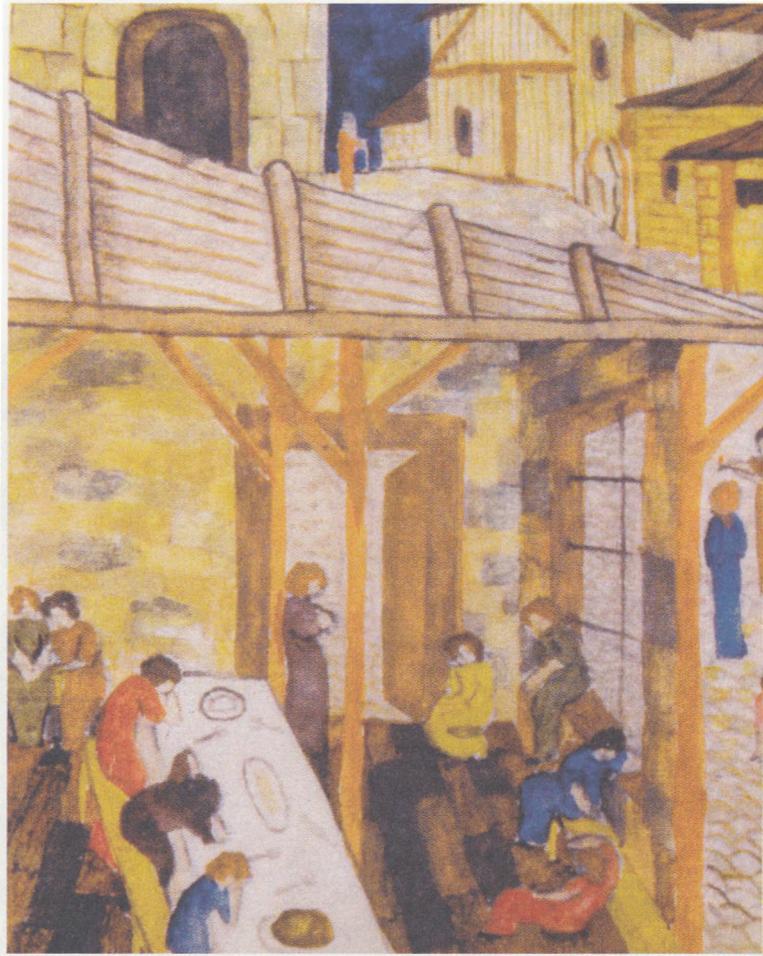
Акварель с изображенной на ней портретной группой мужчин получила условное название «Пророки», но имена, написанные автором над каждым персонажем, не являются именами библейских пророков и остаются неразгаданными.

7. МАТЕРИНСТВО

Акварель. 1913—1917

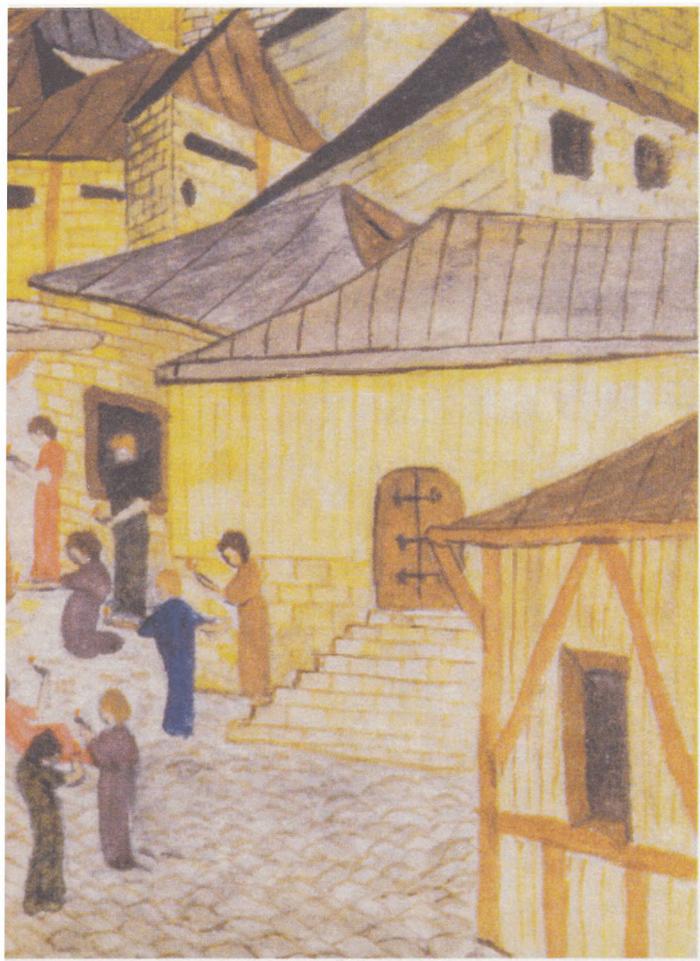
М. Мария отделяла «похотливую материнскую любовь», когда мать думает, «что достоинства ее ребенка несравнимы с достоинствами других детей, что его болезни гораздо мучительнее, чем у других, и, наконец, что можно пожертвовать сытостью и благополучием чужого ребенка, чтобы добиться сытости и благополучия своего собственного», от истинной (христианской) любви, когда мать «видит в своем ребенке подлинный образ Божий, присущий не только ему, а всем людям, но отданный... на ее ответственность».

8. ПРИТЧА О ДЕСЯТИ ДЕВАХ

Акварель. 1910—1920

К евангельской притче о девах неразумных, не готовых к встрече Жениха, и о девах мудрых, заправивших светильники маслом и встретивших Жениха, м. Мария возвращалась на протяжении всей жизни. Идея готовности к встрече с Господом была ее внутренним опытом, опытом возжигания в себе духовного света.

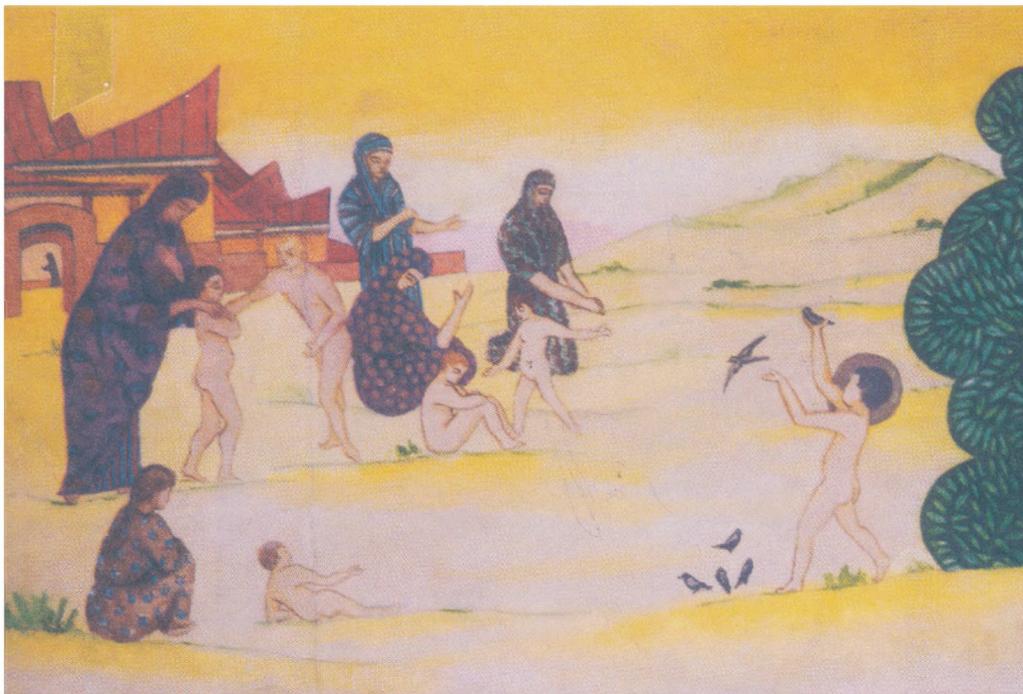

9. В САДУ ЭДЕМСКОМ

Акварель. 1911—1917

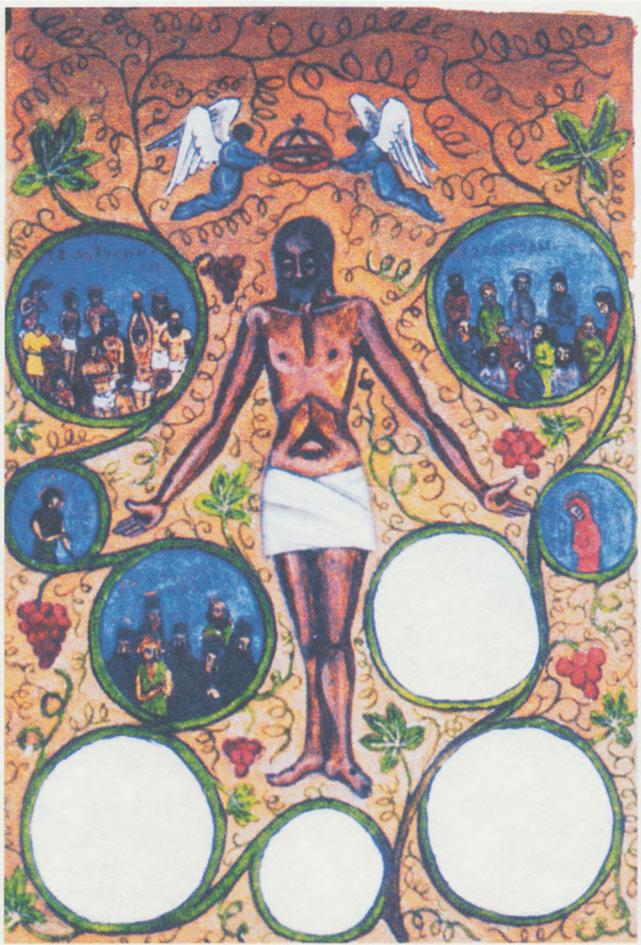
В апокалипсическом образе Крылатой Жены на первый план выступает у художницы «вечная» для нее тема материнства. «Когда же дракон увидел, что низвержен на землю, начал преследовать жену, которая родила младенца мужского пола. И даны были жене два крыла большого орла, чтоб она летела в пустыню в свое место от лица змия... <...> И рассвирепел дракон на жену и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» (Отк 12:13—14, 17).

10. ЕВАНГЕЛИЕ ДЕТСТВА

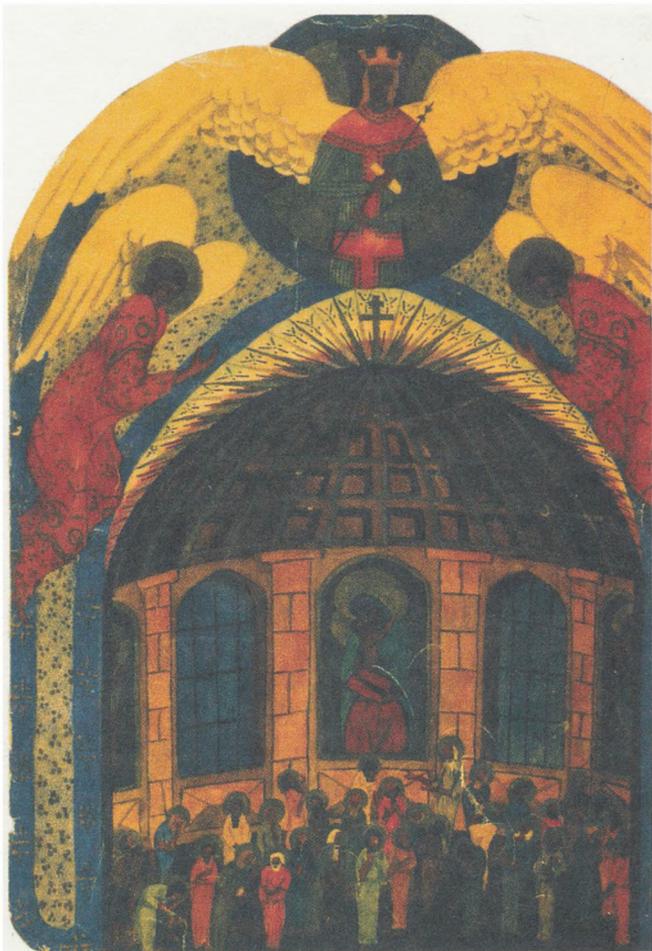
Акварель. 1910—1917

Среди апокрифов (т. е. не входящих в канонический текст Нового Завета рассказов и легенд о жизни Иисуса Христа и Божией Матери) м. Мария избирает сюжет о младенце Иисусе, вылепившем из глины птицу и оживившем ее. Чудо одухотворения косной материи сложно и многопланово соотносится с изначальной одухотворенностью материнства, воплощенного в женских фигурах.

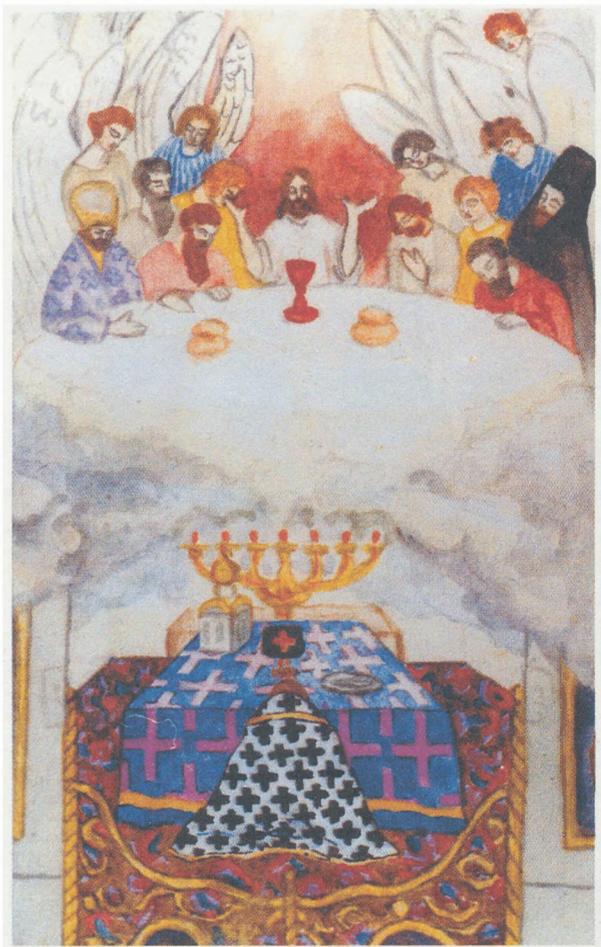

11. «Я ЕСМЬ ЛОЗА ИСТИННАЯ» (ЦЕРКОВЬ ХРИСТОВА)
Акваель. 1911—1917

В Ветхом Завете лоза — символ плодоносящего начала, кровных уз и прообраз Церкви, рождающей много чад. В Новом Завете символ лозы приобретает особое значение в связи с Евхаристией, совершаемой на вине — «крови» виноградной лозы. «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — Виноградарь. <...> Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне» (Ин 15:1, 4).

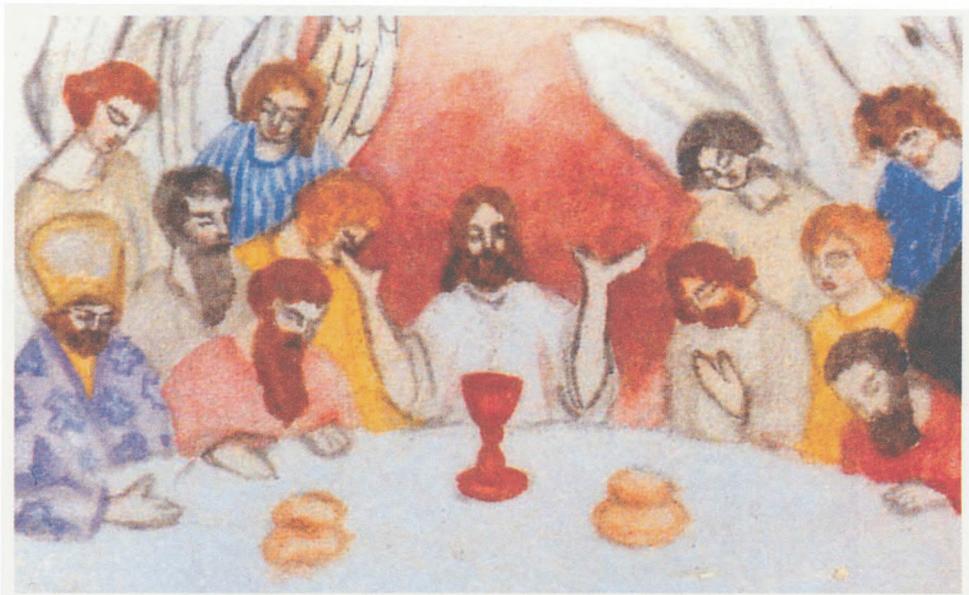

12. ПРЕМУДРОСТЬ ПОСТРОИЛА СЕБЕ ХРАМ
Акварель. 1911—1917

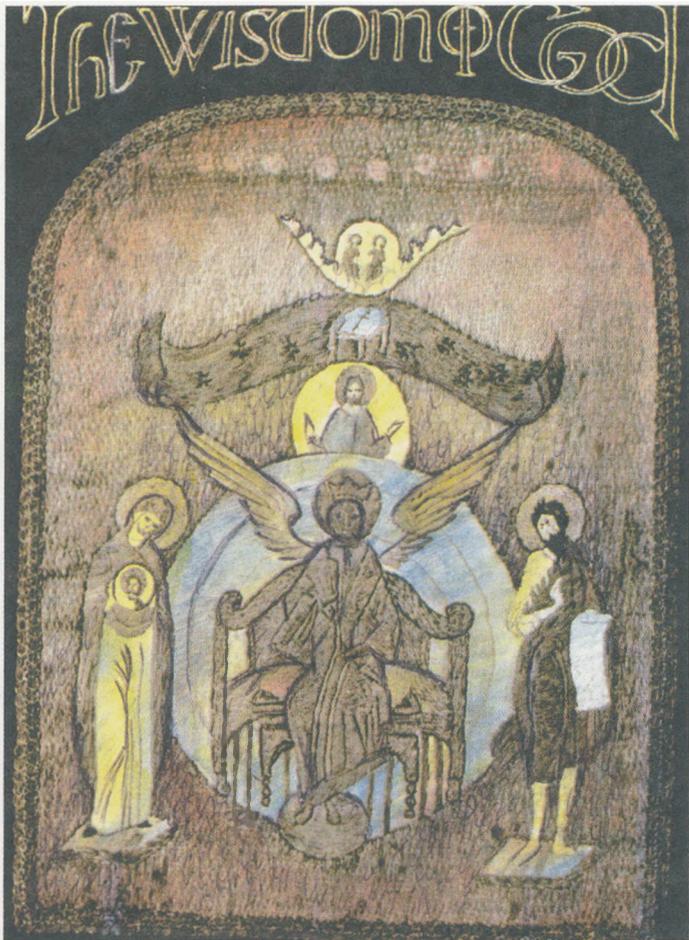

13. ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ И ЗЕМНАЯ. ЕВХАРИСТИЯ *Акварель. 1917*

В 1937 г. художница писала: «Евхаристия есть таинство самоотдающейся любви — в этом ее смысл, все ее символы, вся ее сила. Христос вновь и вновь отдает Себя — Тело и Кровь Свою на спасение мира».

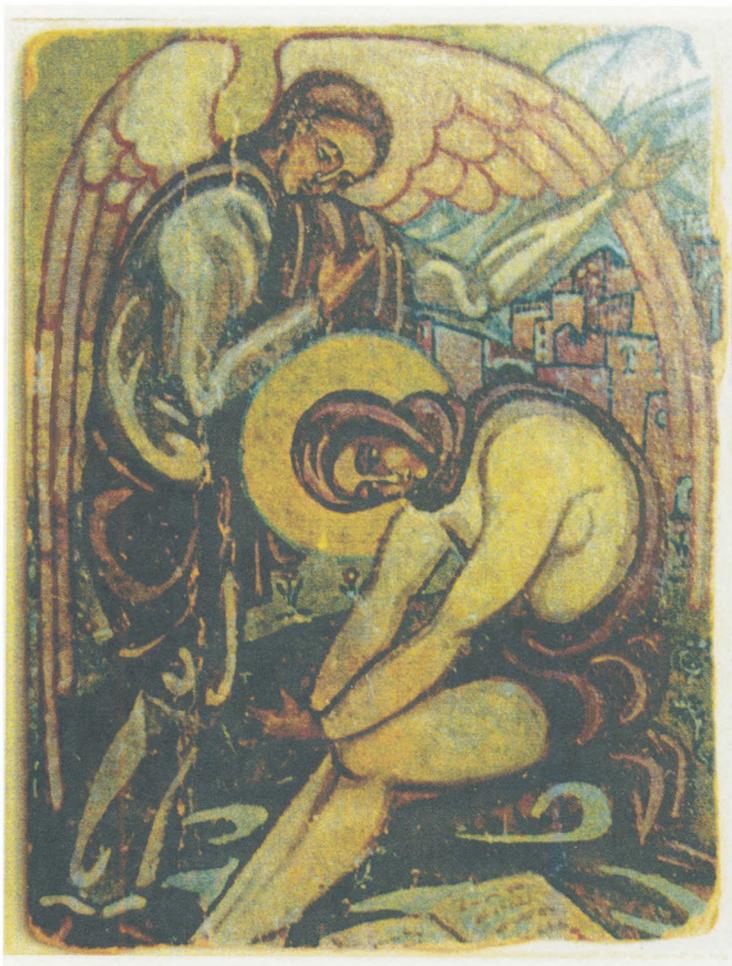
14. ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ И ЗЕМНАЯ. ЕВХАРИСТИЯ
Фрагмент

15. СОФИЯ — ПРЕМУДРОСТЬ БОЖИЯ

Вышивка. 1932—1940

Эта икона-вышивка находится в одном из православных монастырей Англии, где почитается как святыня.

16. ИКОНА ПРЕПОДОБНОЙ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ
Темпера. 1932

Эта икона была написана Е. Ю. Скобцовой в период, когда она готовилась к монашескому постригу. Имя, которым нарекли ее в честь прп. Марии Египетской, было выбрано митрополитом Евлогием не случайно.

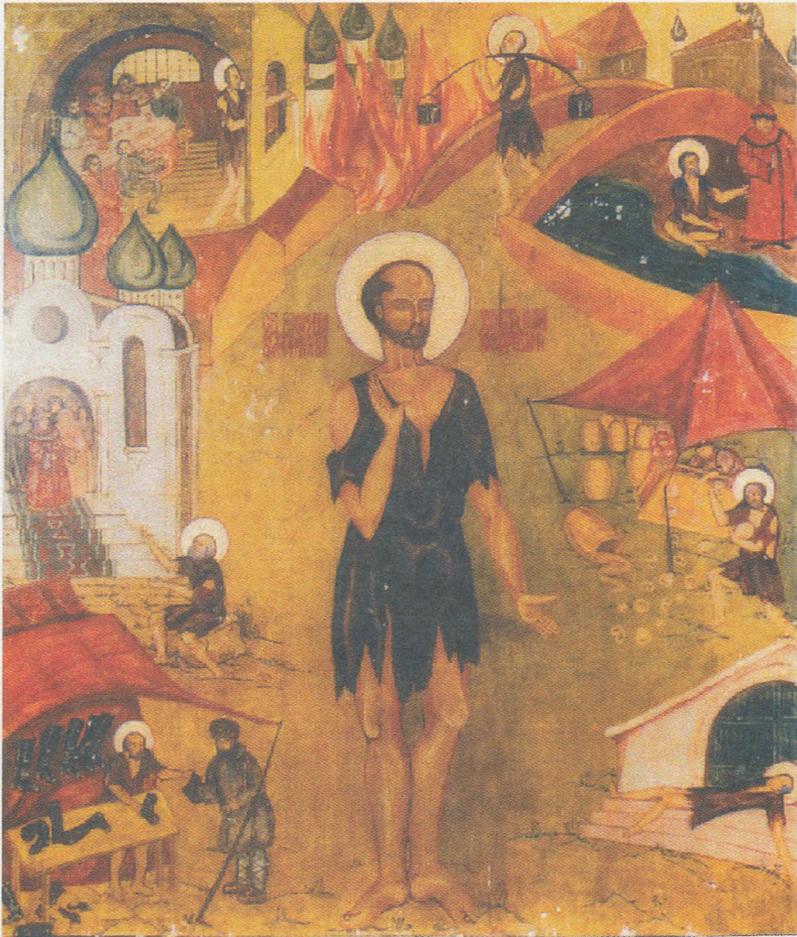
17. АНГЕЛ С КАДИЛОМ

Вышивка, инкрустация. 1932—1940

Находится в храме преподобного Серафима Саровского и Покрова Пресвятой Богородицы в Париже. По мысли настоятеля этого храма Николая Чернокрака, это ангел из Откровения св. Иоанна Богослова. Текст, обрамляющий изображение ангела, был добавлен в 1999 г.: «И ангел приде и ста пред олтарем. Имеай кадильницу злату. И даны быша ему фимиами мнози.»

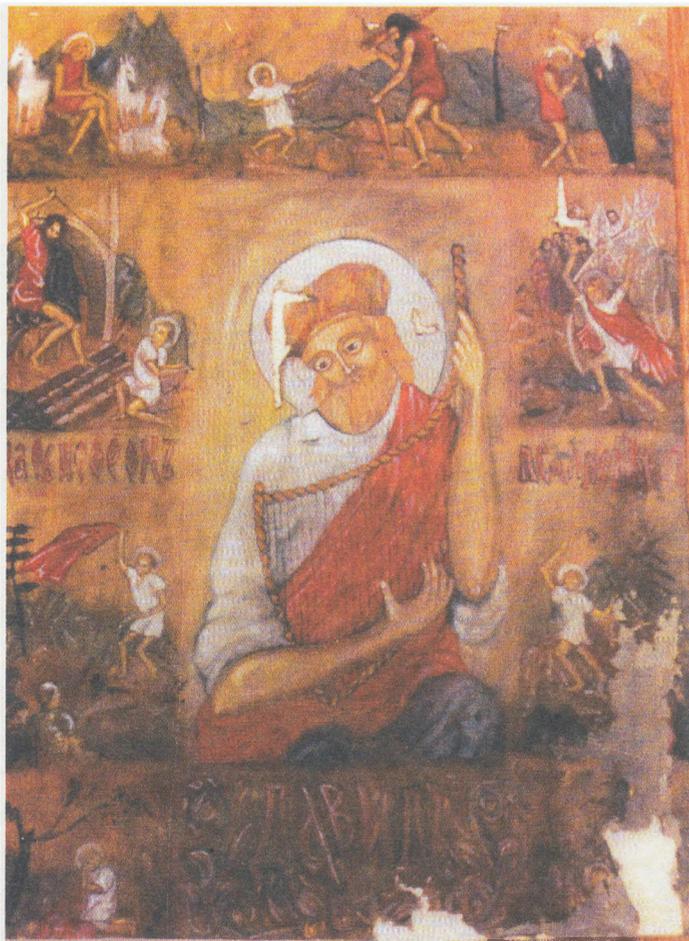

18. АНГЕЛ С КАДИЛОМ
Фрагмент

19. СВЯТОЙ ВАСИЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ,
ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВЫЙ
Темпера. 1930—1934

Из воспоминаний С. Б. Пиленко: «Под иконой храмового Праздника Покрова Пресвятой Богородицы находился большой образ Василия Блаженного работы м. Марии. <...> Так как мощи св. Василия покоились в лучшем из соборов во имя Покрова Св. Богородицы (а именно в Покровском соборе Василия Блаженного на Красной площади, построенном Иоанном Грозным еще при жизни св. Василия Блаженного), то мать Мария и захотела, чтобы у нас в храме был как бы второй Престольный праздник св. Василия Блаженного».

20. ЦАРЬ, ПРОРОК И ПСАЛМОПЕВЕЦ ДАВИД
Дерево, темпера. 1932—1940

21. ЖИЗНЬ ЦАРЯ ДАВИДА

Вышивка (гобелен). 1932—1940

Под впечатлением знаменитых вышивок королевы Матильды, увиденных ею в альбоме, м. Мария «решила вышить жизнь царя Давида, чьи вдохновенные псалмы и пламенная любовь к Богу ее всегда пленяли. Стиль был выдержан, и по отзывам знатоков эта великолепная вышивка — художественное произведение». (Из воспоминаний С. Б. Пиленко).

22. ПОМАЗАНИЕ НА ЦАРСТВО
Фрагмент

23. ДАВИД И САУЛ
Фрагмент

24. ПОБЕДА ДАВИДА НАД ГОЛИАФОМ
Фрагмент

25. ХЛЕБА ПРЕДЛОЖЕНИЯ
Фрагмент

26. ЦАРЬ ДАВИД, ПРОРОК И ПСАЛМОПЕВЕЦ
Фрагмент

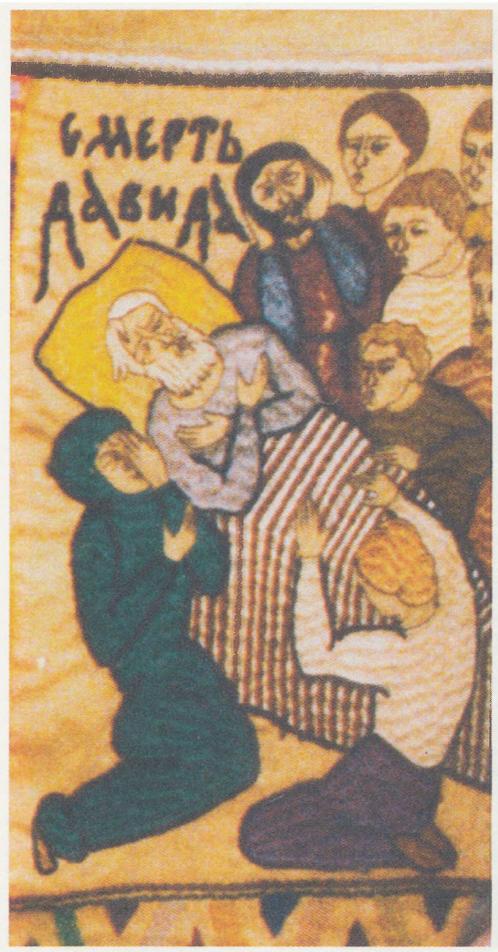
27. ΠΛΑΨΣ ΣΑΥΛΑ
Фрагмент

28. ДАВИД ПЛЯШЕТ ПЕРЕД КОВЧЕГОМ ЗАВЕТА
Фрагмент

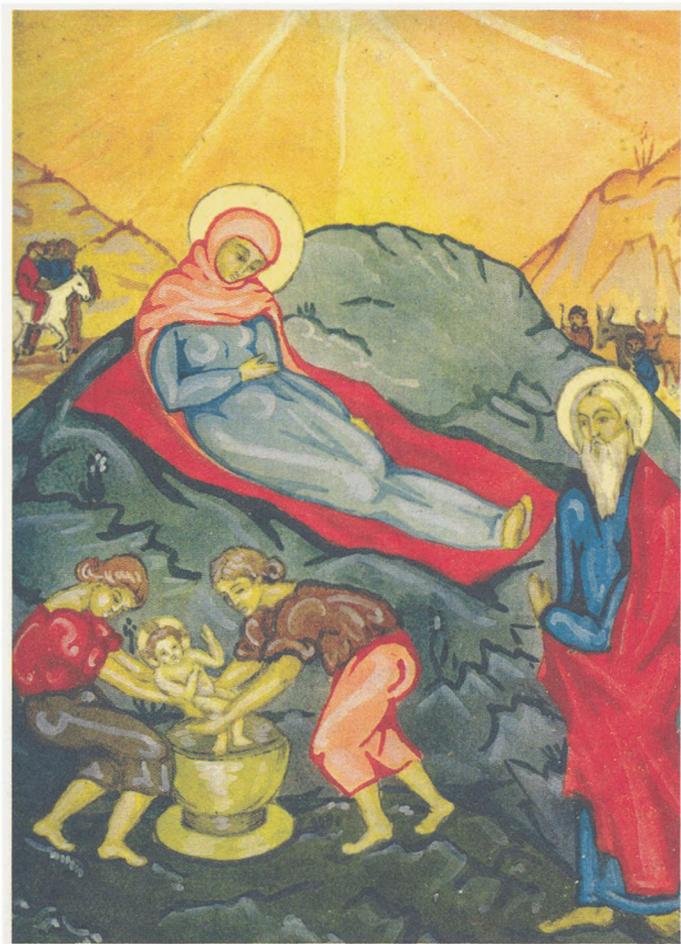
29. ДАВИД И ВИРСАВИЯ
Фрагмент

30. СМЕРТЬ ДАВИДА
Фрагмент

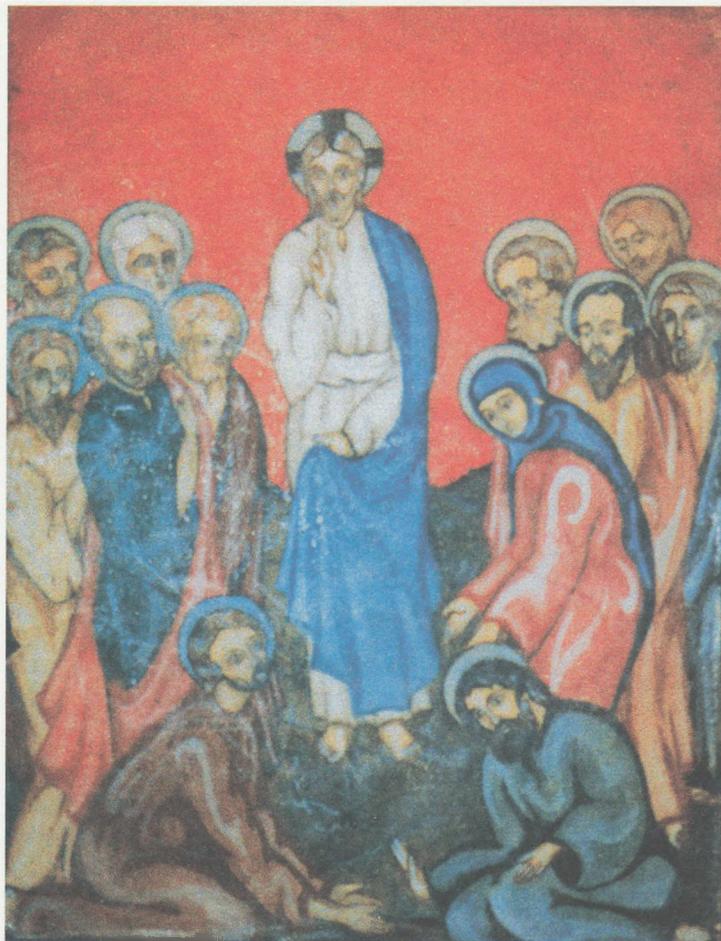
31. ПРЕСВЯТАЯ ТРОИЦА
Энкаустика. 1930—1942

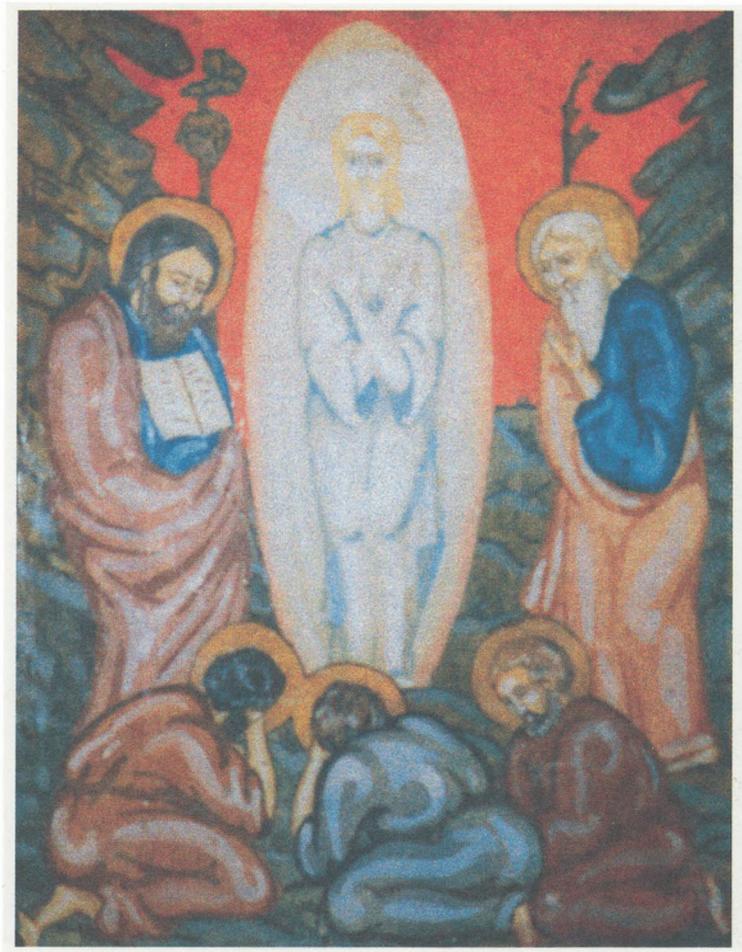
32. РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО
Энкаустика. 1930—1942

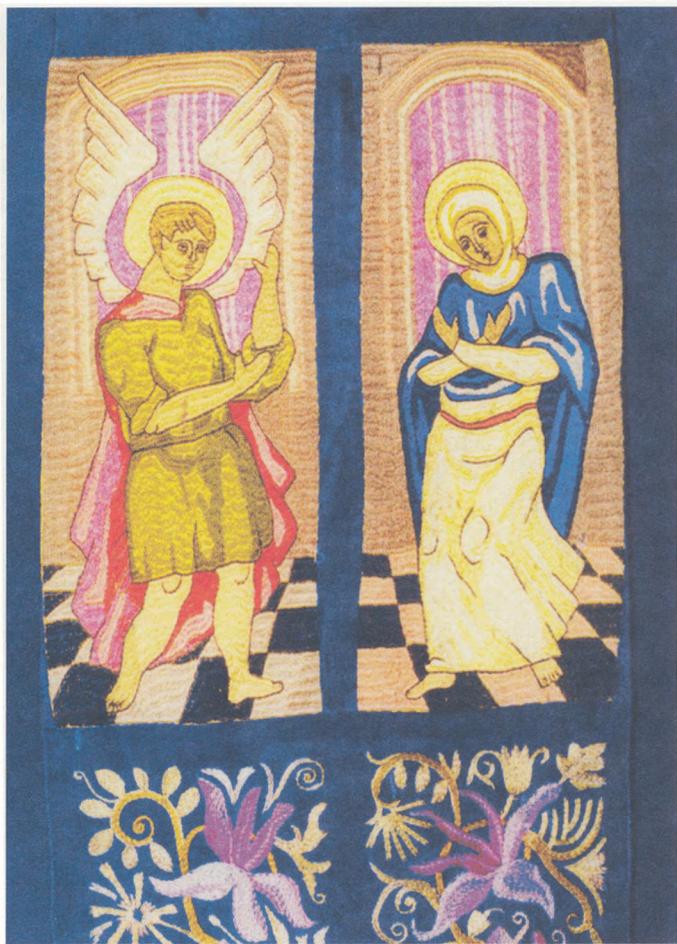
33. БОГОЯВЛЕНИЕ
Энкаустика. 1930—1942

34. НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ
Энкаустика. 1930—1942

35. ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ
Энкаустика. 1930—1942

36. БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Вышивка. Фрагмент облачения (Богородичного). 1932—1940

37. СРЕТЕНИЕ ГОСПОДА В ХРАМЕ

Вышивка. Фрагмент облачения (Богородичного). 1932—1940

38. УСПЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ

Вышивка. Фрагмент облачения (Богородичного). 1932—1940

39. ИКОНА БОЖЬЕЙ МАТЕРИ УМИЛЕНИЕ
*Вышивка, инкрустация, аппликация. (Лик написан сестрой
Юанной Рейтлингер). 1939—1940*

40. ОБРАЗ ГОСПОДЕН НА УБРУСЕ

Вышивка, инкрустация, аппликация. (Лик написан сестрой Иоанной Рейтлингер). 1939—1940

41. СВЯТОЙ ФИЛИППЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ
Вышивка с инкрустациями. 1940

Икона (лик которой был написан сестрой Иоанной Рейтлингер) была выполнена м. Марией для маленькой церкви, находящейся в пристройке храма Покрова Пресвятой Богородицы на ул. Лурмель. Церковь была открыта отцом Димитрием Клепининым. Свою последнюю литургию он отслужил перед этим образом 9 февраля 1943 г., перед тем как пойти на допрос в гестапо. Погиб отец Димитрий Клепинин 9 февраля 1944 г. в лагере Дора, вблизи Бухенвальда.

42. ИКОНА ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
Дерево, темпера. 1932—1938

43. ПЛАЩАНИЦА ГОСПОДНЯ
Вышивка шерстью по льняной основе. 1936

44. ПЛАЩАНИЦА УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
Вышивка. 1932—1940

45. ИКОНА ЗНАМЕНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
Вышивка (хоругвь). 1932—1940

46. СПАС НЕРУКОТВОРНЫЙ
Вышивка (хоругвь), 1932—1940

47. ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ
Вышивка, гобелен. 1940—1941

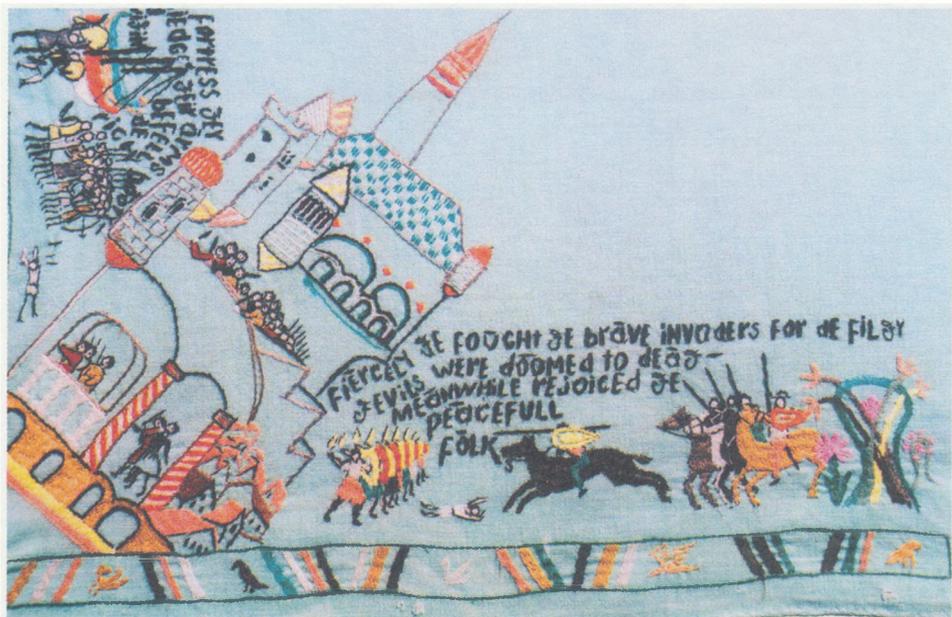

48. ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ
Фрагмент

49. ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ УМИЛЕНИЕ

Вышивка, инкрустация, аппликация (лик написан сестрой Иоанной Рейтлингер). 1935—1940

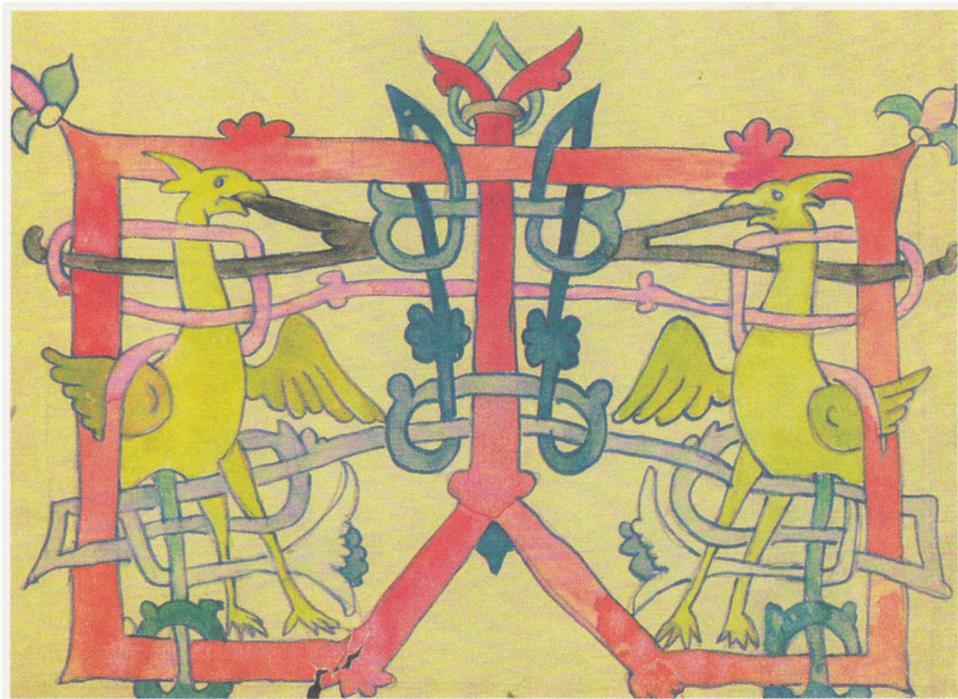

50. ПОБЕДА НАД ЗЛОМ (К ВЫСАДКЕ
АНГЛИЙСКОГО ДЕСАНТА В НОРМАНДИИ)
Вышивка на полотне (лагерной косынке). 1944

Эта вышивка сделана в Югендлагере. Розанна Ласкру вспоминала: «Материя — это моя лагерная косынка, краски доставала приятельница полька... Нитки мы добывали из обмоток электрических проводов... Игла была похищена в немецкой портняжной мастерской... Солагерницы пронесли все это с опасностью для жизни, чтобы была создана вышивка — этот шедевр».

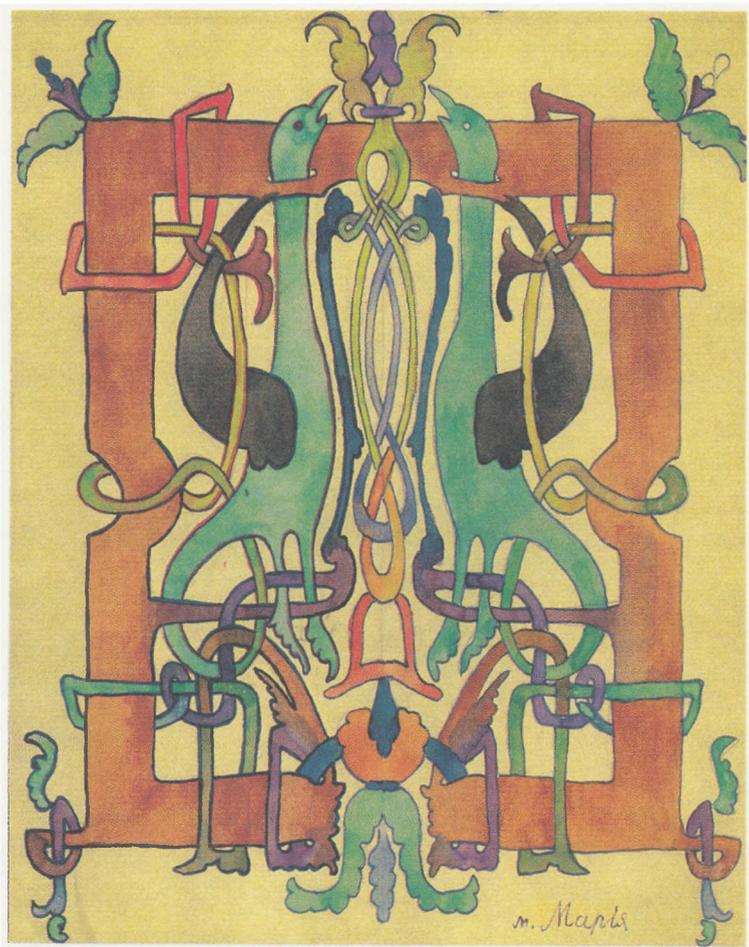
51. ОРНАМЕНТ
Рисунок

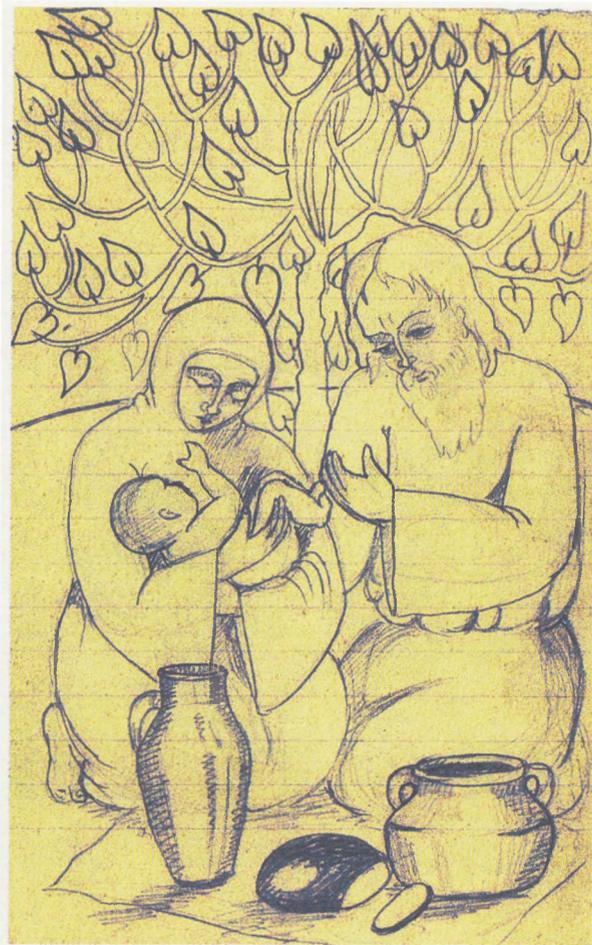
52. ОРНАМЕНТ
Рисунок

53. ОРНАМЕНТ
Рисунок

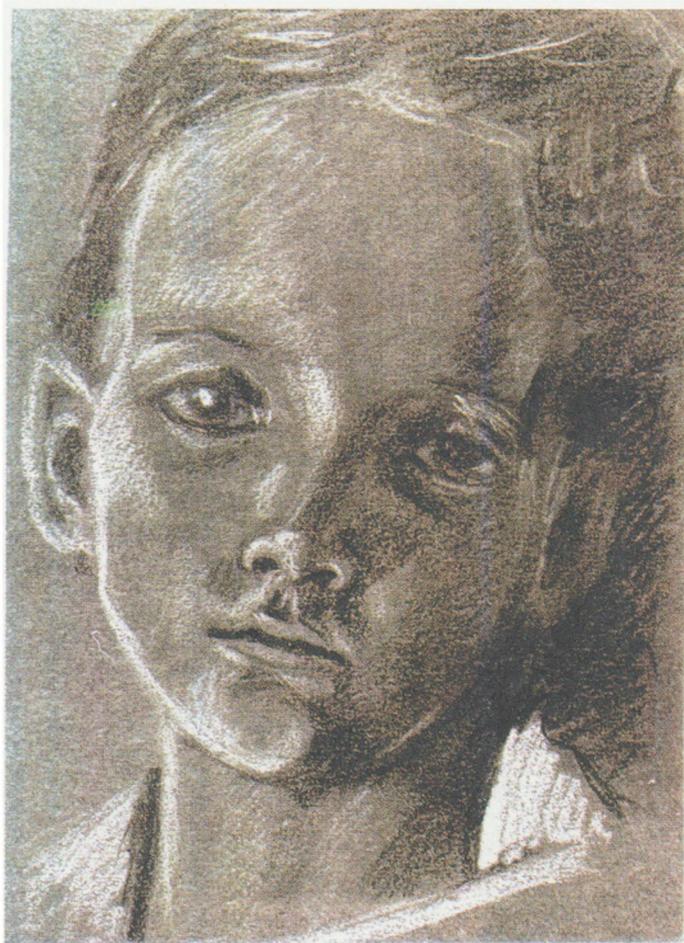
54. ОРНАМЕНТ
Рисунок

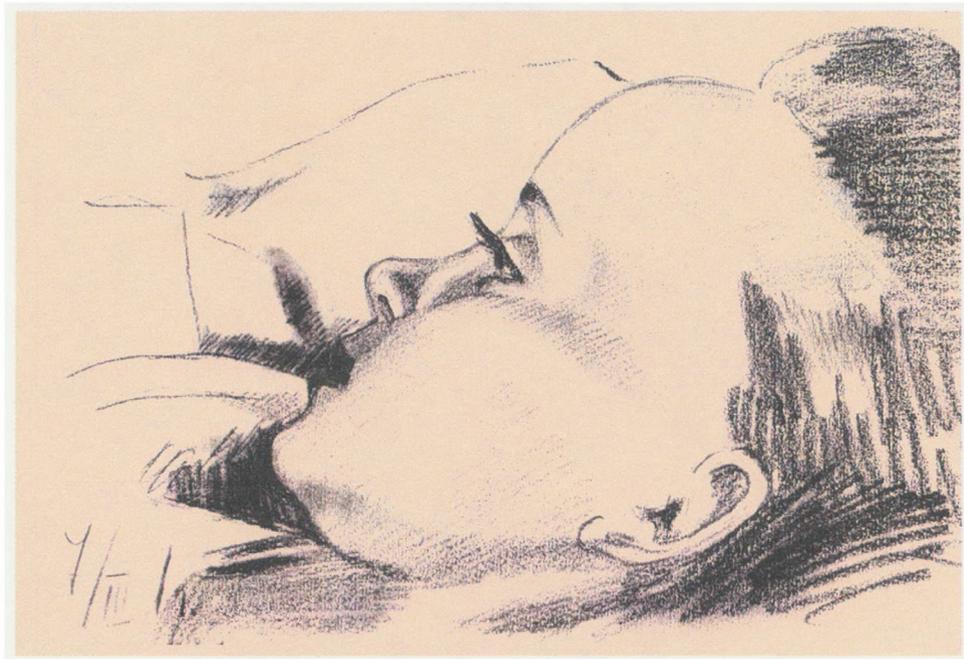
55. СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО
Бумага, карандаш

56. БОГОРОДИЦА С МЛАДЕНЦЕМ
Бумага, карандаш. 1932—1940

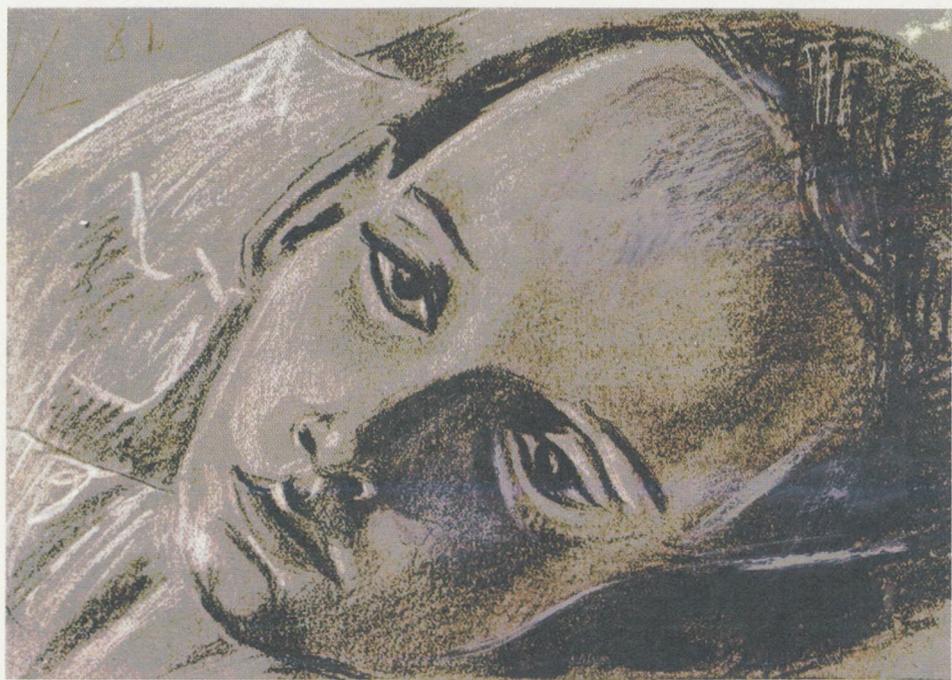
57. УМИРАЮЩАЯ НАСТЕНЬКА
Бумага, карандаш. 1926

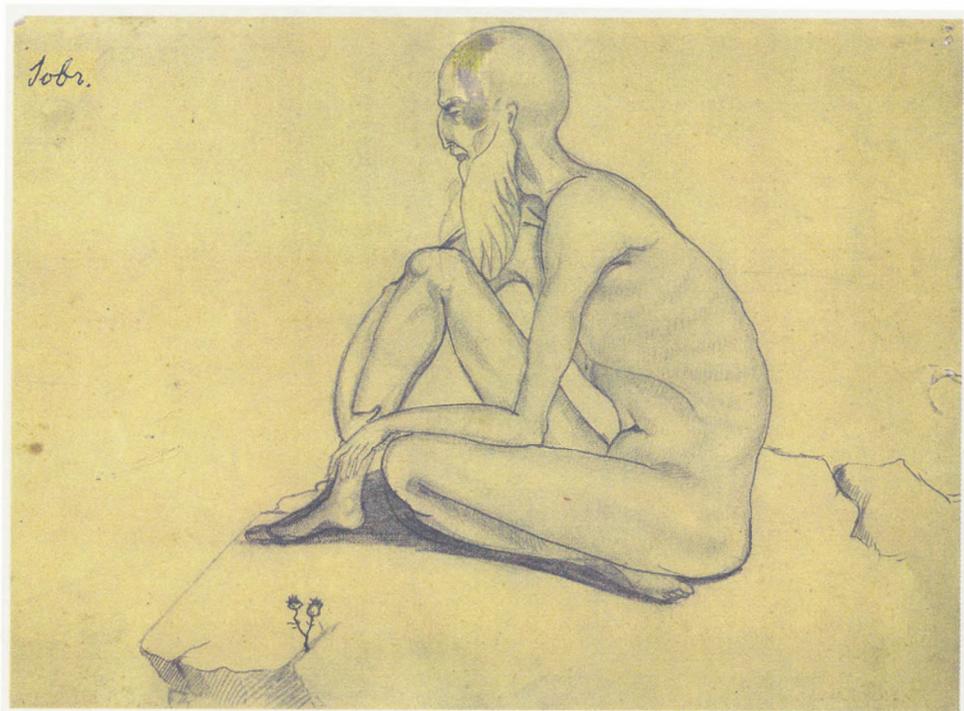
58. УМИРАЮЩАЯ НАСТЕНЬКА
Бумага, карандаш. 1926

59. УМИРАЮЩАЯ НАСТЕНЬКА
Бумага, карандаш. 1926

60. УМИРАЮЩАЯ НАСТЕНЬКА
Бумага, карандаш. 1926

61. ИОВ
Бумага, карандаш

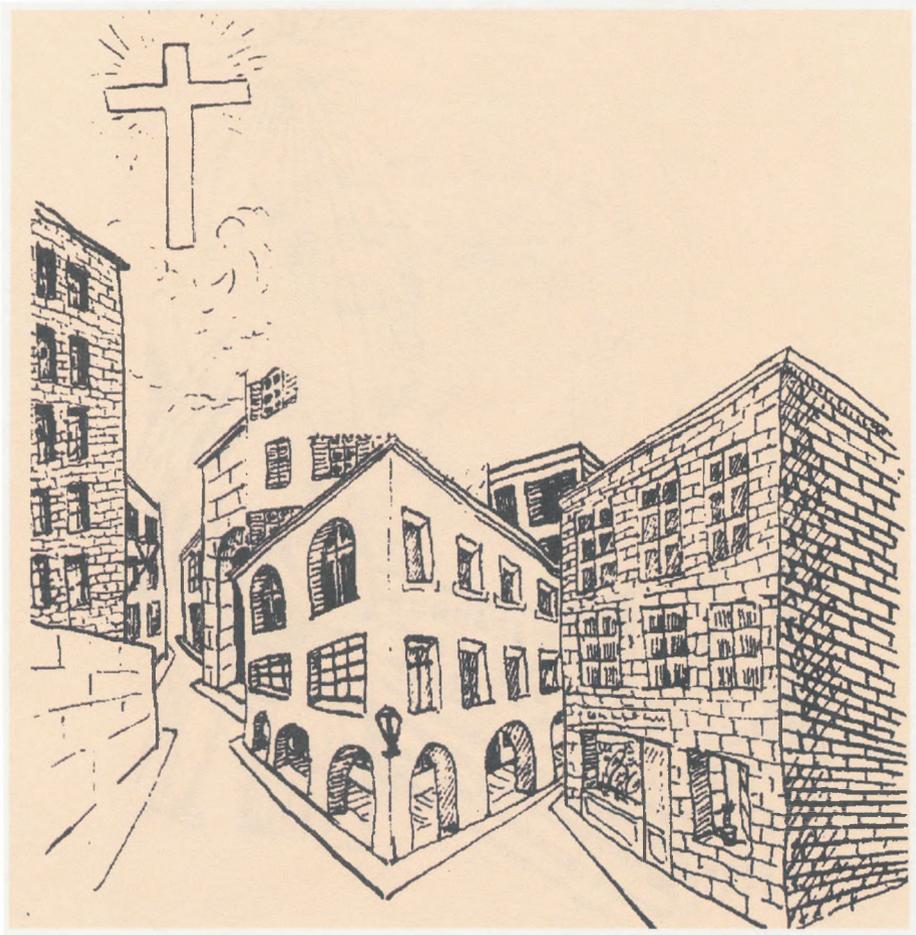
62. БОГОРОДИЦА (ЭСКИЗ К ИКОНЕ
БОГОРОДИЦА АФОНСКАЯ)
Бумага, карандаш

63. КАТОЛИЧЕСКАЯ МОНАХИНЯ
Бумага, карандаш

64. РИСУНОК В КНИГЕ «СТИХИ»
Бумага, тушь. 1937

65. РИСУНОК В КНИГЕ «СТИХИ»
Бумага, тушь. 1937

66. РИСУНОК В КНИГЕ «СТИХИ»
Бумага, тушь. 1937

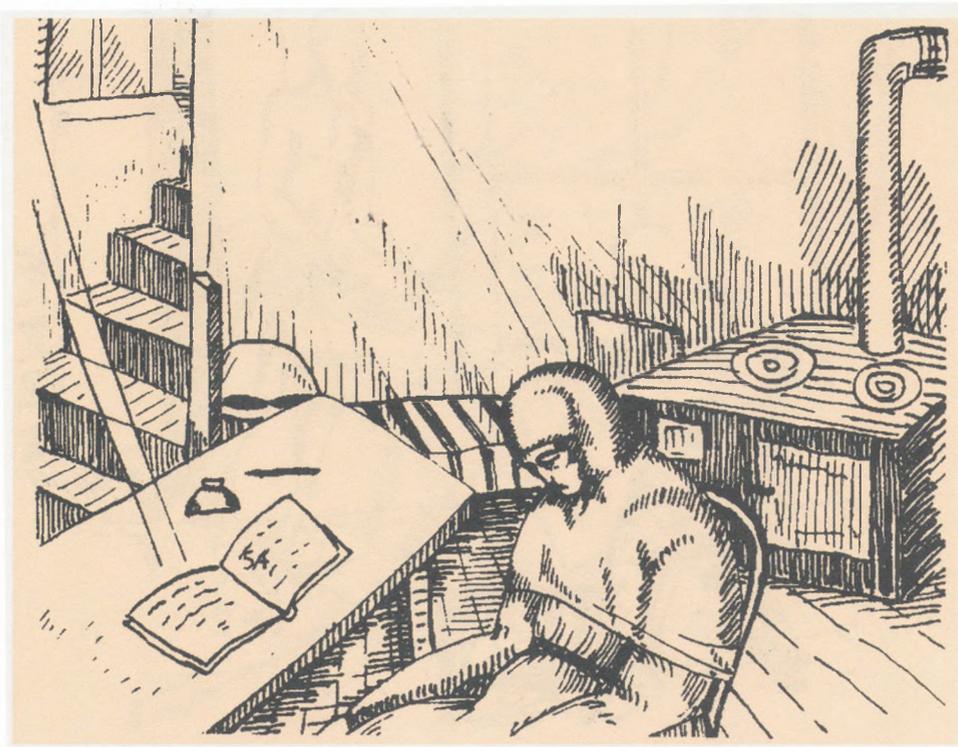
67. РИСУНОК В КНИГЕ «СТИХИ»
Бумага, тушь. 1937

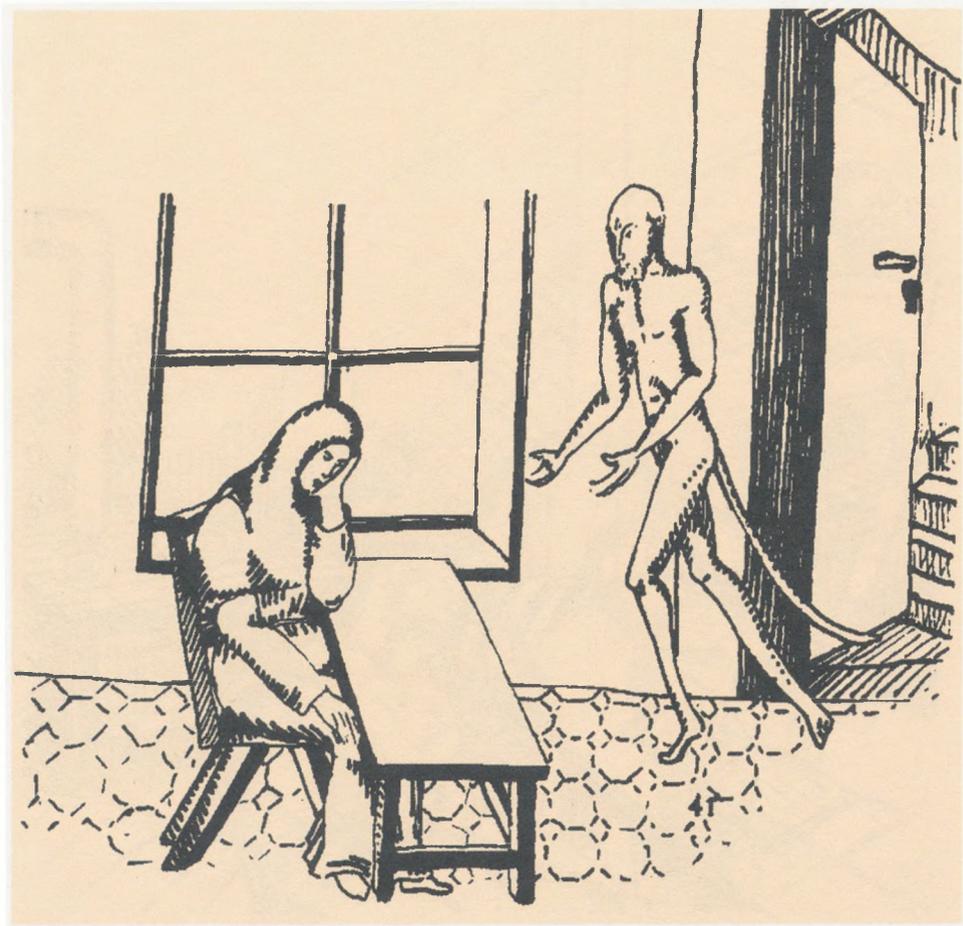
68. РИСУНОК В КНИГЕ «СТИХИ»
Бумага, тушь. 1937

69. РИСУНОК В КНИГЕ «СТИХИ»
Бумага, тушь. 1937

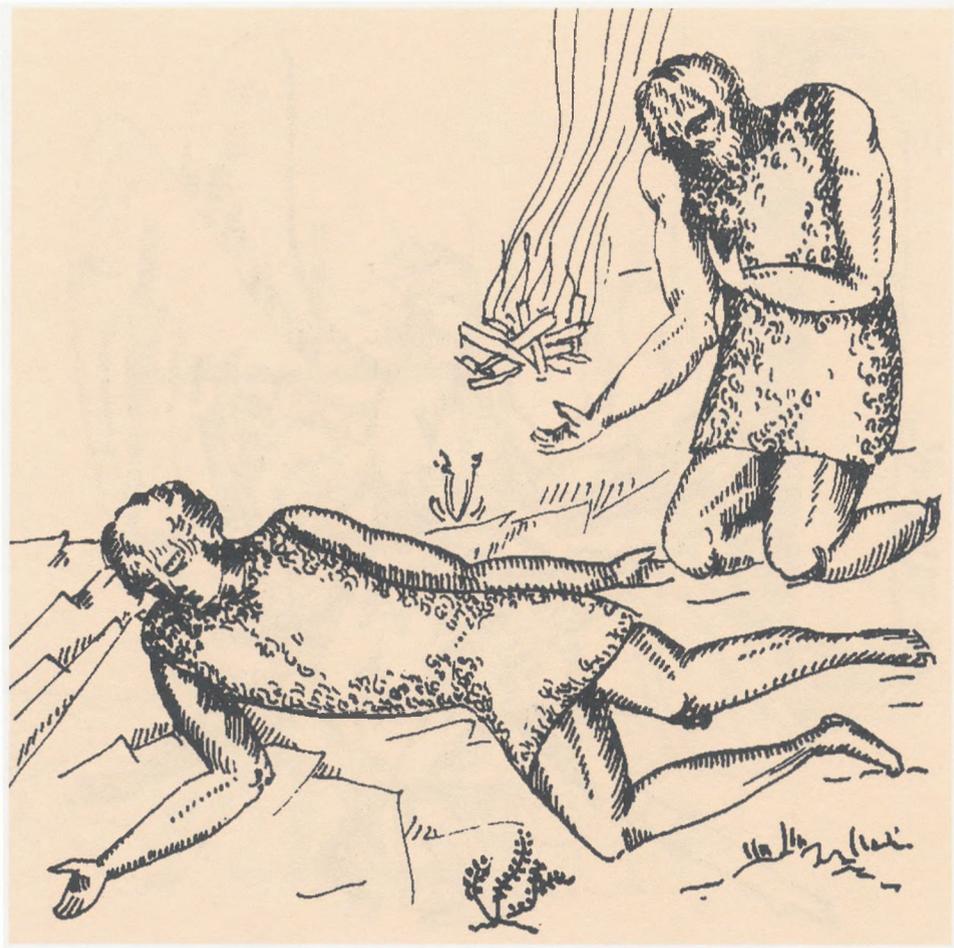
70. РИСУНОК В КНИГЕ «СТИХИ»
Бумага, тушь. 1937

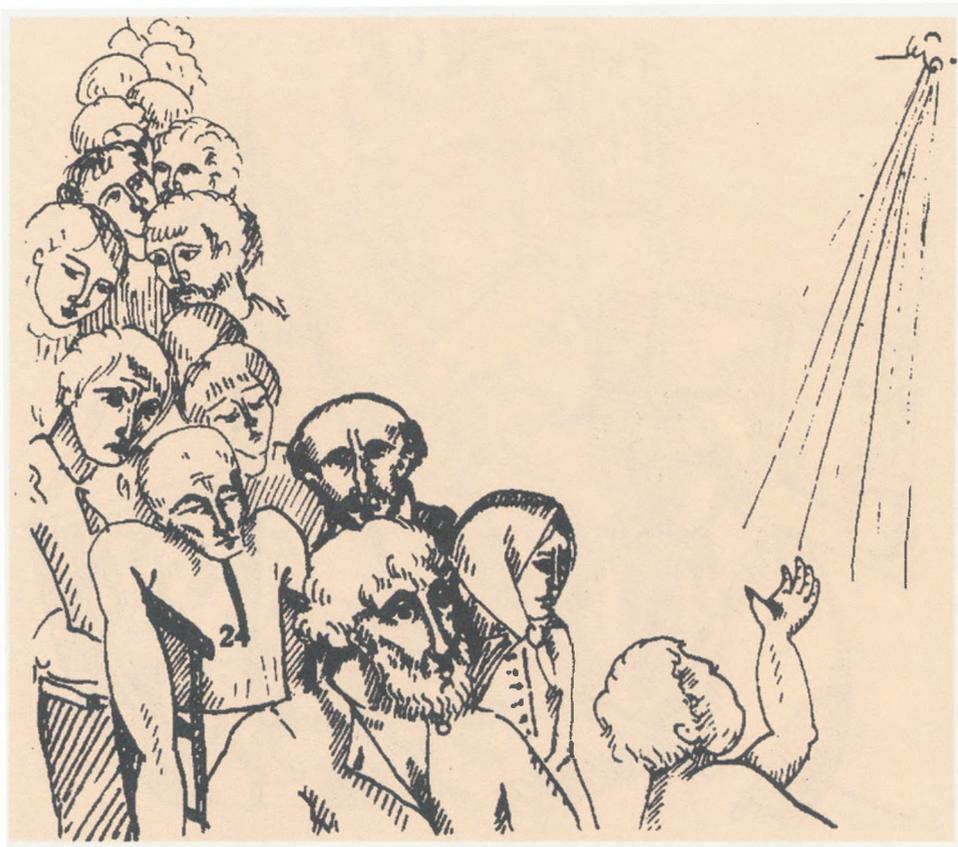
71. РИСУНОК В КНИГЕ «СТИХИ»
Бумага, тушь. 1937

72. РИСУНОК В КНИГЕ «СТИХИ»
Бумага, тушь. 1937

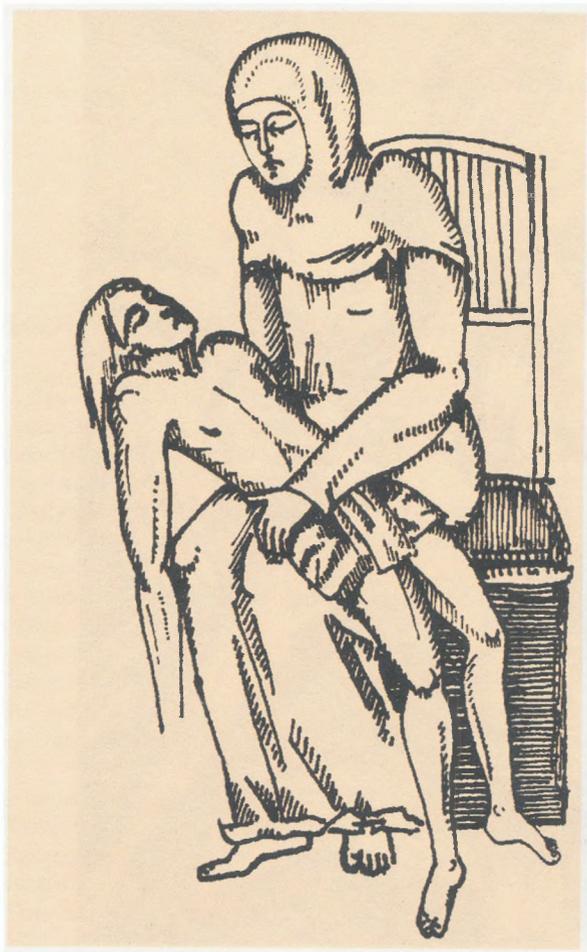
73. РИСУНОК В КНИГЕ «СТИХИ»
Бумага, тушь. 1937

74. РИСУНОК В КНИГЕ «СТИХИ»
Бумага, тушь. 1937

75. РИСУНОК В КНИГЕ «СТИХИ»
Бумага, тушь. 1937

76. РИСУНОК В КНИГЕ «СТИХИ»
Бумага, тушь. 1937

77. ПРЕСВЯТАЯ ТРОИЦА
Бумага, тушь. 1928—1930

Список иллюстраций в альбоме

1. Горний путь. Акв. 1917. (Условное название «Моление, отчаяние»). Из собрания Д. В. Куприянова. Государственный Тверской объединенный музей Россия.
2. Добрый пастырь. Акв. 1913—1917. (Название условно, есть основания полагать, что это изображение Давида в юности — см. 1 Книгу Царств, 17:14.) Из собрания Омельченко. Государственный Русский музей*. Санкт-Петербург.
3. Царь, пророк и псаломпевец Давид. Акв. 1911—1917. Из собрания Омельченко. ГРМ. Санкт-Петербург.
4. Встреча Марии и Елизаветы. Акв. 1911—1917. Из собрания Омельченко. ГРМ. Санкт-Петербург.
5. Ангелы трубящие. Акв. 1913—1917. Из собрания Омельченко. Частная коллекция (А. С. Сытова).
6. Пророки. Акв. 1913—1917. Из собрания Омельченко. ГРМ. Санкт-Петербург.
7. Материнство. Акв. 1913—1917. Из собрания Омельченко. ГРМ. Санкт-Петербург.
8. Притча о десяти девах. Акв. 1910—1920. Из собрания Омельченко. ГРМ. Санкт-Петербург.
9. В саду Эдемском. Акв. 1911—1917. (Название условно.) Из собрания Омельченко. ГРМ. Санкт-Петербург.
10. Евангелие детства. Акв. 1910—1917. Частная коллекция (А. С. Сытова). Россия.
11. «Я есмь лоза истинная» (Церковь Христова). Акв. 1911—1917. Из собрания Омельченко. ГРМ. Санкт-Петербург.
12. Премудрость построила себе храм. Акв. 1911—1917. Из собрания Омельченко. ГРМ. Санкт-Петербург.
13. Церковь небесная и земная. Евхаристия. Акв. 1917. Из собрания Д. В. Куприянова. Государственный Тверской объединенный музей. (Условное название «Видение»). Россия.
14. Церковь небесная и земная. Евхаристия. Фрагмент.

* Работы, находящиеся в настоящее время в ГРМ, воспроизводятся со слайдов, подаренных Игорю Александровичу Кривошеину сестрами Омельченко (архив Кривошеиных. Париж).

15. София — Премудрость Божия. Вышивка. 1932—1940. *Православный монастырь Иоанна Крестителя в Малдоне. Англия.*
16. Икона Преподобной Марии Египетской. Темпера. 1932. *Частная коллекция (о. Сергей Гаккель). Англия.*
17. Ангел с кадилом. Вышивка, инкрустация. 1932—1940. *Храм преподобного Сарофима Саровского и Покрова Пресвятой Богородицы в Париже. Франция.*
18. Ангел с кадилом. Фрагмент.
19. Святой Василий Блаженный, Христа ради юродивый. Темпера. 1930—1934. *Православный монастырь Знамения Божией Матери в Марсена. Франция.*
20. Царь, пророк и псалмопевец Давид. Дерево, темпера. 1932—1940. *Православный монастырь Знамения Божией Матери в Марсена. Франция.*
21. Жизнь царя Давида. Вышивка (гобелен). 1932—1940. *Православный монастырь Иоанна Крестителя в Малдоне. Англия.* Размер: 5 м 20 см x 78 см.
22. Помазание на царство.
23. Давид и Саул.
24. Победа Давида над Голиафом.
25. Хлеба предложения.
26. Царь Давид, пророк и псалмопевец.
27. Плащ Саула.
28. Давид пляшет перед Ковчегом Завета.
29. Давид и Вирсавия.
30. Смерть Давида.
31. Пресвятая Троица. Энкаустика. 1930—1942. *Частная коллекция (Г. И. Лещенко). Франция.*
32. Рождество Христово. Энкаустика. 1930—1942. *Частная коллекция (Г. И. Лещенко). Франция.*
33. Богоявление. Энкаустика. 1930—1942. *Частная коллекция (Г. И. Лещенко). Франция.*
34. Нагорная проповедь. Энкаустика. 1930—1942. *Частная коллекция (Г. И. Лещенко). Франция.*
35. Преображение Господне. Энкаустика. 1930—1942. *Частная коллекция (Г. И. Лещенко). Франция.*
36. Благовещение. Вышивка. Фрагмент облачения. 1932—1940.
37. Сретение Господа в Храме. Вышивка. Фрагмент облачения. 1932—1940.
38. Успение Пресвятой Богородицы. Вышивка. Фрагмент облачения. 1932—1940.
39. Икона Божией Матери Умиление. Вышивка, инкрустация, аппликация. Лик написан сестрой Иоанной. 1939—1940. *Православный собор св. Александра Невского в Париже. Франция.*

* В настоящее время эти пять икон переданы Георгием Ивановичем Лещенко в храм Покрова Пресвятой Богородицы (91, rue Lecourbe, Париж).

40. Образ Господень на убрусе. Вышивка, аппликация, живопись. 1939—1940. *Православный собор св. Александра Невского в Париже. Франция.*
41. Святой Филипп, митрополит Московский. Вышивка с инкрустациями. 1940. *Православный собор св. Александра Невского в Париже*. Франция.*
42. Икона Покрова Пресвятой Богородицы. Дерево, темпера. 1932—1938.
43. Плащаница Господня. Вышивка шерстью по льняной основе. 1936. *Храм преподобного Серафима Саровского и Покрова Пресвятой Богородицы в Париже. Франция.*
44. Плащаница усение Пресвятой Богородицы. Вышивка. 1932—1940. *Православный монастырь Знамения Божией Матери в Марсена. Франция.*
45. Икона Знамение Божией Матери. Вышивка (хоругвь). 1932—1940. *Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Париже. Франция.*
46. Спас Нерукотворный. Вышивка (хоругвь). 1932—1940. *Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Париже. Франция.*
47. Тайная Вечеря. Вышивка, гобелен. Фрагмент. 1940—1941. *Частная коллекция (о. Сергей Гаккель). Англия.*
48. Тайная Вечеря. Фрагмент.
49. Икона Божией Матери Умиление. Вышивка. 1935—1940. *Храм при Земгоре в Кормее (Русский дом для престарелых). Париж.*
50. Победа над злом (к высадке английского десанта в Нормандии). Вышивка на полотне (косынка). 1944. *Частная коллекция (Е. Д. Аржаковская-Клепинина). Париж.*
51. Орнамент. *Собрание рукописей и редких книг Колумбийского университета в Нью-Йорке. США.*
52. Орнамент. *Собрание рукописей и редких книг Колумбийского университета в Нью-Йорке. США.*
53. Орнамент. *Собрание рукописей и редких книг Колумбийского университета в Нью-Йорке. США.*
54. Орнамент. *Собрание рукописей и редких книг Колумбийского университета в Нью-Йорке. США.*
55. Святое семейство. Бумага, карандаш. *Собрание рукописей и редких книг Колумбийского университета в Нью-Йорке. США.*
56. Богородица с младенцем. Бумага, карандаш. *Собрание рукописей и редких книг Колумбийского университета в Нью-Йорке. США.*
57. Умиряющая Настенька. Бумага, карандаш. 1926. *Находится на хранении у о. Сергея Гаккеля. Англия.*
58. Умиряющая Настенька. Бумага, карандаш. 1926. *Находится на хранении у о. Сергея Гаккеля. Англия.*
59. Умиряющая Настенька. Бумага, карандаш. 1926. *Находится на хранении у о. Сергея Гаккеля. Англия.*

* В настоящее время, по благословию архиепископа Сергея (Коновалова), иконы переданы в храм Покрова Пресвятой Богородицы (91, rue Lecourbe), Париж.

60. Умирающая Настенька. Бумага, карандаш. 1926. *Находится на хранении у о. Сергия Гаккеля. Англия.*
61. Иов. Бумага, карандаш. *Собрание рукописей и редких книг Колумбийского университета в Нью-Йорке. США.*
62. Богородица (эскиз к иконе Богородица Афонская). Бумага, карандаш. *Собрание рукописей и редких книг Колумбийского университета в Нью-Йорке. США.*
63. Католическая монахиня. Бумага, карандаш. *Собрание рукописей и редких книг Колумбийского университета в Нью-Йорке. США.*
64. Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь. 1937. *Это издание хранится в частной коллекции (Г. И. Лещенко).*
65. Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь. 1937.
66. Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь. 1937.
67. Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь. 1937.
68. Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь. 1937.
69. Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь. 1937.
70. Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь. 1937.
71. Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь. 1937.
72. Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь. 1937.
73. Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь. 1937.
74. Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь. 1937.
75. Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь. 1937.
76. Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь. 1937.
77. Пресвятая Троица. Бумага, тушь. 1928—1930. *Собрание рукописей и редких книг Колумбийского университета в Нью-Йорке. США.*

Art and Creation

Elizaveta Yurievna Kuzmina-Karavaeva, or mother Maria as a nun, is well known as the lyrical poet. She began her creative work during the period of so-called “Silver Age”. But nearly no one knows that she was also gifted as a talented artist.

Unfortunately, the research work on this part of mother Maria’s active work was really difficult through the different problems. Owing to historical circumstances, she lived as an emigrant in France and there she seemed to begin her creative work all over again.

Period from 1911 up to 1921 was full of poetry, first exhibitions and philosophical essays. It was impregnated with the creative work of Alexander Block, Viatcheslav Ivanov, Nikolai Gumiliev, Nathalia Gontcharova, and Maximilian Voloshin. Even in her early poetical trials and works of art future mother Maria looked for the way of God-cognition. Then Modernistic art was given up by her, and she found herself in religious and symbolical genre of poetry and painting.

Small part of mothers Maria’s works of art remains till our days in Russia. A lot of her works were dispersed to different temples and private collections in France. Some of them were lost or destroyed.

During the last years the series of her drawings, embroidered icons, shrouds of Christ, which were created for temples and shelters was found in France, England and America. Walls and windows of the temples were decorated by mother Maria. Unfortunately, years passed, and now we can see only photos of these churches in Paris, and all the articles were dispersed to different collections.

Nowadays a lot of mother Maria’s literature work is published in Russia and West Europe. It allowed the wide circle of readers to know her as a poet, publicist and philosopher.

The fate of her works of art was another. They had no researcher and analyzer both in Russia and in the West. In the former USSR only one serious research work by art-critic A. S. Syitova was devoted to this side of mother Maria’s creative work. It was published after the Russian Museum acquired series of water-colors of 1911 and 1917.

But this publication is devoted to her creative work of the period before the Revolution.

Subjects of mother Maria's works of art are connected with Old Testament. It is remarkable, that her reading of Old Testament and its reconstruction in water-colors or embroidery are always extraordinary, symbolical and mystical.

Mother Maria was the poet, artist, philosopher, but after taking the veil she devoted all her talents and love to the destituted persons.

Mother Maria was arrested in 1943 in Paris and then she was sent to the Ravensbrück concentration camp. Even there she proceeded her creation – she embroidered the Kerchief and the Icon. This Kerchief had a miraculous escape and remained till our days. "If I have time to finish this embroidery, I will survive," often said mother Maria to her neighbors in the camp.

Mother Maria did not live as long as Victory for two months. She perished in Ravensbrück incinerator on Holy Friday in 1945. Her last embroidered icon vanished without a trace.

Mother Maria did not afraid of death because the death meant the meeting with God for her. She aspired to God with all her heart and went to Him all her life.

Mère Marie et son Art (1891—1945)

Mère Marie, a commencé par être connue en tant que poète lyrique sous le nom de Kouzmina-Karavaeva. Ses premières poésies ont été écrites du vivant d'Alexandre Blok, époque entrée dans l'histoire de l'art sous le nom de «Siècle d'argent». Son œuvre picturale et artistique est malheureusement restée bien plus confidentielle. Certains critiques estiment que mère Marie était par ses dons bien plus peintre que poète. Plusieurs raisons ont rendu difficile l'étude du patrimoine artistique de mère Marie. L'exil a coupé en deux la vie ainsi que l'œuvre de mère Marie. De 1911 à 1921, encore en Russie, ce furent les premières expositions, les premiers poèmes et essais philosophiques. Elle faisait partie des cercles qu'animait Alexandre Blok, Nikolai Goumilev, Nathalie Gontcharova... Dès ses tout débuts dans l'art la future moniale aspire à la connaissance de Dieu. Avec le temps elle s'éloigne du modernisme et trouve son expression dans le symbolisme pictural et poétique.

Certaines œuvres graphiques de mère Marie se sont conservées en Russie. En France, là où s'est déroulée la deuxième partie de sa vie ses créations sont éparpillées dans diverses paroisses, chez des collectionneurs, ont été perdues, parfois détruites. Ni en Russie, ni plus tard en France l'auteur n'a jamais signé ses tableaux ou ses broderies. De futures trouvailles ne sont donc pas impossibles! Ces dernières années des dessins, des icônes brodées, des vêtements sacerdotaux, des saints suaires ont été trouvés en France, en Grande-Bretagne et aux États-Unis. Mère Marie décorait les murs des paroisses et des foyers qu'elle fondait pour les émigrés russes les plus déshérités. Malheureusement nous ne disposons maintenant que de photos de ces murs et de ces décorations. Quant aux tableaux et aux broderies ils sont éparpillés.

La majeure partie de l'œuvre écrite de mère Marie a été à plusieurs reprises éditée en Russie comme en Europe Occidentale. Cet ouvrage a pour but de montrer la partie encore inconnue et inédite de ce remarquable patrimoine artistique.

Comme nombre de ses contemporains mère Marie n'a pas suivi de formation académique. Elle n'est pas allée apprendre dans les ateliers ou les studios de peintres célèbres. Sa famille, sa présence dans les cercles artistiques de l'époque de sa jeunesse lui ont servi d'école. Les longues années qu'elle a vécu en France ont profondément

marqué son art. A Paris elle rencontre des intellectuels français, se lie avec les meilleurs écrivains, penseurs, philosophes de la diaspora russe. Tout ce qu'elle a fait est inspiré par les Ecritures vétérotestamentaires et évangéliques. Aquarelles, temperas, huiles, broderies sont l'expression d'une lecture symboliques, mystique, voire mystérieuse des écrits révélés.

Fidèle à ses vœux, mère Marie a donné la richesse de ses talents, ses forces et son amour aux pauvres, ses prochains.

Nicolas Berdiaiev disait d'elle: «La moniale Marie, comme beaucoup de saintes femmes russes tellement attrayantes tournées vers le monde aspirait au sacrifice, voulait soulager les souffrances, ignorait la peur».

La future mère Marie (Elisabeth Pilenko dans le monde) est née à Riga, en Russie le 8 décembre 1891. A sa naissance l'enfant a failli mourir et n'a été sauvée que grâce à une intervention chirurgicale. Quelques jours plus tard elle a failli s'asphyxier lorsque le prêtre l'immergeait dans les fonds baptismaux, et pour une seconde fois, elle est revenue à la vie! Pendant toute son existence Elisabeth a été menacée par de multiples dangers. Dès sa première jeunesse elle avait la prescience de ce qui allait devenir son lot : tourmentes, souffrances et, enfin, les flammes...

Les dernières années de sa vie elle avait la certitude d'aller au bûcher, et d'y aller, selon son expression, «avec des compagnons de sépulcre». En effet, le camion-chambre à gaz, puis le four crématoire a été pour mère Marie et ses compagnes comme un cercueil commun.

Son enfance et son adolescence se sont passées dans la ville d'Anapa, sur le littoral de la mer Noire. Son père, agronome de métier devenu par la suite le directeur d'un grand jardin botanique en Crimée, possédait près d'Anapa un petit domaine avec des vignobles. La famille allait passer les hivers à Saint-Pétersbourg. Après la mort du père les Pilenko vont s'installer définitivement dans la capitale, Elisabeth y fréquente le lycée. Très tôt l'enfant a manifesté de grandes aptitudes pour le dessin, la littérature et la broderie. Elle réfléchissait déjà à ce qu'est la vérité, à l'existence de Dieu, d'un Dieu d'amour et de justice. La mort de son père avait suscité en elle un très fort sentiment de révolte.

A quinze ans elle s'intéresse aux lettres, à la poésie, assiste à des soirées littéraires, c'est là que pour la première fois elle rencontre Alexandre Blok. C'était le début de leur amitié, elle avait quinze ans, le célèbre poète en avait vingt cinq.

A dix huit ans elle épouse Dimitri Kouzmine-Karavaev (il terminera sa vie en exil, membre de la Compagnie de Jésus). Juriste de formation, cet homme brillant était

l'ami de nombreux écrivains et artistes. Pendant les courtes années de ce mariage Elisabeth approfondit sa recherche spirituelle. Assez tôt elle publie quelques recueils poétiques («Ruth», «Journali», etc.) Quelques années plus tard elle se sépare de son mari et part avec sa fille Gajana habiter son domaine d'Anapa. C'est là que la trouve la révolution de 1917. C'est là qu'elle fait la rencontre de Daniel Skobtzov qui deviendra son deuxième mari.

Via la Géorgie, puis Constantinople et la Yougoslavie — Elisabeth, sa mère, son mari et leurs trois enfants viennent en 1923 s'installer à Paris. Leur fille de deux ans Anastasie meurt peu de temps (1926) après leur arrivée en France. La misère, l'exil, la mort de l'enfant ont été pour la future mère Marie une puissante impulsion spirituelle. Elle disait alors : «Aimez vous les uns les autres, mais pleinement et sans retenue quelles que soient les épreuves...» Le malheur des autres, proches ou moins proches, la détourne de son propre deuil. La mort de la petite Anastasie n'a pas tué l'élan maternel d'Elisabeth Skobtzov, qui éprouve le désir de plus en plus prenant de se mettre au service de des déshérités. Dès la fin des années vingt, elle organise l'aide à tous ceux qui ont le plus besoin de soutien et de compassion, et il y en avait tellement dans l'émigration russe en France... Le chômage poussait les hommes dans les bistros, les familles vivaient dans les taudis cosmopolites de Marseille, dans les cités minières. Souvent les anciens officiers de l'armée russe sombraient dans la folie...

Son travail d'assistance était devenu tellement prenant que bientôt il devint un obstacle à sa propre vie de famille. Elle sentait en elle le désir croissant de prendre les ordres, de se consacrer sans réserve au service de Dieu et des hommes.

Le Métropolitain Euloge (Guéorguievsky) l'a encouragé dans cette voie et, avec bien sûr, le consentement de son époux prononça son divorce religieux. C'est lui qui, à l'église de l'Institut Théologique Saint Serge reçut ses vœux et lui conféra le nom de Marie d'Égypte.

Mère Marie se fixa pour objectif de créer des lieux d'Accueil pour ses compatriotes les plus malheureux ainsi que de faire ouvrir de nouvelles paroisses.

Au début des années 30 elle fonde «L'œuvre orthodoxe» (ce nom fut choisi sur le conseil de Nicolas Berdiaev), aidée en cela par le père Dimitri Klepinine, Fédor Pianov et Youri Kazatchkine, ils restèrent tous à ses côtés jusqu'au bout.

Paris est occupée par la Wermacht. Le foyer qu'elle avait fondé au 77 de la rue de Lourmel, dans le quinzième arrondissement, devient l'un des hauts lieux des premières années de la Résistance. Mère Marie était entrée dans une zone de haut risque! Des prisonniers de guerre soviétiques évadés trouvaient refuge rue de Lourmel. Des colis et des mandats étaient réunis et envoyés aux détenus du camp de Compiègne, des évasions étaient organisées... De faux certificats de baptême étaient établis pour des juifs menacés de déportation... Mère Marie était au cœur de tout cela.

Fatalement ces activités conduisent, en février 1943, à l'arrestation par la Gestapo de son fils Youri, ainsi que du père Dimitri Klepinine. Déportés à Buchenwald ils y périssent tous les deux. Mère Marie est arrêtée elle aussi et envoyée dans le camp de Ravensbruck. Il existe plusieurs versions de sa fin...

Mère Marie avait réussi à se procurer dans le camp le nécessaire pour se mettre à broder une icône et un foulard, (celui-ci s'est conservé chez la fille du père Klepinine). A plusieurs reprises elle avait dit à ses voisines de châlit «Si je parvenais à terminer la broderie de l'icône, je m'en sortirai». D'après l'un des témoignages mère Marie se substitua volontairement en changeant d'identité à l'une des jeunes déportées vouées à la chambre à gaz, c'était le 31 mars 1945, jour du vendredi Saint d'après le calendrier pascal occidental.

Une autre version veut qu'elle tombe malade de la dysenterie, ses camarades réussirent pendant longtemps à la cacher, mais elle fut tout de même découverte fin mars. Elle était dans un tel état de faiblesse qu'elle ne pouvait pas tenir debout. Le lendemain elle franchissait le seuil de la chambre à gaz.

Mère Marie ne craignait pas la mort, car la mort était pour elle une rencontre avec Dieu et cet espoir avait été le sens de toute sa vie.

Содержание

Подвиг матери Марии. <i>Кирилл,</i> <i>митрополит Смоленский и Калининградский</i>	6
«И до конца надо мне обнищать». <i>Жорж Нива</i>	8
Горный путь. Очерк жизни и творчества матери Марии. <i>К. И. Кривошеина, А. Н. Шустов.</i>	13
Примечания	83
Краткая летопись жизни матери Марии. <i>А. Н. Шустов</i>	89
Красота спасающая. <i>Альбом иллюстраций</i>	113
Список иллюстраций	193
Art and Creation	197
Mère Marie et son Art (1891—1945)	199

Мать Мария (Скобцова)

М25 Красота спасающая: живопись, графика, вышивка. — Санкт-Петербург, «Искусство—СПБ», 2004. — 204 с., ил., цв. ил.

ISBN 5-210-01573-4

Книга-альбом впервые представляет художественное творчество м. Марии (Скобцовой). Как литератор Е. Ю. Кузьмина-Караваева известна почитателям поэзии «серебряного века», но мало кто имеет о ней представление как о само-бытном художнике. Произведения м. Марии — живопись, графика и ценней-шие вышивки на библейские сюжеты — хранятся в частных собраниях Евро-пы, в храмах Франции. Большая часть их никогда не воспроизводилась. Книга включает обширный очерк жизни и творчества м. Марии, справочный аппарат и будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей.

УДК 75/76
ББК 85.1

Литературно-художественное издание

КРАСОТА СПАСАЮЩАЯ

Мать Мария (Скобцова)

Живопись

Графика

Вышивка

Автор-составитель Ксения Игоревна Кривошеина

Редактор Н. Г. Николаюк

Корректор Л. Н. Борисова

Компьютерный набор А. А. Клочковой

Компьютерная верстка Ю. А. Хайретдинова

ЛР № 000024 от 09.10.1998 г.

Подписано в печать 04.12.2003. Формат 70 × 84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Балтика. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,17. Усл. кр.-отг. 31,34. Уч.-изд. л. 9,42. Тираж 2000 экз. Заказ № 669.

Отпечатано с диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906». 191119, С.-Петербург, Социалистическая ул., 11-а.

Издательство «Искусство—СПБ»

предлагает приобрести (оптом, в розницу,
через систему «Книга — почтой») следующие издания:

*Елизавета Кузьмина-Караваева.
Мать Мария*

РАВНИНА РУССКАЯ

(767 с., ил. ISBN 5-210-01541-6)

Первое полное комментированное собрание поэтических и прозаических произведений Е. Ю. Кузьминой-Караваевой представляет во всем объеме ее творческое наследие. В книгу вошли малоизвестные широкому читателю книги стихов, повести, мемуарные очерки, в том числе и не публиковавшиеся в России. В них отразились духовные искания русской интеллигенции, сформированной культурой «серебряного века», прошедшей горнило гражданской войны, эмиграции.

Подробные примечания, фундаментальная вступительная статья и большое количество иллюстраций

помогают открыть для читателей, по существу, новое имя в русской литературе.

Выходит в свет:

*Елизавета Кузьмина-Караваева.
Мать Мария*

ЖАТВА ДУХА

В книгу вошли религиозно-философские произведения м. Марии, малоизвестные современному читателю. Это переложенные поэтом жития святых, статьи, посвященные историческим судьбам Европы и России, русским философам и писателям — Хомякову, Достоевскому, Вл. Соловьеву. Центральные темы ее статей — судьбы России и Русской Церкви, этика любви к ближнему, тоталитаризм и демократия.

Имеет обширный справочный аппарат, иллюстрирована. Для широкого круга читателей.

РУССКИЙ ПРАЗДНИК. ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

(672 с., ил. ISBN 5-210-01497-5)

Очередной том серии «История в зеркале быта», подготовленный специалистами-этнографами, посвящен традиционной праздничной культуре русского народа в XVIII—XIX веках.

В энциклопедию включены все главные церковные праздники: Пасха, Рождество Христово, Троица и др., праздники народного календаря: мужские и женские, посиделки и братчины, «куриные» и «конские», праздники семьи и молодежные гулянья.

Прочный научный фундамент, ясность и доступность изложения делают книгу неоценимым справочником. Ее с увлечением прочтут все интересующиеся русской историей и культурой.

Издание иллюстрировано рисунками, а также документальными фотографиями из фондов Российского этнографического музея.

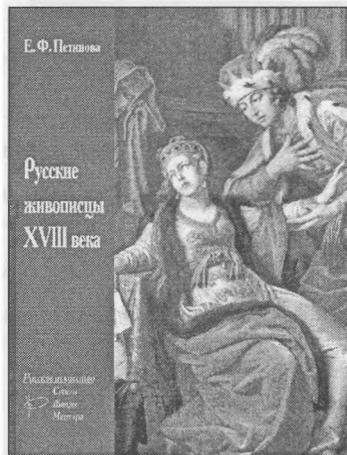
Е. Ф. Петина

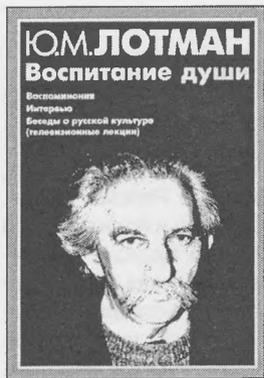
РУССКИЕ ЖИВОПИСЦЫ XVIII ВЕКА. БИОГРАФИИ

(336 с., ил. ISBN 5-210-01547-5)

Автор книги — сотрудник Русского музея, кандидат искусствоведения Е. Ф. Петина — известна как серьезный исследователь и блестящий популяризатор. История живописи XVIII столетия дана в форме творческих биографий художников. Среди них — Ф. С. Рокотов, Д. Г. Левицкий, В. Л. Боровиковский, А. П. Лосенко. Автор рассказывает о влиянии европейского искусства на русскую светскую живопись, становление которой приходится на XVIII век, о художественных процессах этого периода — смене стилей, развитии жанров и т. п. Основной текст дополнен словарем искусствоведческих терминов и списком литературы. Книга богато иллюстрирована.

Издание адресовано, в первую очередь, учащейся молодежи, а также широкому кругу читателей.

Ю. М. Лотман

ВОСПИТАНИЕ ДУШИ

(624 с. ISBN 5-210-01575-0)

Новый том сочинений Ю. М. Лотмана представляет его удивительный талант педагога и просветителя. В книге впервые собраны публицистические выступления, автобиографические тексты. С Лотманом-драматургом знакомит сценарий телевизионного фильма о Пушкине. Впервые полностью публикуется текст телевизионных лекций — «Беседы о русской культуре».

З. Г. Минц

ПОЭТИКА АЛЕКСАНДРА БЛОКА

(727 с. ISBN 5-210-01505-X)

В том впервые собраны труды одной из ярких представительниц тартуско-московской литературоведческой школы — З. Г. Минц, посвященные поэтике А. Блока. Ее исследования (и монография «Лирика Александра Блока», и отдельные статьи) составляют лучшую часть блоковедения последних десятилетий, определяют его современный уровень.

Книга адресована филологам и историкам культуры, учителям-словесникам и учащимся школ, а также всем, кто интересуется историей и поэтикой русского символизма.

З. Г. Минц

АЛЕКСАНДР БЛОК И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

(787 с., ил. ISBN 5-210-01532-7)

Второй том посвящен взаимосвязям творчества Блока с творчеством его предшественников, а также соратников по литературному направлению — русских символистов. Фундаментальные исследования: «Блок и Достоевский», «Блок и Пушкин»; публикаторская работа «Блок в полемике с Мережковскими»; обзоры переписки Блока с А. Ремизовым, В. Брюсовым — раскрывают множественные связи поэта с русской культурой.

С. В. Лобачев

ПАТРИАРХ НИКОН

(416 с., ил. ISBN 5-210-01561-0)

Историческое исследование о времени патриарха Никона, одного из выдающихся церковных деятелей России XVII в., посвящено не только биографии патриарха, но и политической истории, взаимоотношениям государства и Церкви, международной политике, культуре переходного периода. Шесть лет патриаршества Никона (1652—1658) были насыщены событиями, ни одно из которых не происходило без личного участия владыки. Монография снабжена справочным аппаратом, подробным списком литературы и приложениями.

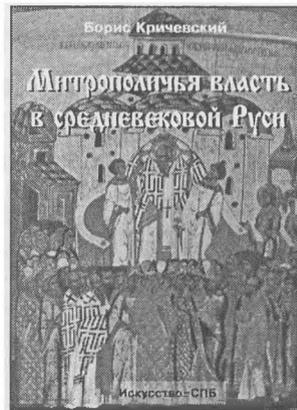
Б. Кричевский

МИТРОПОЛИЧЬЯ ВЛАСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

(264 с. ISBN 5-210-01553-X)

В книге подробно освещена история Русской Церкви в один из наиболее значительных периодов — в эпоху возрождения российской государственности. Показана роль митрополитов XIV столетия в «собираании» русских земель, в развитии дипломатических связей Руси с Европой и Востоком. Привлечены летописные источники и архивные материалы.

Адресована студентам, аспирантам, преподавателям и всем читателям, интересующимся историей.

Книги можно приобрести в издательстве «Искусство—СПБ»

по адресу: 191014 Санкт-Петербург, Саперный пер., 10, офис 8.

Коммерческая служба издательства: тел. (812) 275-29-49; факс (812) 275-46-45

E-mail: iskusstvo-spb@mail.ru

www.iskusstvo-spb.narod.ru

«Книга — почтой»: ГУП «Техническая книга»,

191040 Санкт-Петербург, Пушкинская ул., 2.

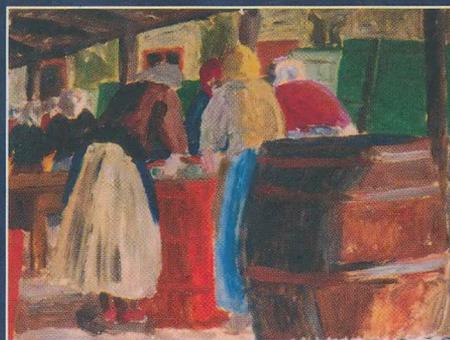
Тел.: (812) 164-65-65, (812) 325-35-89

E-mail: techkniga@policom.ru

www.techkniga.spb.ru

ЗА РАБОТОЙ. Акварель. 1910 – 1917

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (Скобцова; в монашестве мать Мария) известна прежде всего как автор лирических стихов, зазвучавших в эпоху Александра Блока. Сегодня, когда значительная часть литературного наследия матери Марии возвращена читателю, ее имя прочно связывают с поэзией «серебряного века». Однако мало кто знает, что природа и Бог одарили эту замечательную женщину еще и подлинным талантом художника. Иные исследователи ставят художественное творчество матери Марии даже выше поэтического.

ISBN 5-210-01573-4

9 785210 015730